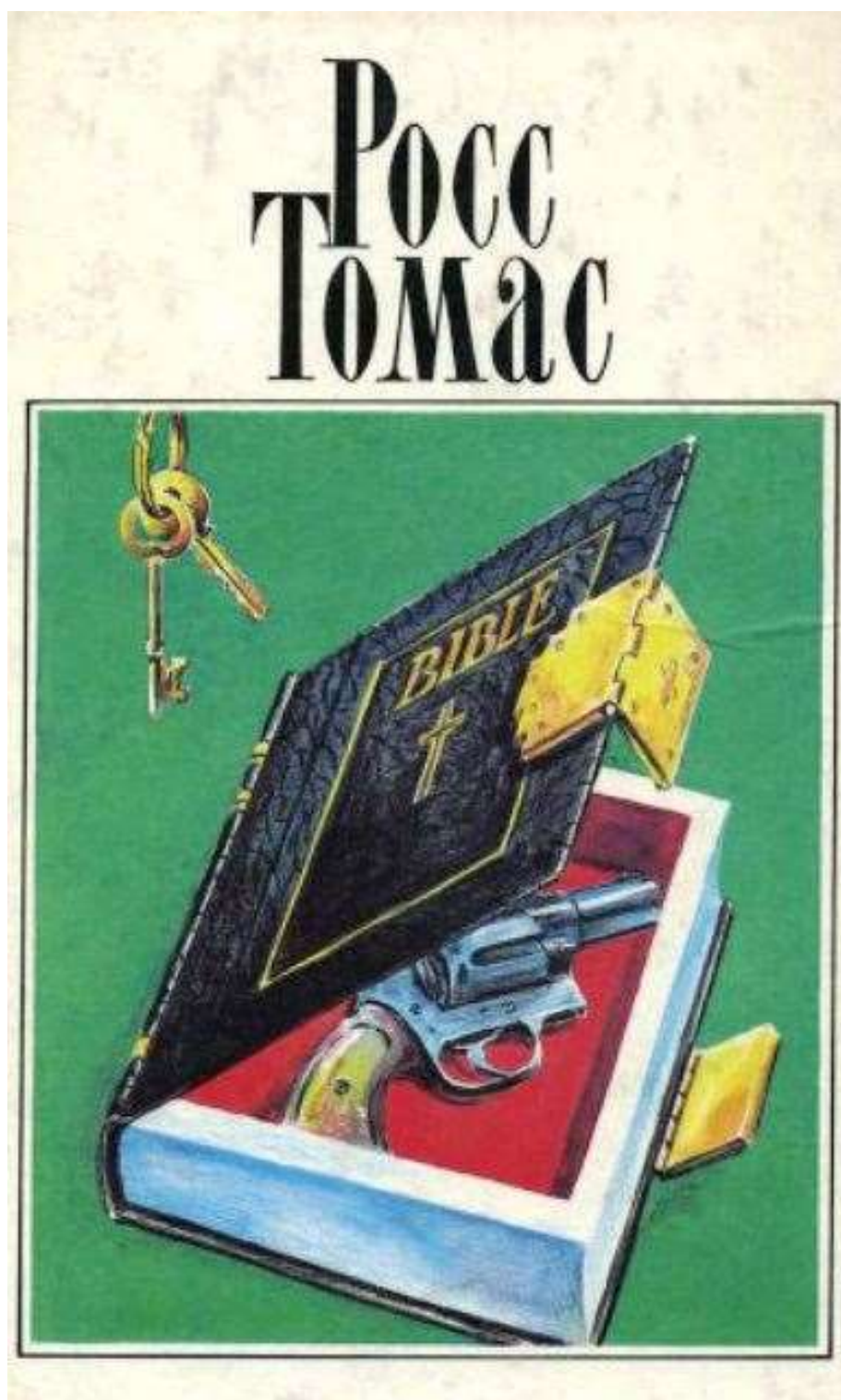

Росс Томас

Прилипалы

Глава 1

Купюры были старые, мятые, потертые, где-то засаленные, одна даже надорванная и аккуратно заклеенная скотчем. Изначально их было семьдесят пять, но до Трумена Гоффа дошло только пятьдесят, пятьдесят стодолларовых купюр — пять тысяч долларов — в точности та сумма, которую Трумен Гофф решил брать в этом году за свои услуги.

Пяти тысячам долларов потребовалось три недели, чтобы попасть в руки Гоффа. И причину задержки не следовало искать лишь в хронической медлительности почтовой службы. Главным образом сказалась недисциплинированность тех пяти человек, через которых прошли деньги. Каждый из них брал себе две, три, а то и десять купюр, прежде чем запечатать оставшиеся и отправить следующему адресату вместе с прямоугольником, три на пять дюймов, из плотной белой бумаги, с именем и фамилией, написанными печатными буквами. Карандашом.

Первую остановку тогда еще семь с половиной тысяч долларов и белый прямоугольник сделали в агентстве пятидесятидвухлетнего частного детектива, на пятом этаже административного здания в Миннеаполисе. Специализировался детектив, как он говорил клиентам, на электронном наблюдении. Звали его Карл Сифтестад, и приходили к нему главным образом женатые мужчины средних лет, которые думали или даже надеялись, что Сифтестад сможет снабдить их уликами, с помощью которых им удастся развестись с женами.

В удачный год агентство Сифтестада в Бензер-Билдинг приносило девять тысяч долларов, о которых он, как законопослушный гражданин, сообщал в налоговые управления — штата и федеральное. Еще девять или десять тысяч долларов, остающихся неучтенными, он зарабатывал, организуя деловые встречи.

За триста долларов он мог свести вас с человеком, который продал бы вам новый «кадиллак» или «Континентал» за три с половиной тысячи долларов, если вы не стали бы слишком дотошно разглядывать документы на автомобиль. За побори Сифтестад брал пятьсот долларов, гарантируя, что потенциальная жертва «получит на орехи». Грязную работу выполнял один миннеаполисский пожарный в свободное от службы время. Деньги Сифтестад и пожарный делили пополам.

Письмо с семью с половиной тысячами долларов поступило к Сифтестаду четырнадцатого августа, в понедельник, в одиннадцать утра, одновременно с рекламным проспектом, предлагающим купить партию фотоаппаратов у оптового торговца в Сент-Луисе. Сифтестад внимательно прочитал проспект, прежде чем бросить его в мусорную корзину. Он внимательно прочитывал всю получаемую корреспонденцию, поскольку не мог похвастаться ее обилием.

А вот в продолговатом коричневом конверте ничего читабельного не нашлось, если не считать имени и фамилии на белом прямоугольнике да одинаковых надписей на семидесяти пяти купюрах. Сифтестад узнал фамилию и счел необходимым отдать ей должное, а потому пару раз присвистнул. Затем он пересчитал деньги.

За последние четыре года он уже в седьмой раз получал письмо, аналогичное тому, что лежало сейчас на его столе. Из первого он достал пять тысяч долларов и белый прямоугольник с именем и фамилией. Оно прибыло через два дня после того, как Сифтестаду позвонил мужчина, представившийся как Билл, вернее Просто-Билл.

— Вам понравится то, что я сейчас скажу, — прямо заявил этот мужчина, желавший, чтобы его звали Просто-Билл.

— И что же мне понравится? — полюбопытствовал Сифтестад.

— С нашей помощью вы время от времени будете зарабатывать пару сотен, ничего не делая.

— Что значит ничего не делая?

— То и значит. Вы получите конверт с деньгами. Возьмете пару сотен, найдете другой конверт и отправите оставшуюся сумму по указанному мною адресу. Марки купите сами.

— И все? — спросил Сифтестад.

— И все. Ничего более. Как я и сказал, вы заработаете пару сотен, ничего не делая.

— Ну, я не знаю...

— Сифтестад.

— Что?

— Вы нам нравитесь. Действительно нравитесь. Мы не хотим, чтобы с вами что-либо случилось, и вас мы выбрали потому, что вы знаете, как легко человек может нарваться на неприятности. Вы меня понимаете?

— Да, — ответил Сифтестад. — В общем-то, да.

— Вот и отлично. Вы станете нашей почтовой службой. Ничего более.

— Вы в этом уверены?

— С чего мне вам лгать?

— А почему нет? Другие-то лгут.

Просто-Билл хохотнул, грустно, безо всякого веселья, как бы показывая, что эта особенность человеческой сущности ему хорошо известна.

— Так вот, мы не в бирюльки играем и рассчитываем, что вы серьезно отнесетесь к нашему предложению. Надеюсь, мы поняли друг друга?

— Да, конечно.

— Я рад, что мы со всем разобрались. Есть у вас чем писать?

— Я что-нибудь найду.

По телефону Просто-Билл продиктовал адрес в восточном секторе Сент-Луиса, штат Иллинойс. Простой адрес и еще более простую фамилию, но Просто-Билл попросил Сифтестада дважды повторить то, что он записал.

— И вот что еще, — добавил Просто-Билл.

— Что?

— Не потеряйте адрес.

Больше Просто-Билл ему не звонил, и Сифтестад вспоминал о его существовании, лишь получая письма. Во втором лежали уже шесть тысяч долларов. В следующих трех — шесть с половиной, потом семь, а в последнем, седьмом по счету, семь с половиной.

Поскольку Сифтестад не интересовался событиями внутренней жизни Соединенных Штатов, написанные карандашом фамилии в предыдущих шести письмах ничего для него не значили. Если бы он повнимательнее читал «Миннеаполис трибюн», то мог бы увидеть, но, скорее всего, не запомнить, одну, две, а то и три фамилии, упомянутые в течение года в коротких заметках от Эй-Пи или Ю-Пи-И.¹ Речь в них шла о не слишком интересных событиях, имевших место в Лос-Анджелесе, Нью-Йорке, Чикаго или Вашингтоне.

Но Сифтестад не читал газеты, лишь изредка проглядывал спортивный раздел. Все

¹ Ведущие телеграфные агентства AP (Ассошиэйтед Пресс) и UPI (Юнайтед Пресс Интернейшнл).

новости он узнавал по телевизору, как и большинство его современников, а шесть фамилий, написанные на белых прямоугольниках, что побывали на его столе за прошедшие четыре года, в информационных выпусках не упоминались.

Короче, Сифтестад предпочитал и далее пребывать в неведении, поскольку ему хватило ума понять, с чего это совершенно незнакомый человек доверяет ему столь большие суммы денег в полной уверенности, что он отправит их по указанному адресу в восточном секторе Сент-Луиса. Я уж, конечно, не хочу увидеть свою фамилию, написанную на таком вот белом прямоугольнике, думал Сифтестад, если он вообще думал о Просто-Билле, что случалось нечасто, потому что мысли эти не приносили денег, а кроме того, вызывали неприятные эмоции. А Сифтестад не любил думать о неприятном без крайней на то необходимости.

Но фамилия, написанная на белом прямоугольнике, что сейчас лег на стол Сифтестада, вызвала некоторые ассоциации, поскольку человек, носивший ее, нанимал людей, которые содействовали тому, чтобы его фамилия изредка мелькала в телевизионных выпусках новостей. Люди, которых он нанимал, справлялись со своей задачей довольно-таки успешно, ибо человек этот занимал высокий пост и его деятельность вызывала не слишком большой, но общенациональный интерес.

Сифтестад постукал по белому прямоугольнику указательным пальцем правой руки. Фамилия эта означала большие деньги, если, конечно, подойти к этому вопросу творчески. Какое-то время Сифтестад перебирал возможные варианты. Но энтузиазм его как-то сразу увял, едва Сифтестад вспомнил того, кто представлялся ему по телефону как Просто-Билл. «Ты не так уж умен, чтобы идти против таких, как он», — сказал себе Сифтестад. А потому он вздохнул, взял две стодолларовые купюры из лежащей перед ним стопки, сложил, сунул в карман брюк, нашел чистый конверт, шариковой ручкой написал на нем фамилию и адрес человека, проживающего в восточном секторе Сент-Луиса, которые продиктовали ему по телефону четыре года тому назад.

Бросив конверт в почтовый ящик, Карл Сифтестад сказал себе, что в ближайшие несколько недель он должен более внимательно читать газеты. Интересно же прочесть о том, к чему имеешь непосредственное отношение.

Глава 2

Тремя днями позже, семнадцатого августа, конверт, брошенный в почтовый ящик миннеаполиским частным детективом, прибыл в бар на углу Маргейт-авеню и Уиндер-стрит в восточном секторе Сент-Луиса, штат Иллинойс.

Бар этот так и назывался «Бар на углу», с легкой руки его владельца Джулиуса Си Имса, здоровяка негра весом в двести четырнадцать фунтов, который восемь лет тому назад выиграл этот бар в карты в Джоппине, что в штате Миссури. С той поры Имс в карты больше не играл, справедливо полагая, что в ту ночь в Джоппине использовал всю долю удачи, отпущенную ему Господом Богом, ибо стал не только владельцем бара, но и получил пять тысяч четыреста шестьдесят девять долларов. Наличными. И теперь утолял свое честволюбие продажей джина «Дикси Белл», водки «Смирнофф», вина «Тандербед» и пива «Фальстафф». Немало продавал он и американского виски, а вот шотландского — чуть-чуть.

«Бар на углу» приносил доход, но не слишком большой, а потому Имс увеличивал его, ссужая своим клиентам небольшие суммы. К примеру, одалживал пятьдесят

баксов в пятницу, чтобы неделей позже получить шестьдесят. Обычно в обороте Имс держал порядка полутора тысяч долларов, и мало кто решался не вернуть долг к назначенному сроку. Во-первых, им нравился уровень обслуживания, а во-вторых, они все знали о том, к чему привела попытка ограбления бара.

Случилось это четыремя годами раньше, аккуратно после того, как Имсу позвонил мужчина, назвавшийся Просто-Билл, и попросил его о той же услуге, что и Сифтестада из Миннеаполиса. Имс отказался, возможно, излишне резко. Три дня спустя в «Бар на углу» вошел высокий стройный юноша-негр, наставил на Имса револьвер двадцать второго калибра и потребовал денег. Имс кивнул и, обогнув стойку, двинулся на юношу. Тот успел выстрелить три раза, прежде чем Имс отобрал револьвер и коротким ударом ребром ладони левой руки сломал юноше шею.

Когда девять дней спустя Имс вышел из больницы, завсегдатаи бара встретили его как героя. И ему тут же позвонил Просто-Билл.

— Нам понравилось, как вы разобрались с этим юношей, которого мы послали к вам. Простенько и без затей.

— Так это вы послали его?

— Совершенно верно. Разумеется, он был молокососом. Мы можем послать кого-нибудь постарше. С пистолетом более крупного калибра. Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Да-да. Очень хорошо понимаю. А может, вы еще раз скажете, чего вы от меня хотели?

Билл сказал, и теперь Имс, сидя в одной из дальних кабинок, в седьмой раз выводил на конверте фамилию и адрес человека, живущего в Буффало, штат Нью-Йорк. Фамилию на белом прямоугольнике Имс даже не прочитал.

Человек, живущий в Буффало, родился там тридцатью шестью годами раньше и теперь хозяйничал в итальянском ресторанчике, унаследованном от отца, Френка Мартелли, который умер в тысяча девятьсот пятьдесят девятом году, сидя на диване в собственной гостиной. В похоронном бюро ничего не смогли сделать, потому что заряд дроби снес Френку едва ли не всю голову, так что хоронить его пришлось в закрытом гробу. Юный Мартелли, которого все звали Френк-младший, хотя крестили его как Энрико, стал владельцем ресторана. Поскольку он не стал болтать лишнего, прежние деловые партнеры отца оставили его в покое.

Письмо от Имса пришло к Френку-младшему в понедельник, двадцать первого августа. Он взял себе пять сто долларовых купюр, а остальные шестьдесят шесть положил в конверт, на котором уже надписал номер почтового ящика в городе Джек, в Оклахоме. Френк-младший узнал фамилию на белом прямоугольнике и перекрестился. После смерти отца он стал очень набожным, но тем не менее даже на исповеди не говорил о фамилиях, написанных карандашом на белых прямоугольниках.

Почтовое отделение в Джеке, штат Оклахома, располагалось в помещении универсального магазина, который уже сорок два года принадлежал старику Уимлу. Письмо из Буффало, штат Нью-Йорк, он опустил в ящик нового парня. Нового парня звали Брайан Симпсон, и уже шесть лет он вместе с женой жил на ферме (сто шестьдесят акров земли) в девяти милях от Джека. Из живности он держал несколько коров, ничего не сажал по весне и не собирал урожай осенью. Соседи полагали, что жена Симпсона женщина богатая, потому что по нему чувствовалось, что он бессребреник и деньги у него не задерживаются. К тому же выглядел Симпсон как вылитый индеец.

Симпсон вскрыл конверт лишь вернувшись на ферму. Пересчитал деньги, отложил себе шесть сотенных. Взглянул на белый прямоугольник и усмехнулся, узнав фамилию. Да уж, будет что посмотреть по ти-ви, подумал он. Написав новый конверт и вложив в него шестьдесят стадолларовых купюр и белый прямоугольник, он прошел в кладовую, достал маленький сейф и открыл его.

Положил шестьсот долларов к тем, что остались от ста двадцати шести тысяч баксов, которые он в одиночку взял шесть лет тому назад в отделении банка «Риггз Нэшнл» на Эл-стрит в Вашингтоне. Сел в «шевроле» и проехал восемьдесят одну милю до Форт-Смит, откуда и отправил письмо.

Из Форт-Смит, штат Арканзас, деньги и белый прямоугольник полетели в Лос-Анджелес, где двадцать девятого августа, во вторник, их получила мисс Джоан Литтлстоун, проживающая в собственной квартире на Хиллдейт, в квартале от Бульвара заходящего солнца. Умную, приятной наружности, скрупулезно честную мисс Литтлстоун любили как клиенты, так и сотрудницы. Она приглядывала за шестью девушками и пользовалась заслуженным уважением в сфере человеческой деятельности, которой отдала, в том или ином качестве, тридцать семь из своих пятидесяти трех лет. Когда ей позвонил Просто-Билл, она с готовностью согласилась на его предложение, ибо всегда выполняла то, о чем просили мужчины, какими бы странными ни казались ей их желания. Вознаграждение в тысячу долларов показалось ей излишне высоким, но и тут она не стала спорить. С давних пор она поняла, что некоторые мужчины готовы платить больше, чем стоят оказываемые им услуги. Были и такие, кому нравилось, когда их обсчитывают, но так или иначе мисс Литтлстоун не привыкла отказываться от денег, которые сами плыли в руки. При минимальном, во всяком случае, не слишком высоком риске.

Она взяла десять купюр, а затем аккуратно напечатала на конверте фамилию и адрес мужчины, проживающего в Балтиморе. Мельком глянула на надпись на белом прямоугольнике, но запомнила только имя. В бизнесе, которым она занималась, фамилии ничего не значили, даже мешали.

Письму потребовалось шесть дней, чтобы попасть из Лос-Анджелеса в Балтимор, поскольку в чикагском аэропорту мешки с почтой загрузили не в тот самолет. И оно уже ждало Трумена Гоффа, когда он приехал в свой дом в западном секторе Балтимора, отработав целый день в супермаркете фирмы «Сэйфуэй», где он служил менеджером отдела продовольственных товаров.

Ездил он на «олдсмобил торонадо», автомобиле излишне дорогом для менеджера супермаркета, но не настолько, чтобы кто-либо задался вопросом, а где он взял деньги на покупку? Во всяком случае, коллеги и соседи полагали, что Трумен ужасся в других расходах, чтобы купить именно этот автомобиль, а не какой-нибудь попроще.

В тот первый понедельник сентября, когда Гофф вошел в дом, его десятилетняя дочь Миранда, как обычно, смотрела телевизор. Супермаркеты «Сэйфуэй» работали до восьми часов, так что до дома Гофф добрался уже около девяти.

Он сказал дочери «доброй вечер», услышал в ответ «привет, па» и проследовал на кухню.

— Что нового? — спросил он у жены, открывая холодильник, чтобы достать банку пива.

— Ничего особенного. Тебе пришло письмо. Его принесли днем.

— От кого?

— Я не вскрываю твои письма.

— Я просто подумал, что на конверте есть обратный адрес.
— Я его не заметила.
— И где оно?
— Там, где всегда. На обеденном столе. Когда будешь есть?
— Как только допью пиво. Что ты сегодня приготовила?
— Свиные отбивные, которые ты принес в пятницу. Я их не замораживала, поэтому их надо съесть сегодня. Свинина долго не лежит.
— Да, я знаю.

Из кухни Гофф прошел в столовую, взял со стола конверт из плотной бумаги. Он догадывался, что это за конверт, но полной уверенности у него не было. В нем могли прислать и порнографические фотографии. Их также посылали в конвертах без обратного адреса.

Конверт Гофф унес в комнату, которую его жена называла спальней для гостей, а он — кабинетом. Обстановка состояла из раскладывающегося дивана, письменного стола, швейной машинки жены, комода и книжного шкафа на четыре полки, заставленные книжками в мягкой обложке, главным образом, вестернами, среди которых выделялись большая Библия и справочник «Кто есть кто» трехлетней давности.

Поставив банку с пивом на стол, Гофф вскрыл конверт. Не улыбнулся, увидев лежащие внутри деньги. Быстро пересчитал пятьдесят стодолларовых купюр, сложил их в стопку и сунул в левый карман брюк. Посмотрел на белый прямоугольник, а потом поднял глаза к потолку и несколько раз произнес на память имя и фамилию, пока их не запомнил. Затем порвал белый прямоугольник на мелкие кусочки и, прогулявшись в ванную, спустил их в унитаз.

Он выходил из ванной, когда его позвала жена.

— Обед на столе.

— Сейчас приду.

— Все остынет.

— Можешь ты подождать одну минуту, черт побери, — прокричал он в сторону кухни и вернулся в кабинет. Достал справочник «Кто есть кто», открыл на нужной странице и прочитал короткую заметку о человеке, которого намеревался убить.

Глава 3

Дональд Каббин и выглядел как президент. Пусть не Соединенных Штатов, не мира, но профсоюза промышленных рабочих, штаб-квартира которого располагалась в Вашингтоне, а число членов колебалось в районе девятисот девяноста тысяч, в зависимости от того, кто проводил подсчеты.

По численности профсоюз Каббина уступал автостроителям и водителям грузовиков, но превосходил работников сталелитейной промышленности и машинистов. Поскольку первые два вышли из АФТ/КПП,² это означало, что он возглавлял самый большой профсоюз этого объединения.

Каббин стал президентом в начале пятидесятых годов, когда его избрали на этот пост после смерти Доброго Старика, первого президента и основателя профсоюза. Исполнительный совет профсоюза на специальном заседании назначил

² АФТ/КПП — Американская конфедерация труда и Конгресс производственных профсоюзов.

секретаря-казначей исполняющим обязанности президента до следующих выборов, проводимых каждые два года. Должность секретаря-казначей Каббин занимал почти шестнадцать лет, таская портфель за Добрым Стариком. После того как его назначили и.о. президента, он быстро понял, что новая должность ему очень нравится, а вокруг полным-полно желающих таскать за ним портфель. И потому он оставался на этом посту почти девятнадцать лет, пользуясь всеми полагающимися ему привилегиями, как-то: неуклонно повышаемое жалование, составляющее на данный момент шестьдесят пять тысяч долларов в год, пенсионный взнос, который выплачивался из кассы профсоюза, практически неограниченный расходный счет, «кадиллак» с шофером, такой же большой, как у членов кабинета министров, и «люксы» в Вашингтонском «Мэдисон», Питтсбургском «Хилтон», Нью-Йоркском «Уэрвик», Чикагском «Шератон-Блэкстоун», Лос-Анджелесском «Бeverли-Уилшир».

За эти годы лишь дважды Каббину бросали вызов люди, желавшие получить его работу. Первый раз такое случилось в тысяча девятьсот пятьдесят пятом году, когда говорливый, пользующийся популярностью среди рядовых членов профсоюза вице-президент из Янгстоуна, штат Огайо, подумал, что уже созрел для более значительных дел и выставил свою кандидатуру на очередных выборах. Янгстоунский вице-президент получил поддержку и, главное, деньги от президента другого профсоюза, который иной раз совал нос в чужие дела. Вице-президент из Янгстоуна и Каббин схлестнулись в честной схватке, в итоге которой Каббин получил два голоса на каждый голос вице-президента. С тех пор, однако, он затаил зло на президента другого профсоюза.

В шестьдесят первом, когда он вновь встретился с оппозицией, Каббин был старше и мудрее, ему уже исполнился пятьдесят один год. На этот раз против него решил выступить человек, которого он сам же и нанимал на работу, — директор профсоюза по организационным вопросам, получивший диплом экономиста в университете Брауна, а затем поступивший дворником на завод в Гэри, штат Индиана, о чем он до сих пор вспоминал с ужасом. Экономист полагал себя представителем новой волны профсоюзных деятелей, интеллектом не уступающих администрации предприятий, а потому способных говорить с ней на одном языке.

Разумеется, Каббин мог уволить его. Но вместо этого позвонил в Белый дом. Неделей позже в половине седьмого утра директора по организационным вопросам разбудил телефонный звонок Бобби Кеннеди, который сказал, что президент хочет видеть его в должности заместителя государственного секретаря по иностранным делам. Немногие могли в тысяча девятьсот шестьдесят первом году отказать братьям Кеннеди, и уж конечно, не директор по организационным вопросам профсоюза Каббина. Тридцатилетний экономист чуть не обезумел от радости, услышав, что его призывают под знамена администрации. Позднее, после нескольких стаканчиков виски, Каббин не раз рассказывал своим приятелям, как похоронил оппозицию в Фогги-Боттом.³ Он превосходно копировал и Бобби Кеннеди, и директора по организационным вопросам.

Большинство актеров обладает хорошей мимикой, и Дональду Каббину, возможно, следовало стать актером. Тем более, что актерами были и его отец, и мать, до того момента, как их передвижной театр обанкротился в Янгстоуне в тысяча девятьсот десятом году. Отцу Каббина пришлось братья за первую попавшуюся работу. Так он

³ Там расположен Государственный департамент иностранных дел США.

попал на сталеплавильный завод. Предполагалось, что он проработает там до рождения сына, но шесть месяцев спустя, с появлением на свет Дональда, появились и новые долги, так что Брайант Каббин так и остался на сталеплавильном заводе, пока не умер от пневмонии в тридцать втором году, когда администрация временно закрыла завод. Сыну его тогда только исполнился двадцать один год.

Известие о смерти отца застало Дональда Каббина в Питтсбурге. В тридцать втором году работы не было ни в Питтсбурге, ни где-то еще, поэтому днем Дональд занимался в школе бизнеса, а по вечерам играл в любительских спектаклях. Незадолго до смерти отца Дональд получил главную роль в пьесе Сидни Говарда «Они знали, чего хотят». Он играл Джо, кочующего из города в город активиста профсоюзной организации «Индустриальные рабочие мира».

За билет любители брали по пятнадцать центов с человека, так что зрителей набиралось немного. Во-первых, в тридцать втором году пятнадцать центов представляли собой немалую сумму, а во-вторых, и это главное, большинство актеров-любителей играли ужасно, хотя им как-то хватало ума отбирать для постановки хорошие пьесы.

В тот вечер среди зрителей оказался Берни Линг, двадцатисемилетний рекламный агент кинокомпании «Уорнер Бразерз». В Питтсбург он приехал с тем, чтобы подобрать кинотеатр для премьеры нового и неудачного фильма, на котором, полагал он, компания только потеряет деньги. Кинофильмы Линг презирал, отдавая предпочтение театру. Вот где реальные люди произносили реальные слова, и Линг мог с головой уйти в пьесу, наслаждаясь жестами, мимикой, дикцией актеров.

Когда двадцатиоднолетний Дональд Каббин вышел на сцену, Линг сразу напрягся. И причиной тому была не внешность Каббина. В Голливуде хватало красивых актеров. Хотя и этот парень был хоть куда. Ростом под шесть футов, весом в сто шестьдесят или сто семьдесят фунтов, с прекрасными густыми черными волосами, правильными чертами лица, волевым, решительным подбородком. Но Линг сразу понял, что поразило его что-то еще. Не голос, хотя ему редко доводилось слышать такой густой баритон, волны которого так и накатывались на зрителей. Кто-то учил его говорить, подумал Линг. К концу второго действия он наконец-то понял, что привлекло его в молодом актере. Достоинство. Умение держаться с чувством собственного достоинства, которое обычно приходит к людям лишь в сорок или пятьдесят лет.

Короче, Линг решил, что из Каббина может выйти толк, а потому ушел из театра до окончания третьего действия, поймал такси и попросил отвезти его на почтамт. Телеграф работал круглосуточно, и он отбил телеграмму своему дяде, продюсеру в «Уорнер Бразерз»:

**«НАШЕЛ ИСПОЛНИТЕЛЯ МУЖСКИХ РОЛЕЙ В ПИТТСБУРГЕ
ТОЧКА НАСТОЯТЕЛЬНО РЕКОМЕНДУЮ КИНОПРОБУ БЕРНИ».**

Прочитав телеграмму, почтовый служащий поспорил с Берни насчет того, пишется «кинопроба» вместе или отдельно. В конце концов, после того, как Берни дал служащему два билета на премьеру новой картины, они пришли к выводу, что «кинопроба» — одно слово, а не два.

Дональд Каббин встретился с Берни Лингом лишь двумя днями позже, когда вернулся из Янгстоуна после похорон отца. С собой он привез и мать, ибо куда еще она могла поехать. На двоих у них осталось двадцать один доллар и тридцать пять

центов. Мать Дональд поселил в соседней комнате в том же пансионе, где жил сам, затем на троллейбусе поехал в школу бизнеса, чтобы сказать Айзе Петтигрю, владельцу, директору и основателю одной, что более заниматься не будет.

— Разве ты не можешь уйти через три недели, получив сертификат об окончании? — спросил Петтигрю.

— Нет, более у меня нет возможности учиться. Мне надо найти работу.

— Я не смогу вернуть тебе деньги за обучение.

— Я знаю.

Петтигрю заметно успокоился.

— Слушай, мне тут позвонили.

— Насчет чего?

— Насчет работы. Им нужен секретарь-мужчина, который еще и знаком с бухгалтерским учетом. Это не производственная или торговая фирма, так что работа может оказаться временной. А мужчина им нужен потому, что они не привыкли стесняться в выражениях.

— Мне нужна работа, мистер Петтигрю.

— Возможно, ты там не задержишься.

— Лучше что-то, чем ничего.

— Их, возможно, вышибут из города, и тебе придется удирать с ними.

— Я готов рискнуть.

— Они ругаются. Они сами сказали об этом.

— Мне без разницы.

— Жалованье двенадцать с половиной долларов в неделю.

— Хорошо.

Петтигрю протянул Каббину полоску бумаги.

— Позвони этому человеку. Скажи, что я тебя рекомендовал.

— Спасибо вам, мистер Петтигрю.

Петтигрю пожал плечами.

— Я им говорил, что за десять баксов они найдут девушку, которая и слова не скажет насчет их ругани, но они твердили, что хотят мужчину, но только не педика. Ты знаешь, кто такие педики, не так ли?

Каббин кивнул.

— Могу себе представить.

Работу Каббин, естественно, получил. Нанял его сам Добрый Старик. Тогда он и его команда занимали одну грязную комнатенку в районе, который позднее назвали Золотой треугольник Питтсбурга.

— Давай посмотрим, что ты умеешь делать, сынок, — и Добрый Старик предложил Каббину сесть за стол.

Тот кивнул, сел, достал карандаш и блокнот для стенографирования.

— Дорогой сэр и брат, — начал Добрый Старик.

Тогда он был совсем не старым, в тридцать втором ему исполнилось сорок пять, но он уже диктовал письма точно так же, как потом произносил речи перед тысячами слушателей. Голос его звучал все громче, достигая пика на предпоследнем абзаце, чтобы в заключительной фразе: «С братским приветом» — скатиться до едва слышного шепота.

Скорость стенографирования составила у Каббина восемьдесят слов в минуту, печатания — шестьдесят пять. Прочитав письмо, Добрый Старик посмотрел на

Каббина и улыбнулся.

— В моем образовании немало пробелов, сынок, но я далеко не глуп. Я специально продиктовал письмо с парой грамматических ошибок. Ты их исправил. Почему?

— Если бы я их и оставил, суть письма не изменилась бы, — ответил Каббин.

Добрый Старик кивнул.

— Логичный ответ, — он вновь улыбнулся. — Так ты говоришь, что можешь вести бухгалтерский учет?

— Да, могу.

— Хорошо, ты принят на работу. Приходи сюда завтра в восемь. Ты что-нибудь знаешь о профсоюзах?

— Нет.

— Хорошо. Я научу тебя всему, что нужно знать.

Когда Каббин вернулся в пансион, чтобы сказать матери, что у него есть работа, на крыльце его поджидал высокий, худощавый мужчина, представившийся как Берни Линг из «Уорнер Бразерз».

Каббин где-то слышал название этой фирмы, но она ассоциировалась у него с торговлей.

— Извините, — он покачал головой, — но сейчас у меня нет денег на покупки.

— Я ничего не продаю, — ответил Берни. — У меня к вам предложение.

— Какое же?

— Я хочу, чтобы вы съездили на кинопробу в Лос-Анджелес.

— Глупость какая-то, — буркнул Каббин и двинулся к двери.

— Посмотрите сами, — Линг достал из кармана телеграмму. — Прочитайте.

Телеграмму прислал продюсер, дядя Линга, уже прославившийся тем, что избегал лишних слов. Она гласила:

«ПРОЕЗД АВТОБУСОМ ЦЕЛУЮ ФИШЕР».

— Ничего не понимаю, — пробормотал Каббин.

— Фишер — это Арнольд Фишер, продюсер. Мой дядя. Из «Уорнер Бразерз». Я работаю у них в рекламном отделе. Я видел вас на сцене пару дней тому назад. Послал дяде телеграмму, и они готовы оплатить ваш проезд на автобусе в Лос-Анджелес, чтобы вы прошли кинопробы. Без всяких шуток.

— Вы меня видели? — спросил Каббин, мысленно задавая вопрос и отцу: «Ну почему ты выбрал такой момент для того, чтобы умереть?»

— Я думаю, вы сможете многого достигнуть. Действительно многого.

Каббин вернул ему телеграмму.

— Извините, но сейчас это невозможно.

— О Господи, да всего-то вам надо сесть в автобус.

На мгновение Каббин заколебался. А почему нет? Сесть в автобус, пройти кинопробы, сняться в фильме, завоевать признание публики. А с ним и соответствующее вознаграждение за свои труды. Но тут он вспомнил мать, только-только ставшую вдовой, сидящую в одиночестве наверху, ожидающую, что единственный человек, которого она знала в Питтсбурге, придет домой и скажет, как ей жить дальше. «Потом я смогу перевезти ее в Лос-Анджелес», — подумал Каббин, но Берни Лингу сказал другое:

— У меня умер отец, и я не могу бросить мать.

— О, примите мои соболезнования, мне очень жаль.
— Может, попозже, когда все образуется.
— Конечно, — кивнул Линг. — Вот моя визитная карточка. Если сможете, черкните мне пару строк, и мы попробуем что-нибудь придумать.
— Вы думаете, у меня действительно есть шанс?
— Не будь я в этом уверен, я бы не послал телеграмму дяде.
— Даже не знаю, как мне вас отблагодарить...
— Забудьте об этом. Нет, черт, о нашем разговоре не забывайте. Лучше напишите мне.
— Разумеется. Обязательно напишу. Как только все образуется.

Но он не написал, а шестью месяцами позже Линг покинул Голливуд и поступил на работу в только что организовавшееся нью-йоркское рекламное агентство. Со временем он разбогател и стал спонсировать постановки, которые, к сожалению, не задерживались на сцене.

Что же касается Дональда Каббина, то он едва ли не каждый день вспоминал тот разговор с Берни Лингом на крыльце пансиона и принятое им решение. И всякий раз сожалел о том, что принял его.

Двухмоторный шестиместный реактивный самолет «Лир-24» с пятью пассажирами на борту (Дональд Каббин и четверо его помощников) вылетел из Гамильтона, Онтарио, и взял курс на международный аэропорт Чикаго. Фред Мур, дождавшись, пока босс ознакомится с разделом развлечений, а Каббин начинал просматривать газеты именно с этого раздела, наклонился вперед, чтобы похлопать его по плечу.

— Чего?

— Через час будем в Чикаго. Отлично, не правда ли?

«Господи, ну какой же он идиот», — подумал Каббин. Но кивнул и ответил:

— Да, неплохо, — после чего вновь уткнулся в газету. За этот месяц он летел в Чикаго уже второй раз, и, похоже, до конца месяца ему предстояли еще три аналогичные поездки, потому что он знал, что его хотят обдурить и лучшего места, чем Чикаго, им не найти. В Чикаго, думал Каббин, научились дурить голову, как нигде, о чем бы ни шла речь, даже о выборах.

Глава 4

Мало кто из сотрудников Уолтера Пенри знал, чем хозяин зарабатывает на жизнь. Жена имела об этом некоторое представление, но она проводила большую часть времени у их бассейна в Бел-Эйре, тогда как Пенри путешествовал или обретался в Вашингтоне, где размещалась штаб-квартира компании «Уолтер Пенри и помощники, инк.»

Помощников у Пенри насчитывалось десять, но только двое, Питер Мэджари и Тед Лоусон, были в курсе всех его дел, во всяком случае, многих из них. Мэджари, разработчик и исполнитель многих операций, зимой и летом, осенью и весной, ходил в длинной, с поясом шинели, которую он купил на какой-то распродаже армейской одежды. Говорил он чуть громче шепота, с легким акцентом. За этот акцент его частенько принимали за славянина, хотя был он немцем, а его родители, родом из Швабии, в тридцатых годах эмигрировали в Нью-Браунфелс, штат Техас, да так и не удосужились выучить английский. Однако при необходимости Мэджари без труда переходил на техасский гнусавый выговор.

Тед Лоусон, второй ближайший помощник Пенри, крупный, широкоплечий мужчина с чуть переваливающейся походкой, постоянно улыбался, а если смеялся, то обязательно громко и заразительно. Он полагал, что именно этого ждут от человека его комплекции. Правда, будь у него выбор, Лоусон предпочел бы работать в одиночку, но денег это не приносило, а потому Лоусон делал для других то, что им требовалось. Что именно, не имело значения, потому что Лоусон всегда знал, к кому надобно обратиться.

Фирма «Уолтер Пенри и помощники, инк.» оперировала на грани закона, впрочем, никогда не переходя ее, поскольку Уолтер Пенри нутром чуял, где кончается закон и начинается беззаконие. Не зря же он защитил диплом по данному предмету в университете Айовы в тысяча девятьсот сорок третьем году. Впрочем, сразу применить полученные знания на практике ему не довелось, поскольку он поступил в ФБР, избежав тем самым тягот армейской жизни и получив возможность честно послужить стране, получая за это приличное вознаграждение.

В пятьдесят четвертом году Пенри вышел в отставку с безупречным послужным списком. Своим начальникам он заявил, что хочет открыть собственное дело, но истинная причина состояла в другом: он занялся промышленным шпионажем для одной фирмы, производящей косметику, и за два месяца заработал больше, чем получил на службе за два года.

Используя эти деньги как стартовый капитал, Пенри создал компанию со штаб-квартирой в Вашингтоне и отделением в Лос-Анджелесе. Последнее поначалу располагалось в его квартире и состояло из одной сотрудницы: его жены. Теперь-то его домашний телефон не указывался в городском справочнике, но его жена по-прежнему снимала трубку со словами: «Уолтер Пенри и помощники».

Пенри с самого начала знал, чем он намерен заниматься. Различным организациям приходилось совершать малоприятные деяния, и Пенри дал понять, что он готов их выполнить, ежели возникнет такая необходимость. К примеру, как-то в феврале он провел целый день в Далласе, увольняя все руководство электронной фирмы, в то время как президент, основатель и владелец контрольного пакета акций этой фирмы сыграл труса, загора на пляже в Сапфир-Бич.

Не чурался Пенри и мира политики, работая на обе партии. Тут его сферой являлись расследования, позволяющие получить информацию, которая многим казалась давно утерянной. Его усилиями три потенциальных министра, два демократа и один республиканец, не были приведены к присяге. В другой раз он представил информацию, перекрывшую одному из кандидатов дорогу в Верховный суд.

Из всех клиентов своим фаворитом Пенри полагал толстого старика, который сейчас сидел перед ним, расправляясь с тарелкой куриного мяса и блюдечком тертого сыра. Причин любить старика у Пенри было несколько, не последняя состояла в том, что старик обеспечивал его едва ли не самым большим объемом работы, исправно оплачивая все счета, но главная заключалась в другом: Пенри полагал, что умом и способностью реально смотреть на вещи старик ни в чем не уступал ему самому. Наверное, Пенри удивился бы, узнав, что старик считает его простоватым, но, с другой стороны, он зачислял в эту категорию едва ли не всех.

Родился старик первого января тысяча девятисотого года и частенько заявлял, что проводит как текущий век, так и все тысячелетие. Весил он около трехсот фунтов, приходящихся главным образом на жир, при росте пять футов и одиннадцать дюймов. Родился он на зерновой ферме неподалеку от Хатчинсона, штат Канзас, и с детства

ему запомнились разговоры о деньгах, вернее, об их отсутствии. Отец его не только выращивал пшеницу и кукурузу, но и все время пытался приумножить свой капитал, участвуя в различных рискованных проектах. А уж экономического пророка из Арканзаса «Монету» Харви, который, кстати, умер совершенно разоренным, он просто боготворил. И даже дал своему сыну прозвище пророка, так что толстый старик прошел по жизни как Койн⁴ Кенсингтон.

Хотя формально его образование оборвалось в восьмом классе, Кенсингтон все еще считал себя студентом, и именно это слово писал в графе «занятие», если этого требовал предлагаемый к заполнению документ. Работать он начал на маленьком кооперативном элеваторе, где меньше чем за неделю овладел двойным счетом, то есть ведением двух бухгалтерских книг. В шестнадцать лет стал кассиром в Торгово-Фермерском банке Хатчинсона. Банку пришлось ждать, пока Койну исполнится двадцать один год, прежде чем его допустили к работе с чеками.

В тысяча девятьсот двадцать третьем году Койна избрали президентом банка, самым молодым в штате и, возможно, в стране. Не прошло и года, как он решил, что полностью овладел ведением банковских операций на уровне штата, а потому подал прошение об отставке. Двумя месяцами позже он стоял на одной из улиц лондонского Сити, у двери под вывеской с тремя золочеными желудями. Глубоко вдохнув, он открыл дверь и заявил первому человеку, встретившемуся ему в вестибюле:

— Я Койн Кенсингтон из Канзаса и приехал сюда учиться тому, как делать деньги.

После часового разговора и внимательного изучения пяти рекомендательных писем, которые Кенсингтон привез от нью-йоркских и чикагских банкиров, которым приходилось вести с ним дела, старший партнер лондонского торгового банка предложил Кенсингтону работу с жалованьем пятнадцать шиллингов в неделю.

— Но это всего лишь три с половиной доллара, — удивился Кенсингтон.

— Не только, мистер Кенсингтон, — последовал ответ.

— А что же еще?

— Это ваш первый урок.

Через три года торговый банк послал Кенсингтона в Нью-Йорк приглядывать за своими довольно-таки внушительными инвестициями.

— За день до отъезда в Нью-Йорк, — любил потом рассказывать Кенсингтон, — три старших партнера пригласили меня к себе. «Вы едете ненадолго», — сказал один. «На два года, — добавил второй. — Возможно, на три». «Да, на три», — подтвердил первый. Потом они помолчали, пристально глядя на меня. «Внимательно следите за ситуацией», — наконец прервал молчание один из них. «М-м-м-м-м», — промычал другой, что означало: иначе хуже будет. На все это я ответил: «Разумеется», — и мы расстались довольные друг другом.

— Что ж, к тому времени я уже многое знал о деньгах, — обычно продолжал он. — Не хочу хвалиться, но едва ли два десятка человек во всем мире могли потягаться со мной знаниями. И последующие три года я зарабатывал им деньги на нью-йоркской бирже. Много денег. Затем двадцать девятого июля я отправил им зашифрованную телеграмму в три слова: «Выходим из игры». Что ж, они согласились, и их доходы выросли еще больше. В конце августа я послал им еще одну телеграмму, на этот раз из четырех слов: «Рекомендую максимум коротких позиций.»⁵ На этот раз они ко мне не

⁴ От английского coin — монета.

⁵ На языке биржи это означает закрытие фьючерных контрактов.

прислушались. Ума им, конечно, хватало, но для того, чтобы закрывать контракты, когда на бирже господствуют прямо противоположные настроения, ставить на катастрофу, когда все надеются на светлое будущее, идти против надежд миллионов, для этого требуются шестое чувство и железные нервы. Что ж, и лондонские банкиры таковыми не обладали, хотя, повторяю, они были не глупее других. Поэтому я подал заявление об уходе с работы, а сам потратил все свои деньги, до последнего цента, на закрытие контрактов. Вы знаете, что потом произошло.⁶ К декабрю двадцать девятого года я стал миллионером, причем не бумажным. А мне еще не было и тридцати лет.

И в последующие четыре десятилетия состояние Кенсингтона приумножалось. Он вносил деньги в предвыборные фонды как демократов, так и республиканцев, которые ему нравились, основал благотворительный фонд, чтоб «не мучила совесть», и неофициально выполнял различные поручения полудюжины президентов.

Вот и теперь он взялся за выполнение очередного президентского поручения не потому, что ему этого хотелось, а чтобы отдать старые долги и, как он говорил, «не дать выйти на поверхность тому, что еще может лежать под землей».

Толстый старик доел сыр, с печалью во взгляде положил вилку на стол и посмотрел на Уолтера Пенри, которого считал несколько простоватым.

— Значит, Каббину придется нелегко?

— Похоже на то.

— Он слишком много пьет?

— Вроде бы нет. У них есть два парня, которые следят за тем, чтобы он не перебирал лишнего. Во всяком случае, пытаются следить.

— Значит, он чересчур долго пробыл на этом посту, так?

— В определенном смысле да. Ему ставят в упрек потерю связи с низовыми организациями.

Кенсингтон фыркнул.

— Это все?

— Есть кое-что еще, но они приберегают это на потом, по крайней мере, так говорит Питер.

— Забавный такой парень, да? С акцентом?

— Он самый.

— Он знает, что говорит?

— Думаю, что да.

Толстый старик посмотрел на вылизанную дочиста тарелку. Резко отодвинул стул, пробормотал «ну и черт с ним», встал и направился в маленькую кухню, примыкающую к гостиной. Открыл холодильник, достал коробку с маленьким — шоколад с орехами — тортом, вернулся к столу, снял крышку, пальцами отломил верхнюю часть и с блаженной улыбкой отправил в рот.

— Торты не входят в вашу диету, не так ли? — любопытствовал Пенри.

— Нет, не входят. Угощайся.

— Нет, благодарю.

По лицу Кенсингтона разлилось облегчение.

— Единственное удовольствие, которое и осталось старику: поесть вволю. Пить не могу — сердце. Курить бросил в двадцать четыре года, потому что это глупая

⁶ Речь идет о крахе нью-йоркской биржи, который положил начало Великой депрессии.

привычка. О женщинах я больше не думаю. Сам понимаешь, годы уже не те.

За верхней частью торта последовала нижняя. Кенсингтон высыпал в ладонь крошки, съел и их. «Он не протянет и года», — подумал Пенри.

Разделавшись с тортом, Кенсингтон махнул в сторону окна.

— Они беспокоятся.

— Могу себе представить, — кивнул Пенри.

Подойдя к окну, он бы увидел Лафайет-Парк, а за ним — Белый дом.

— И не потому, что там очень уж любят Дона Каббина.

— Это понятно.

— Их тревожит его соперник, Хэнкс.

— Сэмюэль Морз Хэнкс. Сэмми Хэнкс.

— Да, Сэмми Хэнкс. Добрый папашка из Думаса или пытается быть таковым, да? — спросил Кенсингтон.

— Это имидж, который он создает себе не один год.

— Вы еще употребляете это слово?

— Какое?

— Имидж.

— Почему нет? Конечно, употребляем.

— А я-то думал, что им давным-давно не пользуются.

Пенри мысленно приказал себе более не произносить слово «имидж» в присутствии старика Кенсингтона.

— Так что там у них с Хэнксом? Они ему недоплачивают?

— Будучи секретарем-казначеем, он получал пятьдесят пять тысяч в год, чуть меньше, чем Каббин. А расходный счет у него такой же, а то и больше.

— Значит, дело не в деньгах?

— Нет.

— Это плохо, — старик покивал совершенно лысой, за исключением венчика седых волос над ушами и шеей, головой. Он выглядит как новорожденный, в какой уж раз подумал Пенри. Умный, толстый, розовощекий младенец.

Старик все кивал, не замечая, что делает, погруженный в раздумья. Подумать было о чем. Что за человек Сэмми Хэнкс? Сможет ли Уолтер Пенри справиться с этим поручением? Когда он сможет выпроводить Пенри, чтобы насладиться «Золотым тортом», который дожидался его в холодильнике?

— Сколько лет этому Хэнксу, сорок три, сорок четыре?

— Тридцать девять.

— Ага.

— Что значит ага?

— Он еще достаточно молод, чтобы не разделять свою озабоченность за будущее профсоюза и личные честолюбивые планы. Обещает всем радикальные перемены к лучшему?

— Во всяком случае, пытается.

— Но ведь Каббин не разучился использовать свой баритон?

— Разумеется, нет. Голос его никогда не подводил.

— Как давно Хэнкс стал секретарем-казначеем?

— Шесть лет тому назад.

— То есть выдвинул его Каббин?

— Да.

Старик кивнул.

— Как это знакомо. Президент изображает большую шишку и дает интервью прессе, а секретарь-казначей ездит по низовым организациям, раздавая подачки и наживая политический капитал. Потом, бах, и президент в ауте, а секретарь-казначей на его месте. Такое случалось довольно часто.

— Я знаю.

— Их контракт заканчивается тридцать первого октября?

— Да.

— А выборы пятнадцатого октября?

— Да.

— И вновь выбранному президенту придется завершать переговоры. Каббин уже определился?

— Он уже добился тридцатипроцентной прибавки для обработчиков и сборщиков.

— Понятно. А как насчет неквалифицированной рабочей силы?

— Он полагает, что без забастовки прибавка составит двадцать один процент. С забастовкой — двадцать четыре.

— И бастовать смысла нет.

— Нет.

— А Хэнкс хочет получить тридцать процентов для всех?

— Больше.

— Этим он надеется привлечь на свою сторону низовые организации?

— Похоже на то. Почему, говорит он, мы должны отставать от автостроителей?

Кенсингтон вздохнул.

— Да, у Хэнкса есть весомый аргумент, да только Белому дому он очень не нравится. Им не нужна забастовка и тем более не нужно более чем тридцатипроцентное увеличение зарплаты. Они полагают, что экономике будет нанесен урон, а следовательно, уменьшатся шансы на переизбрание нынешней администрации.

— И что?

— В Белом доме решили, что хотели бы вновь видеть Каббина президентом профсоюза. Сможешь ты это устроить?

— Потребуется немалые расходы.

— Да, мы это предполагали и на прошлой неделе провели в Филадельфии небольшое совещание. Приехали люди из Чикаго, Гэри, Лос-Анджелеса, Нью-Йорка и Денвера и решили организовать фонд для переизбрания Каббина. Причем все пришли к выводу, что ему об этом знать не следует.

— Он ничего не узнает.

— Так сколько потребуется денег для переизбрания Каббина? Ориентировочно...

— Три четверти миллиона.

— Всего-то?

— Его люди добавят еще двести пятьдесят тысяч.

— Значит, сегодня выборы президента профсоюза стоят миллион?

— Около того. Мы слышали, что Хэнкс хочет уложиться в пятьсот тысяч.

В глазах старика мелькнул интерес.

— А откуда он берет деньги?

— От банков, в которых держит деньги профсоюза на низкодоходных депозитных счетах. Банкиры ему за это очень благодарны. От организаций, которым он ссужает

деньги из пенсионного фонда. Мы слышали, их он доит на полную катушку.

— Как он называет свой комитет?

— Хэнкс?

— Да.

— Объединение ради прогресса.

— И какую сумму он рассчитывает получить от комитета? Другими словами, сколько готовы заплатить члены профсоюза за то, чтобы получить нового президента?

— Не много. Может, тысяч пятьдесят.

Кенсингтон медленно покачал головой.

— Профсоюзная демократия по-прежнему изумляет меня. И, должен добавить, забавляет. Каким будет твоё вознаграждение?

— Сто тысяч.

— Включая расходы?

— Предвыборная кампания будет короткой, а расходы невелики. Пусть это будет мой взнос на благое дело.

— Ты думаешь, что сумеешь справиться с этим поручением?

Пенри впервые улыбнулся, и Кенсингтон даже подумал, что не следовало ему это говорить. Улыбка была волчья, волка-одиночки, покинувшего стаю и вышедшего на охоту.

— Я у Каббина в долгу. И просто дам ему знать, что хочу расплатиться.

— Каковы его шансы?

— Без нашей помощи?

— Начни с этого.

— Четыре к шести.

— А с ней?

— Примерно равные, но с перевесом на его стороне.

Старик поднялся.

— Ладно, я позабочусь о деньгах, а ты — о выборах.

— Хорошо.

— Теперь насчет этого Хэнкса.

— А что насчет него?

— Какая у него болячка?

— Я не уверен...

Старик остановил его нетерпеливым взмахом руки. Все-таки Пенри простоват, подумал он.

— Каббин пьяница. А что в этом смысле можно сказать о Хэнксе?

— Понятно. Практически ничего, за исключением разве что одного.

— Конкретнее.

— Говорят, что он немного шизонутый, — вновь улыбнулся Пенри, но старик этой улыбки не увидел, потому что уже шел к холодильнику.

Глава 5

В тот же сентябрьский день, в пяти кварталах от того места, где совещались Пенри и Кенсингтон, в другом отеле, пониже классом, на углу Четырнадцатой улицы и Кей-стрит, у Сэмюэля Морза Хэнкса случился припадок.

И теперь он лежал на полу, лицом вниз, колотя кулаками по ковру и выкрикивая

что-то нечленораздельное. Слюна пенилась у него на губах, стекая по подбородку. Четверо мужчин, сидевших за столом, наблюдали за ним разве что с интересом, не выказывая и тени озабоченности.

Кровать и комод обычного номера отеля заменили длинный стол, похоже, взятый где-то напрокат, диванчик, восемь или девять складных металлических стульев, два телефона, один напрямую связанный с городской сетью, и металлический сейф с ящичками, запирающимися не только на наборный встроенный замок, но и навесной.

Номер этот, как и еще одиннадцать на третьем этаже отеля, арендовало «Объединение ради прогресса», превратив их в штаб-квартиру предвыборной кампании человека, который сейчас бился в истерике на полу.

Наконец один из четверых мужчин затушил окурок, поднялся и подошел к Сэмми Хэнксу. Уперся носком ботинка в его плечо.

— Достаточно, Сэмми. Повеселился, и будя.

Крики прекратились.

— Ради Бога, встань и пойдешь умойся, — продолжил мужчина. — У тебя вся физиономия в слюнях.

Сэмми Хэнкс сел, икнул, встал. Слюна блестела на его выступающем вперед подбородке. Он злобно глянул на всех четверых, трех белых и черного.

— Вы же знаете, какие вы мерзавцы?

Негр, который в отличие от белых не поленился встать и подойти к визжащему на полу Хэнксу, лениво улыбнулся.

— Кто мы, Сэмми?

— Очень уж вы жалостливые, вот кто, — и, прежде чем кто-то из четверки успел ответить, метнулся в ванную, с треском захлопнув за собой дверь.

Четверо мужчин переглянулись. Тот, кто подходил к Хэнксу, вновь сел за стол, закурил.

Посторонний наблюдатель отметил бы в этой четверке много общего. Все одного возраста, от тридцати пяти до сорока пяти лет, одного роста, за шесть футов, с избытком веса, хитрыми глазками на грубых лицах. Особенно в этом не повезло негру. Его лицо Создатель торопливо вырубил из какого-то черного, пористого камня.

Жалости в их взглядах не чувствовалось, а вот сомнение присутствовало. Словно они поставили не на ту лошадь, а что-либо изменить уже не могли. Все они входили в руководство профсоюза, инициатива проведения дворцового переворота исходила от них, и, проиграв, они лишались высокооплачиваемой работы. И сейчас они ничего не говорили друг другу лишь потому, что все было сказано раньше, когда они решили поставить на кон свою работу и карьеру, прекрасно зная о припадках Сэмми Хэнкса и его сменах настроения: в течение пятнадцати минут с вершин веселья он мог рухнуть в пучину отчаяния, а потом подняться обратно.

Негр суммировал их мысли шесть месяцев тому назад, когда они только обсуждали кандидатуру Сэмми Хэнкса.

— Да, у него маниакально-депрессивный психоз, но это наш человек, а если кто-то может побить Каббина, так это он.

После этого что еще могли они сказать друг другу, хотя каждый из них, оставаясь наедине с собственными мыслями, не мог не задаться вопросом, а стоило ли идти на такой риск, ставя под удар работу с годовым жалованьем в тридцать тысяч долларов, которое обеспечивало дом с бассейном, дорогие костюмы, яхту, автомобили и все остальное.

Четверо мужчин не только выглядели, но и думали одинаково, а потому убеждали себя в правильности выбранного пути одними и теми же доводами. Если уж на то пошло, ты всегда сможешь найти другой дом, другую яхту, другой автомобиль и даже другую жену. Но, раз с образованием у тебя прокол, рассчитывать ты можешь только на природный ум. Тебя гложет честолюбие, и ты должен понимать, что тебя приглашают в высшую лигу, а если ты не примешь этого приглашения, то второго можно и не получить.

Пока четверо мужчин сидели в номере отеля и смотрели в стол, потолок, куда угодно, только не друг на друга, Сэмми Хэнкс держал конец полотенца под струей холодной воды. Потом он использовал мокрый конец, чтобы смыть слюну, а сухим вытер лицо. Посмотрелся в зеркало, и в голову пришла мысль, которая посещала его в такие моменты с той поры, как ему исполнилось шесть или семь лет: «Ты самый уродливый человек на Земле».

Он действительно мог войти в десятку претендентов на этот титул.

Когда он и Дональд Каббин появлялись на людях вместе, кто-нибудь обязательно отпускал шутку насчет красавицы и чудовища.

Во-первых, голова Хэнкса была слишком велика для его короткого, хрупкого тела. Голова эта прекрасно бы смотрелась на плечах здоровяка ростом за шесть футов. Пусть лицо оставалось уродливым, но хотя бы выдерживались пропорции фигуры.

Щеки Хэнкса покрывали рубцы от язв. Появились язвы, когда Хэнксу еще не исполнилось и шести лет, а со временем их число разве что увеличилось, несмотря на все старания дерматологов. Возможно, их могла бы скрыть окладистая борода, и Хэнкс попытался отрастить ее. Да только волосы на его лице росли кустами, так что с бородой он выглядел еще хуже.

Массу горестей доставлял ему и нос, огромный розовый огурец, свисающий к подбородку, который словно специально поднимался ему навстречу, особенно когда Хэнкс что-то говорил. Добавьте к этому широко посаженные цвета болотной тины глаза под густыми черными бровями, напоминающими щетки для чистки обуви.

Спасал Хэнкса рот, вернее улыбка. Улыбка эта вызывала в любом человеке чувство превосходства, потому что ему доставало силы воли полюбить такого уродя. Более того, человеку хотелось понравиться этому уроду. Достоинства улыбки не составляли для Хэнкса тайны, и он часто ею пользовался.

Выйдя из ванной, Хэнкс пересек гостиную и сел за стол, нисколько не стесняясь того скандала, что учинил несколько минут тому назад.

— Ладно, давайте начнем сначала. Так что мы имеем?

Один из мужчин достал из внутреннего кармана пиджака лист бумаги. Звали его Арт Олкес, и он занимал должность директора северо-восточного региона, то есть курировал все организации профсоюза к северу от Пенсильвании и Нью-Джерси.

— Я опять начну с Северо-Востока.

— Хорошо, — кивнул Хэнкс.

— За тебя сорок пять процентов, за Каббина — сорок четыре, одиннадцать еще не определились. Поехали дальше?

— Поехали.

— Среднеатлантический регион, — речь шла о территории, лежащей к югу от Пенсильвании и Нью-Джерси и простирающейся до Алабамы. — У тебя сорок два процента, у Каббина сорок восемь, десять процентов не определились.

— Хорошо. Мы отдадим ему Юг.

— Пенсильвания, Джерси, Огайо и Западная Виргиния, Верхний среднезападный регион.

— Большой регион.

— У тебя сорок три процента, у Каббина сорок четыре. Тринадцать не определились.

— Неплохо, — прокомментировал Хэнкс.

— Переходим к Западному побережью?

— Почему нет?

В этот регион входила территория к западу от Пуэбло, штат Колорадо.

— Здесь ты лидируешь. Сорок семь процентов против сорока трех при десяти процентах тех, кому еще не хватило мозгов для принятия решения.

Хэнкс молча кивнул.

— Теперь Средний Запад (от Огайо на запад до Пуэбло). Тут ты отстаешь. Сорок один процент против сорока восьми. Одиннадцать процентов еще решают, к какому берегу приткнуться.

Сэмми Хэнкс вновь кивнул и по очереди посмотрел на каждого из сидящих за столом. Улыбнулся, потому что знал, что им это понравится. И заговорил тоном человека, объясняющего очевидное.

— Картина вырисовывается следующая. За меня Северо-Восток и Западное побережье, у Каббина — Среднеатлантический регион и Верхний Средний Запад. Если он подгребет под себя Средний Запад, победа будет за ним, если я — за мной. Средний Запад — это Чикаго, и, клянусь Богом, я не собираюсь терять Чикаго, это ясно?

Негр шевельнулся, положил ногу на ногу, откашлялся. Хэнкс посмотрел на него.

— Ты хочешь что-то сказать или плюнуть?

— Сказать, — ответил негр.

Хэнкс вновь кивнул.

— Мы тебя слушаем.

Звали негра Марвин Хармс. По возрасту — тридцать семь лет — он был моложе остальных. В профсоюзе он занимал пост директора среднезападного региона, то есть курировал профсоюзные организации Чикаго и близлежащих промышленных городов Индианы.

В тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году, когда многие думали, что расовые противоречия можно свести на нет, объединив белых и черных в единую нацию, Дональд Каббин решил назначить негра на первую же освободившуюся должность в руководстве профсоюза. Идея настолько понравилась ему, что он заявил о ней в ходе телевизионного интервью. Разумеется, он хотел бы видеть негра во главе информационного или юридического отделов, но уж не среди региональных директоров.

К сожалению, через три дня после интервью директор среднезападного региона, седоволосый ирландец, напился пьяным и восемь раз перевернулся в своем «кадиллаке» на полпути между Саут-Бенд и Гэри. Не в меру ретивый репортер из «Чикаго сан-таймс» напомнил Каббину о его обещании, и тому не оставалось ничего другого, как «поискать домашнего ниггера».

Вот так Каббин и нашел Марвина Хармса и, несомненно, не ошибся с выбором, если б не одна загвоздка: Хармс возненавидел Дональда Каббина и стал одним из самых стойких сторонников Сэмми Хэнкса. Причина же ненависти состояла в том, что

Каббин выбрал его из-за цвета кожи. Если бы выбирать пришлось Сэмми Хэнксу, Хармс столь же энергично поддержал бы Дональда Каббина. Хармс не верил в гармоничность сосуществования людей с разным цветом кожи.

— Как я и говорил, когда ты... — Хармс замолчал и начал вновь: — Как я говорил тебе раньше, Средний Запад выглядит сейчас не слишком обнадеживающе. Сорок восемь процентов за Каббина против твоих сорока одного, если верить результатам этого опроса. Но, черт побери, мы даже не начинали. Стоит мне дать команду, как за дело возьмутся пятьдесят человек, которые знают, кому что надо сказать. А кроме того, у нас еще шесть недель...

— Пять недель, — поправил его Хэнкс.

— Хорошо, пять недель. За пять недель я смогу переубедить многих.

— Думаешь, сможешь?

Хармс нахмурился.

— Послушай, Сэмми, я рискую никак не меньше тебя.

— Я знаю. Поэтому и спрашиваю.

— Так вот я тебе отвечаю: смогу!

Хэнкс повернулся к мужчине, который в данный момент снимал целлофановую обертку с сигары. Эмил Лоркс, вице-президент профсоюза, жил в западной части Лос-Анджелеса в доме с бассейном, с двумя русскими волкодавами и женой. Как вице-президент, Лоркс получал десять тысяч долларов в год плюс расходы. Еще двадцать семь тысяч платило ему богатое местное отделение профсоюза, базирующееся на гигантском сборочном заводе в двадцати милях к востоку от Лос-Анджелеса. Лоркс также должен был переизбираться и волновался за исход голосования.

— Что скажешь, Эмил?

Лоркс зажал сигару зубами, откинул голову так, что его длинные светлые волосы упали на плечи, уставился в потолок. Он тянул время, пытаясь сформулировать свое предложение так, чтобы согласиться с Сэмми Хэнксом и при этом не разозлить ниггера. Хармс, конечно, хороший ниггер, сказал он себе, но заводится с пол-оборота.

— Я думаю, мы должны использовать оба варианта. Подумайте об этом. В этом случае мы наверняка не проиграем.

Лоркс перевел взгляд с потолка на сидящих за столом мужчин. Хэнкс кивал. Хармс бесстрастно смотрел на него. Олкесу, похоже, идея понравилась. Пятый мужчина, также вице-президент, был самым старшим по возрасту. Как и Лоркса, его ждали перевыборы. Он был бизнес-агентом одного из питтсбургских отделений профсоюза, за что получал двадцать семь тысяч долларов в год. Еще десять тысяч приносил ему пост вице-президента. Жил он в семикомнатной квартире с женой и девятнадцатилетним сыном, который учился играть на рояле и не жаловал девушек, что очень тревожило его отца. Когда-то вице-президента звали Збигнев Ковальчевски, но он официально изменил имя и фамилию, став Зигги Ковалем. Он знал больше трехсот польских анекдотов и в каждой речи использовал не меньше двадцати.

Четверо остальных теперь смотрели на Зигги Коваля. В словах Лоркса он увидел компромисс, который мог устроить всех, осчастливить ниггера и удержать Сэмми от очередного катания по ковру. А ведь недурная мысль, подумал Коваль и решил высказаться на этот счет.

— Друзья, вы, разумеется, знаете, что нет никого глупее тупого поляка, а самые тупые поляки в мире работают на заводах вокруг Чикаго.

— Есть там и тупые ниггеры, — вставил Хармс.

— Они не так тупы, как мы, поляки. Как вам известно, неделю тому назад я побывал на этих заводах, чтобы выяснить, а как они будут голосовать. Не знаю, что написано в твоём опросе, Сэмми, но из того, что они мне сказали, вывод следует однозначный: они будут голосовать за Каббина. Голосов у них много. Возможно, нам удастся их переубедить, а возможно, и нет. Я в этом не уверен, потому что знаю, сколь они упрямы. Но, как говорят Хармс и Лоркс, мы должны попытаться. Но я также думаю, что мы должны подстраховаться, поэтому мне представляется, что надо принять и предложение Сэмми.

Сэмми Хэнкс выдержал паузу, потом посмотрел на Олкеса.

— Ну?

Олкес пожал плечами.

— Наверное, надо сделать и то и другое, как и говорит Эмил.

Теперь Хэнксу требовалось согласие Хармса, которому и предстояло выполнять принятое решение.

— Марвин?

Пожал плечами и Хармс.

— Придется платить.

— Платить приходится за все. И так, мы пришли к единому мнению. Мы проводим в Чикаго жесткую предвыборную кампанию. И при этом не отбрасываем и запасной вариант. Как говорится, страхуемся от неожиданностей.

— Что ты все крутишь, Сэмми, — не выдержал Хармс. — Лучше скажи, что я должен сделать в Чикаго.

Улыбка исчезла с лица Хэнкса.

— Хорошо, черт побери, я скажу. Ты должен подтасовать результаты выборов.

— Вот это я и хотел от тебя услышать, — усмехнулся Хармс.

Глава 6

Появление Дональда Каббина в вестибюле отеля всегда напоминало небольшой спектакль, зрителями которого становились зеваки и праздничношатающиеся. Им ясно давалось понять, что прибыла Важная Персона.

Впрочем, встречали дорогого гостя не в отеле, а у трапа самолета, в данном случае в международном аэропорту О'Хара в Чикаго. Едва «Лир-24» приземлился и зарулил на временную стоянку, к нему подкатили три автомобиля: большой синий «олдсмобил-98», зеленый «кадиллак флитвуд» и «плимут»-такси. С пропуском, разрешающим свободное передвижение по территории аэропорта, на лобовом стекле.

В «олдсмобиле» и «кадиллаке» прибыли верные сторонники Каббина, в том числе шестидесятитрехлетний вице-президент округа Чикаго-Гэри Ллойд Гарфилд, который, по выражению Дональда Каббина, не стоил и урны теплой слюны. Тем не менее Гарфилд знал, где раздобыть деньги на предвыборную кампанию, а потому Каббин держался с ним вежливо-пренебрежительно. Впрочем, Гарфилд удивился бы, встретив иное отношение.

Первым из самолета появился Фред Мур. В профсоюзной ведомости на выплату жалованья он числился инструктором, но на самом деле ни на шаг не отходил от Каббина. Если они путешествовали, Мур поднимал Каббина утром и укладывал в кровать по вечерам. Для Каббина он был слугой, бутлеггером, мальчиком на

побегушках, кассиром, иной раз доверенным лицом и, по утверждению некоторых, телохранителем, поскольку всегда носил в кармане револьвер «чифс спешл» тридцать восьмого калибра. Симпатичный тридцатипятилетний парень, не окончивший и школы, с годами нажил себе значительное состояние, используя в биржевой игре советы знающих людей, которые хотели получить что-либо от Каббина и полагали, что Мур может им в этом помочь. Иногда он и помогал.

Мур буквально боготворил своего босса. Иной раз даже и ревновал, что в немалой степени забавляло Каббина. Глава профсоюза частенько излагал Муру предполагаемые экономические новации. «Если этот тупоголовый сукин сын сможет меня понять, — говаривал Каббин, — значит, поймут и остальные».

После того как Мур помог Каббину спуститься по трапу, он отступил в сторону, наблюдая, как приветствуют босса Гарфилд и другие чикагские сторонники Каббина. Убедившись, что Каббин более не нуждается в его услугах, Мур поспешил к такси, сел в кабину, протянул водителю две купюры: десятку и двадцатку.

— Вы сможете оставить их у себя, если мы доедем до «Шератона» за тридцать минут.

Водитель сунул деньги в карман.

— Попробуем, приятель.

А Мур тем временем достал маленький блокнот и шариковой ручкой записал: «Оплата такси, сорок долларов, Чикаго». В его обязанности входил и учет расходов Каббина. Тут требовалась не только педантичность, но и немалая доля воображения.

Следом за Каббином из салона «лира» вышли еще двое мужчин. Руководитель предвыборной кампании и специалист по контактам с общественностью. Но главная их задача состояла в другом: удерживать Каббина в трезвости до окончания кампании. Этим они занимались уже десять дней, которые дались им нелегко. Вот и теперь, в ходе часового полета из Гамильтона, им пришлось попотеть, дабы не допустить Каббина к бутылке канадского виски, которую тот купил в магазине беспощинной торговли аэропорта. Им не приходилось рассчитывать на помощь Фреда Мура. Тот полагал, что спиртное идет боссу только на пользу.

— У него поднимается настроение. Он расслабляется.

— И напивается, бестолковая твоя голова, — отвечивал ему руководитель предвыборной кампании.

Советники Каббина хотели было избавиться от Фреда Мура, отправив его в отпуск до окончания предвыборной кампании, в Майами-Бич, а еще лучше на Багамы. Разумеется, за счет профсоюза. Когда с этим пришли к Муру, тот упрямо покачал головой: «Я нужен Дону».

Отослать Мура мог только сам Каббин, но, когда руководитель предвыборной кампании обратился с таким предложением к Дональду Каббину, тот как-то странно посмотрел на него, прежде чем ответил: «Он остается». Да еще тоном, отсекающим дальнейшие разговоры на эту тему.

Руководителя предвыборной кампании звали Оскар Имбер. Он защитил докторскую диссертацию по экономике в университете Техаса. Называлась диссертация «Особенности использования пенсионного фонда международным братством водителей грузового транспорта, механиков и складских рабочих Америки». Естественно, ему тут же предложили место в профсоюзе водителей грузовиков, но он отказался, отдав предпочтение профсоюзу Каббина, где жалованье было поменьше, а вот власти существенно побольше. Восемь лет спустя Имбер стал

администратором профсоюзного пенсионного фонда, оценивающегося, по последним подсчетам, в шестьсот одиннадцать миллионов долларов. Поскольку федеральный закон Ландрама-Гриффина скрупулезно определял правила проведения выборов в профсоюзах, Имбер покинул свой официальный пост, чтобы возглавить предвыборную кампанию Каббина. Сделал он это не от большой любви к Каббину, а потому, что его должность рассматривалась в профсоюзе как одна из самых лакомых. Если бы Каббин проиграл Хэнксу, Оскара Имбера незамедлительно вышибли бы вон, дав лишь несколько минут, чтобы забрать из стола личные вещи. Поначалу он пытался сохранить нейтралитет, но после разговоров один на один с каждым из кандидатов ему стало ясно, что спрятать голову в песок не удастся. И Каббин, и Хэнкс придерживались правила: кто не с нами, тот против нас.

Чтобы определиться, Имбер прибег к помощи монетки. Выпал орел, то есть Каббин. Приняв решение, Имбер тут же сообщил Каббину, что берет на себя руководство его предвыборной кампанией. «У вас нет никого, кому хватит мозгов справиться с этим. Те, у кого есть хоть что-то в голове, окромя опилок, уже перебежали к Сэмми».

Каббин очень обрадовался, что кто-то возьмется за рутинную работу, и даже не стал спорить.

Наблюдая, как Каббин усаживается в «кадиллак», Имбер спросил своего спутника:

- Когда у него телеинтервью?
- В полночь.
- Значит, сегодня долгий день.
- Все они одинаковые.

Мужчина, с которым разговаривал Имбер, всегда сутулился, словно стесняясь своего высокого роста, отчего напоминал вопросительный знак. Его черные волосы уже начали седеть, ярко-синие глаза излучали легкий холодок, а под слегка крючковатым носом красовались густые черные усы.

Последние десять лет Чарлз Гуэйн занимался тем, что людям, к которым обычно не питал абсолютно никаких чувств, кроме презрения, он помогал получить ту или иную выборную должность. В трех случаях из четырех его помощь определяла успех избирательной кампании, так что работы ему хватало. С учетом инфляции вознаграждение его выросло до пятидесяти тысяч долларов за кампанию плюс расходы. С этих пятидесяти тысяч долларов ему даже не приходилось платить налоги, потому что постоянного адреса у Гуэйна не было. В промежутках между избирательными кампаниями он и его жена жили на тридцатидвухфутовой яхте, построенной фирмой «Крисн-Крафт», курсируя вдоль Атлантического побережья, от Виргинии до Флориды. Гуэйн чувствовал, что работать ему осталось максимум четыре года, а уж потом все возрастающее отвращение к собственной профессии сведет на нет эффективность его работы. Через четыре года ему аккуратно исполнилось бы сорок. Он понятия не имел, чем займется на пятом десятке лет своей жизни, и эта неопределенность нервировала его.

Усевшись на заднее сиденье «олдсмобиля-98», Чарлз Гуэйн и Оскар Имбер выслушали владельца машины, мелкого профсоюзного чиновника из Гэри, изложившего свое видение политической ситуации.

- Кампания набирает обороты. И вызывает все больше интереса.
- Это хорошо, — кивнул Имбер. — И каковы наши шансы?
- Дону нужно держать руку на пульсе.

— Джон?

Чиновника звали Джон Хортон, и он обернулся, вместо того чтобы смотреть на дорогу.

— Что?

— Хочешь, я тебе кое-что скажу?

— Конечно, — Хортон вспомнил, что они едут, а не стоят, и голова его вернулась в исходное положение. — Что?

— Ты понятия не имеешь, о чем говоришь.

Хортон даже и не обиделся.

— Подожди, Оскар, и ты все увидишь сам. Старина Дон выиграет выборы, если будет внимательно следить за ходом предвыборной кампании и за самими выборами.

— Джон утверждает, что обеспечит нам большинство в местном профсоюзном отделении, — пояснил Имбер, посмотрев на Гуэйна. — Я в этом сильно сомневаюсь.

— За мое отделение не беспокойтесь, — через плечо бросил Хортон. — У меня все будет в порядке. Если уж вам и надо беспокоиться, так за ниггерские отделения. Вот где вас могут подстерегать неприятности.

— Так в твоём отделении восемьдесят процентов черных, — вставил Имбер.

— Да, примерно, но это хорошие ниггеры. За них можно не волноваться.

— А как насчет других, а?

— Я говорю только за своих ниггеров, насчет других я ничего не гарантирую.

Имбер откинулся на спинку сиденья. Гуэйн мрачно смотрел в окно. Несколько минут все молчали.

— Прошло десять дней, — не выдержал Имбер. — Каково твое мнение?

— Я словно попал в тридцатые годы, — ответил Гуэйн.

— Как так?

— Я не могу использовать телевидение и даже радио, потому что у нас всего девятьсот тысяч избирателей, разбросанных более чем по сорока штатам.

— Ты прав.

— Так что расходы на телерекламу будут неоправданно высоки. У меня потрясающе фотогеничный кандидат, а я не могу этим воспользоваться. Если бы речь шла об обычных выборах, я бы потратил последний цент на телевидение, но нет, этот путь для нас закрыт. Остается только одно.

— Что же?

— Печатное слово.

— И что из этого следует?

— Есть проблемы.

— Подумаешь! Есть они и у Хэнкса.

Гуэйн вздохнул.

— Я никогда не вел печатную кампанию. Во всяком случае, не полагался только на плакаты, статьи, проспекты. У меня кандидат, за которого приятно проголосовать, соперник у нас такой, что второй раз смотреть на него не захочется, а я не могу воспользоваться этим на телеэкране. Боже ты мой!

— А чем тебя смущает печатная реклама?

— Я в нее не верю.

— Почему?

Гуэйн вновь вздохнул.

— Да кто сейчас что читает?

За три квартала от отеля «Шератон-Блэкстоун» Фред Мур попросил водителя остановиться у винного магазина. Купил четыре полупинтовых⁷ бутылки бербона⁸ «Выдержанный», две сунул в карманы пиджака, две — брюк. Вернулся к такси, сел на заднее сиденье.

— Поехали.

— Из-за этой остановки мы приедем на минуту позже, — заметил водитель.

— Пусть тебя это не тревожит, — ответил Фред Мур.

В блокноте он записал: «ПГ — 12 долларов». ПГ означало прием гостей.

У «Шератона» Мур выскочил из кабины, миновал вращающуюся дверь. В холле кучкой стояли пять человек. Один из них выступил вперед, но Мур остановил его взмахом руки.

— Жди, Фил. Он приедет через пять или шесть минут.

— Мне надо перекинуться с ним парой слов.

— Ты сможешь поговорить с ним наверху.

— Спасибо тебе, Фред.

Но Мур уже спешил к столику бригадира коридорных. Бригадир встал, едва заметив Мура.

— Как поживаешь, Джимми?

— Отлично, а ты, Фред?

— Пожаловаться не могу, но он держит меня в форме.

— Что тебе нужно?

Мур взглянул на часы, затем на двери лифтов.

— Через пять минут приготовь нам номер один и номер два.

— Хорошо. Сколько чемоданов?

— Двух парней хватит.

— Ты их получишь. Надолго остаетесь?

— На несколько дней. Рассчитаемся позже.

— Как скажешь, Фред.

Мур переместился поближе к середине холла, чтобы видеть и лифты, и входную дверь. Взгляд его обежал холл. Вроде бы психов нет, отметил он. Обычные люди.

Бригадир подозвал четырех коридорных, объяснил, что от них потребуется.

— Каббин прибывает примерно через три минуты. Вы двое идете к входной двери. А вы вызываете первый и второй лифты и держите их пустыми. Как всегда.

Коридорные кивнули и заняли исходные позиции у вращающейся двери и лифтов. Пять минут спустя зеленый «кадиллак» доставил Дональда Каббина к отелю. Швейцар бросился открывать дверцу автомобиля. Каббин вышел первым, за ним последовал вице-президент и еще два профсоюзных чиновника. Из «олдсмобиля» вылезли Оскар Имбер, Чарлз Гуэйн и Джон Хортон. Прежде чем Каббин добрался до вращающейся двери, коридорные уже достали чемоданы из багажников.

Каббин первым появился в вестибюле, в распахнутом двубортном плаще, с сигарой в зубах. Глаза его бегали из стороны в сторону, дабы не упустить тех, кому надо кивнуть или сказать «привет, приятель». Заметив группу из пяти человек, он уставился на лифты и, не сбавляя шага, направился к ним.

⁷ 1 пинта — 470 г.

⁸ Кукурузное или пшеничное виски.

— Номер один, Дон, — прошептал Мур, когда Каббин проходил мимо. Праздношатающиеся и зеваки уже глазели на маленькую процессию, пересекающую холл.

— Кто это? — спросил один праздношатающийся у зеваки.

— Лорн Грин, — ответил тот, дабы не выказать свое невежество.

— Кто?

— Актер. Играет Па Картрайта. Помните этот сериал: «Золотое дно»?

— О, да. Я уж подумал, что это он.

Каббин вошел в кабину, Мур последовал за ним, вымуштрованный коридорный тут же закрыл двери.

— Останови на шестом, Карл, — распорядился Мур.

— Будет сделано, мистер Мур.

Кабина остановилась на шестом, но двери не открылись. Коридорный внимательно разглядывал пульт управления, а Мур уже протягивал Каббину открытую бутылку «Выдержанного». Тот поднес бутылку к губам и жадно глотнул, затем вернул ее Муру.

— Едем дальше, — приказал тот, заворачивая пробку и убирая бутылку в карман.

Дональд Каббин закрыл глаза и умиротворенно вздохнул. Бербон начал действовать.

Глава 7

Трумену Гоффу, который знакомился с биографией человека, которого намеревался убить по справочнику «Кто есть кто», за каждый год работы в супермаркете «Сэйфуэй» в Балтиморе полагался трехнедельный отпуск. Он договорился с управляющим, что одну неделю возьмет в первой половине сентября, а еще две — в октябре, с девятого числа.

Управляющего супермаркета это не удивило. Он уже привык к тому, что менеджер отдела продовольственных товаров берет отпуск в самое различное время. В общем, управляющему это было только на руку, потому что Гофф никогда не брал отпуска летом, когда многие стремились погреться на пляже.

Не удивило желание Гоффа отдохнуть осенью и его семью. Последние три года, с тех пор как их дочери исполнилось семь, Гоффы отдыхали отдельно. Вот и в этом году его жена провела в Европе три июльские недели. Гоффу эта поездка обошлась в девятьсот девяносто пять долларов плюс еще триста, выданных жене на мелкие расходы. Их дочь провела шесть недель в летнем лагере в Пенсильвании, как два прошлых года. Ее мать прошлым летом побывала в Мексике, а позапрошлым — на Гавайях. И теперь, когда чета Гоффов смотрела телевизор, а такое случалось нечасто, миссис Гофф, увидев на экране зарубежный город, всенепременно говорила: «Я там была», — даже если это не соответствовало действительности. Гоффа это раздражало, поскольку он никогда не выезжал за пределы Соединенных Штатов, да и не испытывал такого желания. Но женино «Я там была» все равно раздражало его. Потому-то эта фраза так часто и слетала с губ миссис Гофф.

Жена Трумена Гоффа не знала, откуда муж берет деньги на ее поездки. Он говорил, что играет на скачках по научной системе, но она ему не верила. Однако в последние три или четыре года у него всегда водились денежки, а раз он тратил часть приработка на нее, она не желала задумываться над тем, откуда они взялись.

Договорившись об отпуске с управляющим, Гофф поделился своими планами и с

женой.

— С понедельника хочу взять неделю отпуска.

— Куда поедешь?

— Еще не знаю. Может, во Флориду.

— Там еще очень жарко.

— Жара мне нравится. Машину я оставлю тебе.

— Хорошо бы оставить мне и немного денег.

— Да, конечно, вот тебе четыре сотни. Купи ребенку новую одежду для школы.

Гофф протянул жене четыре стодолларовые купюры. Старые, затертые, одну даже надорванную и аккуратно заклеенную скотчем.

— Желаю тебе хорошего отдыха, — жена убрала деньги в кошелек.

— Спасибо, — и Гофф уткнулся в «Нью-Йорк таймс».

— Чего ты купил эту газету? — любопытствовала жена.

— О скачках здесь пишут лучше, чем в «Сан», — ответил Гофф, задержав взгляд на тринадцатой странице.

Его внимание привлекла небольшая заметка под заголовком:

«БОРЬБА ЗА ПРЕЗИДЕНТСТВО В ПРОФСОЮЗЕ ОБЕЩАЕТ БЫТЬ
ЖЕСТКОЙ».

* * *

В четырехкомнатном, с двумя ванными, номере на двенадцатом этаже «Шератон-Блэкстоун» Дональда Каббина ждала жена. Они не виделись три дня, но встретились с такой теплотой, словно разлука длилась три года.

— Как поживает моя маленькая девочка? — проворковал Каббин, обняв жену и приподняв ее на три или четыре дюйма от пола, прежде чем поставить обратно и сочно чмокнуть в губы.

— Дорогой, как долго тебя не было, — и жена ослепительно улыбнулась, продемонстрировав коронки, за изготовление которых дантист в Беверли-Хиллз получил тысячу семьсот долларов.

— Как поживаешь, лапочка? — Каббин снял плащ.

— Отлично, милый, но тебя мне очень недоставало.

— Мне тоже, радость моя.

Обмен любезностями продолжался еще какое-то время. Для каждой фразы у них находилось ласковое словечко. Фред Мур, улыбаясь, смотрел, как муж и жена милуются друг с другом.

В комнату вошли Оскар Имбер и Чарлз Гуэйн. Поначалу они отводили взгляды от, как метко выразился Имбер, «Шоу Дона и Сэйди», но ничего более достойного внимания не было. Так что им оставалось лишь наблюдать за объятьями и громкими поцелуями.

Первая жена Каббина умерла семью годами раньше, оставив ему единственного девятнадцатилетнего сына. Скромная, застенчивая женщина, бывшая до замужества скромной, застенчивой девушкой. Замуж она вышла в девятнадцать. Каббину было тогда двадцать четыре.

Через шесть месяцев после ее смерти Каббин женился на Сэйди Фриер, которая

вполне годилась ему в дочери. Работала она в питтсбургском бюро Ю-Пи-И, и впервые встретилась с Каббином, приехав брать у него интервью. Она не отличалась ни скромностью, ни застенчивостью.

В последний раз они попытались потрахаться семь месяцев тому назад. И ничего не вышло, хотя Сэйди испробовала все ухищрения, что нравились Каббину, да еще придумала пару-тройку новых. Но в итоге потерпела неудачу.

— Сегодня ты слишком много выпил, дорогой. Не отложить ли нам это дело на завтра?

Но так уж получилось, что «завтра» не наступало уже семь месяцев. Каббина это только радовало. Он не хотел второй раз стогать от стыда. А кроме того, он выяснил, что, приняв приличную дозу, напрочь забывает о сексе. Через месяц Сэйди нашла замену Каббину и тоже ни на что не жаловалась. А на людях они по-прежнему изображали влюбленных. И безо всякой наигранности, поскольку действительно питали друг к другу самые нежные чувства.

Наконец восторги супругов поутихли, и Каббин повернулся к Имберу и Гуэйну.

— А вот теперь я глотну канадского виски, что купил в аэропорту.

— Один глоток не повредит, — кивнул Имбер.

— Тем более что до телевизионного интервью я пить не собираюсь.

— Виски я налью, Дон, — вставил Фред Мур. — А что вам, Сэйди?

— Мне без разницы. Бербон с водой, если есть.

— Вы, господа? — Мур повернулся к Имберу и Гуэйну.

Они тоже остановились на бербоне с водой.

Мур уже направился к двери, когда Каббин крикнул вслед:

— И позови Одри.

Мур кивнул и вышел из комнаты.

Каббин плюхнулся в кресло и посмотрел на Гуэйна.

— Так вы действительно думаете, что этому парню с телевидения в Гамильтоне я сказал все, как надо?

Гуэйн кивнул и присел на зеленый кожаный диван.

— Канадцы, я думаю, останутся довольны. Да и сегодня ничего менять не надо. Вам наверняка зададут тот же вопрос.

— Спросят, почему, по моему мнению, Сэмми выставил свою кандидатуру и не утерял ли я связи с низовыми организациями?

— Пока они все спрашивали об этом.

— Вы заметили, как ходил этот телевизионщик из Гамильтона?

— Ходил? — переспросил Имбер.

Каббин встал.

— Вот так, — он расправил плечи, выпятил грудь колесом, чуть отставил от боков руки и павлином пересек комнату.

— Вы правы, — улыбнулся Имбер. — Гэри Грант.

Каббин просиял.

— Если старики копируют Гранта или Уэйна, это нормально. Но молодые должны смотреть на Буртона и...

Его прервало появление Фреда Мура с полными стаканами. За ним следовала сорокалетняя блондинка с «дипломатом» в руке. Одри Денн уже пятнадцать лет была секретарем Каббина. Она поставила «дипломат» на пол, встала позади кресла Каббина.

— А теперь, красавчик, расслабься.

— Что там у нас? — спросил Каббин Одри, протягивая руку за стаканом.

— Сначала промочи горло.

Каббин дважды глотнул виски.

— Все нормально? — осведомилась Одри.

— Отлично.

Одри положила руки ему на шею и начала массировать мышцы.

— Тебе надо подписать несколько писем, прямо сейчас, и ответить на шесть телефонных звонков. С пятью можно подождать до завтра, а вот один не терпит отлагательств.

— От кого? — спросил Каббин.

— От Уолтера Пенри. Он звонил из Вашингтона и сказал, что у него срочное дело.

— Так соедини меня с ним.

— Расслабься, черт побери, — прикрикнула на Каббина Одри, продолжая массаж.

Сэйди, улыбаясь, смотрела на них, гадая, когда Дон в последний раз спал с Одри. Наверное, решила она, лет десять тому назад, до того, как Одри вышла замуж. Теперь эта парочка как бы подчеркивала прежнюю близость, благо им не было нужды притворяться. «Как это хорошо, не притворяться», — мысленно вздохнула Сэйди и постаралась подумать о чем-то приятном, о тех днях, когда и ее семейная жизнь войдет в норму. Разумеется, после выборов. После выборов все станет тип-топ. А пока... пока приходилось мириться с тем, что есть. Впрочем, она не жаловалась.

— Я уже расслабился, — Каббин посмотрел на Одри. — Теперь соедини меня с Пенри.

Одри Денн легонько похлопала его по плечу, как бы говоря, что массаж закончен.

— Ты сможешь поговорить с моего телефона.

— Хорошо, — Каббин в три глотка опустошил стакан. — Что еще?

— Делегация из отделения сто двадцать семь ждет в комнате Си.

— Сто двадцать седьмое отделение, — повторил Каббин. — Это Уиллинг, Западная Виргиния. Я видел их внизу. Того парня звали... — Каббин вскинул глаза к потолку. Он гордился своей памятью. — Фил. Фил Эмери. Так?

— Так, — подтвердил Мур.

— Чего они хотят?

— Их отделение приняло резолюцию поддержать вас. Они хотят передать ее вам вместе с деньгами.

— Сколько?

— Не знаю, наверное, долларов двести.

— Господи, да билеты на самолет обошлись им дороже.

— Они не прилетели сюда, — ответил Мур. — Приехали на машине.

— Правда? — в голосе Каббина слышались удивление и удовлетворенность. Еще бы, добровольно проделать такой путь лишь для того, чтобы повидаться с ним. — Надо бы мне уделить им побольше времени.

— Вам бы уделить время Ллойд Гарфилду и его комитету, — возразил Оскар Имбер. — Они тоже хотят дать вам немного денег. Порядка двадцати пяти тысяч долларов.

Каббин встал, сердито потряс головой.

— Я уже говорил с ними. Черт, я ехал с ними из аэропорта и провел со стариной Гарфилдом достаточно времени, чтобы расплатиться за эти двадцать пять тысяч. Господи, какой же он идиот!

Оскар Имбер лежал на диване, полный стакан покоился у него на груди, глаза изучали потолок.

— Это самое большое пожертвование из тех, что мы получили, Дон.

— И что мне теперь делать, упасть перед ним на колени? Я терпеть не могу этого старикашку, — шестидесятитрехлетний Гарфилд был лишь на тринадцать месяцев старше Каббина.

— Проведите с ним еще пять минут, — попросил Имбер. — Уделите ему столько же времени, что и делегации из Уиллинга. По минуте за каждые пять тысяч долларов.

— Почему бы и нет, дорогой, — вмешалась Сэйди, чувствуя, что Каббин может заупрямиться. — Оскар и я зайдем Гарфилда, пока ты будешь принимать делегацию из Уиллинга. И тебе останется разве что поблагодарить Гарфилда.

— Постарайся взять у него деньги, Оскар. Я не хочу спрашивать его об этом и не желаю марать о них руки. Господи, он спит и видит, как я беру у него деньги.

— Я позвоню Уолтеру Пенри через десять минут, — предложила Одри Денн. — Тогда ты сможешь оборвать разговор с Гарфилдом.

— Дельная мысль, — Каббин повернулся к Фреду Муру. — Двинулись, Фред.

Двое мужчин вышли в коридор двенадцатого этажа.

— Они в комнате Си, так что вы можете пройти через комнату Ди, по пути заглянув в туалет, — заметил Мур.

Каббин кивнул и последовал за Муром. В ванной, что разделяла спальни Си и Ди, Каббин «добил» бутылку бербона, початую в лифте.

— До телевизионного интервью я дам вам только один глоток.

Каббин оглядел себя в зеркале, пригладил седые волосы.

— Будь под рукой, когда ты мне понадобишься.

На лице Мура отразилась обида.

— А разве бывало иначе, Дон?

Каббин посмотрел на него.

— Пока еще нет.

Глава 8

С делегацией, что привезла ему двести долларов, Каббин провел куда больше времени, чем со стариной Гарфилдом и его двадцатью пятью тысячами. Делегация из Уиллинга состояла из рабочих, которым пришлось взять отгул, чтобы приехать в Чикаго, а на следующий день им предстояло работать после утомительной ночной поездки. А кроме того, они благоговейно смотрели на Каббина, называли его президент Каббин и говорили, что они все стоят за него, потому что лучшего президента у них не было, нет и не будет.

Старина Гарфилд и чикагские профсоюзные чиновники никакого благоговения не испытывали. Они называли его Дон, не забывая напомнить, как ему повезло в том, что они на его стороне, и часто повторяли, на какие им пришлось пойти жертвы, чтобы собрать эти двадцать пять тысяч долларов. А перед самым уходом старина Гарфилд увлек Каббина в угол и прочитал небольшую лекцию насчет того, как следует руководить профсоюзом.

Каббина уже так и подмывало сказать старине Гарфилду, что он может взять свои двадцать пять тысяч и засунуть их в известное место, но тут появилась Одри Денн с известием, что Вашингтон на проводе. Каббин быстренько пожал руку старине

Гарфилду.

— Беседовать с тобой всегда удовольствие, Ллойд, и я знаю, что в любой момент могу обратиться к тебе за советом.

— Главное, не забывай, что я тебе сказал, ты знаешь о чем, — подмигнул ему Гарфилд.

— Как можно, — Каббин подмигнул в ответ и скрылся за дверью, оставив Гарфилда Сэйди, Оскару Имберу и Чарлзу Гуэйну.

Сопровождаемый Муром, Каббин проследовал в комнату Би. Он вошел, когда Одри Денн говорила в телефонную трубку:

— Соединяю вас с мистером Каббином, мистер Пенри.

Каббин взял трубку и махнул рукой.

Одри Денн кивнула и направилась к двери. Устремился за ней и Фред Мур.

— Остайся, Фред, — прошипел Каббин, закрыв микрофон рукой. Затем добавил, уже в трубку: — Добрый день, Уолтер.

Вероятно, многие дизайнеры сочли бы кабинет Уолтера Пенри в его конторе на Семнадцатой улице образцовым. Диваны и стулья, обтянутые твидом, кофейный столик в форме почки, на стенах репродукции картин, изображающих сцены вашингтонской жизни, огромный стол орехового дерева, который Пенри купил у какого-то министра. Его видение служебного кабинета потрясло воображение прессы, и в итоге ему пришлось расстаться со многими приобретениями, удовлетворившись стандартным набором кабинетной мебели. У него же Пенри купил золотистые портьеры из чистого шелка.

Пенри сидел в оранжевом кожаном кресле, положив ноги на стол. Перед ним, в креслах, обитых твидом, расположились оба его ведущих помощника, Питер Мэджари и Тед Лоусон. Динамик громкой связи разносил голос Каббина по кабинету. Мэджари насупился, приготовившись ловить каждое слово. Лоусон заранее улыбался, словно рассчитывал услышать что-то забавное. Впрочем, улыбался он всегда.

После того как Каббин и Пенри обменялись информацией о здоровье ближайших родственников и выяснили, какая погода в Вашингтоне и Чикаго, Пенри перешел к делу.

— Я слышал, на этот раз у тебя появился конкурент, Дон.

В Чикаго Каббин многозначительно посмотрел на Фреда Мура.

— Есть тут один. Я думаю, нам удастся с ним справиться.

Фред Мур достал из кармана бутылку «Выдержанного», отвернул пробку и протянул виски Каббину, который дважды жадно глотнул. В кабинете Пенри динамик усилил характерный звук и Питер Мэджари что-то чиркнул в блокноте.

— Дослушай, Дон, завтра ты будешь в Чикаго?

— С понедельника до четверга.

— Если можно, я и мои парни подведем к тебе завтра. У нас тут возникло несколько идей, и мы думаем, что ты сможешь ими воспользоваться.

— Я всегда рад тебя видеть, Уолтер, ты это знаешь, но я хочу сразу сказать тебе, что денег у нас немного и нам нечем оплатить твои услуги.

— Дон?

— Что?

— Разве я говорил про деньги? Намекал, что потребую оплату?

— Нет, но...

— Дон?

— Слушаю тебя.

— Мы друзья, не так ли?

— Конечно. Близкие друзья.

— Я просто хотел сказать тебе, что звонил именно по этой причине. Друзья ведь и нужны для того, чтобы помогать друг другу. Ты же помогал мне в прошлом, не так ли?

Положа руку на сердце, Каббин так не думал. Помощь Уолтеру Пенри как раз и состояла в том, что он не ударил пальцем о палец. То есть ему не пришлось принимать решение и что-либо предпринимать.

— Даже не знаю, Уолтер. Не так уж много я и сделал.

Тут он говорил чистую правду. Многие годы тому назад профсоюз Каббина хотел организовать свое отделение в одной из крупнейших машиностроительных компаний. Принадлежала она безмерно богатому, очень эксцентричному затворнику, одному из клиентов фирмы «Уолтер Пенри и помощники, инк.», которым фирма очень дорожила. Затворник прямо заявил Пенри, что останется его клиентом до тех пор, пока в его компании не будет создано отделение профсоюза. За время пребывания Каббина на посту президента компания разрослась в концерн. Все эти годы Каббин лишь имитировал стремление создать там отделение профсоюза. Он посылал туда пьяниц, неумех, бездельников, у которых, естественно, ничего не получалось. Когда совет директоров начинал давить на Каббина, он посылал новых недоумков. Как и в любой большой организации, в профсоюзе таких хватало.

Каббин и Пенри никогда напрямую не договаривались о том, что в компании затворника отделения профсоюза не будет. Пенри даже не мог сказать, что у них на этот счет была молчаливая договоренность, но он видел, что в ответ на его доброе отношение к Каббину последний старается оградить компанию его клиента от профсоюзных объятий. Сам же он неоднократно знакомил Каббина с актерами и актрисами, как в Нью-Йорке, так и в Лос-Анджелесе, внушая последним, что внимание со стороны профсоюзного деятеля может в немалой степени поспособствовать их карьере. А так как Каббина, даже в шестьдесят два года, тянуло к сцене, многие из них без труда очаровывали его и становились близкими знакомыми, а то и друзьями.

Пенри знал, что возникни у профсоюза Каббина серьезное желание создать отделение на базе компании, на это ушло бы максимум шесть недель. Знал он и то, что после победы Хэнкса такое желание непременно возникнет, а фирме «Уолтер Пенри и помощники, инк.» не хотелось терять богатого клиента.

Таким образом, переизбрание Дональда Каббина становилось самым важным проектом для фирмы «Уолтер Пенри и помощники, инк.», и Пенри пока не хотел даже думать о том, что произойдет в случае проигрыша Каббина. Хотя знал, что подумать об этом придется. Не только подумать, но и подготовить запасной вариант, аккуратно для этого случая. Так следовало действовать реалисту, а Пенри относил себя к таковым, то есть к тем, кому удается заработать доллар даже на поражении.

— Дон, а почему бы тебе не освободить вторую половину дня? — предложил Пенри. — Я и парни прилетим утром, а потом мы могли бы встретиться и поговорить... у меня.

«У меня» означало в «Хилтоне». Пенри всегда останавливался в отелях группы «Хилтон», потому что в свое время удачно выполнил поручение группы, и администрация в благодарность, разумеется, помимо заранее оговоренного вознаграждения, подарила Пенри серебряную карточку, владельцем которой получал тридцатипроцентную скидку. У группы «Хилтон» имелась и золотая карточка,

обеспечившая пятидесятипроцентную скидку, но администрация сочла, что на пятьдесят процентов Пенри не наработал.

— Что ж, думаю, я смогу подъехать, — ответил Каббин.

— Как насчет часа дня? Я закажу ленч.

— Пойдет. Кто ж отказывается от ленча.

— Тогда до завтра, Дон. С нетерпением жду встречи.

— Я тоже. До завтра.

Пенри выключил динамик громкой связи и посмотрел на Питера Мэджари, успешного исписать целую страницу.

— Ну?

— Интересно, но не удивительно.

— В каком смысле?

— Он пьет, но помалу. Это значит, что у него есть постоянный источник спиртного. Я думаю, это Мур, который не отходит от него. Бербон «Выдержанный», если не ошибаюсь.

— Откуда ты знаешь, что это бербон, да еще выдержанный? — любопытствовал Тед Лоусон.

— Знать — это моя работа, Тед. Мур обычно имеет при себе четыре бутылки по полпинты каждая. То есть при необходимости Каббин всегда может глотнуть бербона, а судя по тому, как он произнес слова «после» и «справиться», я полагаю, что он уже употребил порядка трех четвертей пинты.

— И сколько, по-твоему, он выпивает за день? — спросил Пенри.

— Должно быть, никак не меньше кварты.⁹

— Так оно и есть, — подтвердил Лоусон.

— И при этом сохраняет работоспособность? — удивился Пенри.

— Все зависит от того, что под этим подразумевается. Выпив пинту, он по-прежнему способен двигаться, хотя его контроль над своим телом ослабевает. После кварты он лежит трупом. Следуя обычному распорядку, утром он пропускает пару граммулечек, чтобы прийти в себя, и до полудня старается покончить со всеми делами, требующими повышенного внимания. Потом он позволяет себе расслабиться, принимая хорошую дозу, но все еще остается на ходу. Может произнести речь, появиться на людях, пожать кому-то руку и тому подобное. К счастью, обязанности у него не такие уж и тяжелые.

— За десять лет, что я его знаю, он не проработал и дня, — вставил Тед Лоусон.

— Тут ты не прав, — покачал головой Пенри. — Я видел, как он вел переговоры по трудовому соглашению. Я представлял интересы промышленников, и, должен сказать, выглядел он великолепно.

— Когда это было? — спросил Питер Мэджари.

— Три года тому назад.

— Во-первых, он полагал, что находится на сцене. Он не был президентом профсоюза. Он играл роль президента, как он ее себе представлял.

— И все равно партию свою он вел блестяще.

— Он мог бы стать отличным актером, может быть, выдающимся. Но ты видел его три года тому назад. Боюсь, за это время он здорово сдал. Спиртное берет свое.

— И он не собирается бросать пить, — заметил Лоусон.

⁹ 1 кварта — 0,95 л.

— Не собирается, — кивнул Пенри.

— Лично мне кажется, что его ближайшее окружение делает все, что только возможно, — добавил Мэджари. — Если мы примем участие в его избирательной кампании, у меня будет только одно предложение: оберегать его от стрессовых ситуаций.

— Что же нам, носиться с ним, как с младенцем? — Лоусону предложение Мэджари явно не понравилось.

— Нет, его люди о нем позаботятся. Тот же Мур, который, как мне представляется, снабжает его спиртным. Я думаю, нам надо оставить Каббина в покое.

— Как я понимаю, упор ты хочешь сделать на другом? — спросил Пенри.

— Да.

— Мы тебя слушаем.

— Нам следует заняться Сэмми Хэнксом.

— Понятно. Тут есть за что уцепиться, не так ли?

— Ты знаешь о припадках Сэмми?

— Что-то такое слышал.

— Но не видел?

— Нет.

Мэджари разглядывал носки своих туфель.

— Однажды я провел три часа с женщиной, которая видела его припадок. Она оказалась очень наблюдательной. Она мне все описала. В мельчайших подробностях.

— И что?

— Описание, несомненно, интересно, но еще большего внимания заслуживает другое.

«Он все расскажет, — подумал Пенри, — но в свое время. Когда сочтет нужным. Так что торопить его бесполезно».

— Что именно?

— Она сказала мне, как можно вызвать у него припадок. Независимо от его воли.

— Понятно, — протянул Пенри.

— Это действительно интересно, — кивнул Лоусон.

— И что для этого надо сделать? — спросил Пенри.

Мэджари потребовалось пятнадцать минут, чтобы описать, что и как надо сделать.

— Когда ты все это придумал? — восхищенно спросил Лоусон, когда Мэджари закончил.

— Пока Уолтер говорил по телефону с Каббином.

— Господи, это же отвратительно, — выдохнул Пенри.

Мэджари улыбнулся и провел рукой по длинным черным волосам.

— Иначе и не скажешь.

Глава 9

Телевизионная передача, в которой намеревался выступить Каббин, предназначалась для тех страдальцев от бессонницы, кто не утолил свою жажду к банальностям, полтора часа слушая Джонни Карсона или Дика Кэйветта.

Вел передачу бывший криминальный репортер «Чикаго трибюн», который тщательно готовился к передаче или нанимал людей, делающих всю черновую работу. Он обожал задавать гостям глубоко личные вопросы, которые зачастую сбивали с них

спесь.

Звали ведущего Джейкоб Джоббинс, а официально его передача называлась «Ночь с Джеком». Шла она полтора часа, а число приглашенных варьировалось от одного до трех. Зрителей привлекало умение Джоббинса заставить гостя нервно ерзать в кресле к радости всех, кто не мог заснуть и говорил себе или тем, кто тоже не спал и мог их услышать, что уж они-то никогда не усядутся в это кресло и не позволят задавать себе подобные вопросы, хотя на самом деле им очень хотелось поучаствовать в «Ночи с Джеком».

А потому агенты писателей, актеров, певцов, политиков, пытались протолкнуть своих клиентов в эту передачу. Ибо получасовое унижение приносило немалые денежки в кассы магазинов, торгующих книгами и пластинками, кинотеатров, да и прибавляло голосов.

Многие из вопросов, которые задавал Джоббинс, подсказывали ему враги приглашенных на передачу. Он постоянно получал письма с советом проверить, «а почему в тысяча девятьсот шестьдесят первом году такого-то поместили в клинику Санта-Барбары». И часто, тщательно все проверив, Джоббинс задавал предложенный вопрос, отчего его гость обращался в стацию или начинал лепетать что-то бессвязное. Но настойчивость Джоббинса пробивала слабую оборону, и малоприятная история становилась достоянием тех, кто лежал дома в кровати и смотрел на экран сквозь пальцы ног.

Джоббинс умел не только задавать вопросы, но и слушать. Слушал он, как никто, блестяще используя длинные паузы, сочувственно кивая, как бы говоря: «Я понимаю, понимаю, как хорошо я вас понимаю». И гости раскрывались, рассказывая перед камерой то, что, возможно, не рассказывали никому.

Но душевный «стриптиз» окупался, поскольку среди многочисленных зрителей «Ночи с Джеком» преобладали те, кто покупал книги и пластинки, ходил в театры и на концерты, так что писатели, певцы и актеры распинали себя не зазря. Как справедливо отметил агент одного певца: «Господи, увидев, как этот бедолага стоял перед всеми, словно голенький, его становится так жаль, что ноги сами несут тебя в магазин и ты покупаешь его пластинку, чтобы хоть как-то подбодрить несчастного».

Дональд Каббин уже в третий раз участвовал в передаче «Ночь с Джеком». Впервые это произошло три года тому назад. Тогда Джоббинсу не удалось пробить оборону Каббина и разговор вышел скучным. Во второй передаче Каббин чуть раскрылся, признал, что считал Джимми Хоффу¹⁰ вором и назвал Уолтера Рьютера¹¹ дураком за то, что он вывел автостроителей из АФТ/КПП. Что же касалось войны во Вьетнаме, то, по его мнению, Джордж Мини¹² мог говорить все, что ему вздумается, но лично он, Каббин, считает эту войну трагической ошибкой, о чем постоянно твердит с шестьдесят четвертого года, и будет и дальше стоять на своем, хотя уменьшение оборонных расходов может оставить некоторых членов его профсоюза без работы. Далее Каббин заявил, что Губерту Хэмфри следовало не идти в вице-президенты к Джонсону, а выступить против войны в шестьдесят шестом, а то и

¹⁰ Известный политик шестидесятых годов.

¹¹ Один из основателей и долгое время президент профсоюза автомобильных рабочих.

¹² Организовал и до самой смерти возглавлял АФТ/КПП.

в шестьдесят пятом году, и тогда в наше время он был бы самым популярным, а не вышедшим в тираж политиком. Нет, он, Каббин, не боится, что станет алкоголиком, хотя он, конечно, прикладывает к бутылке, а кто, собственно, нет?

И во второй передаче Каббин не раскрылся, но многие его весьма едкие реплики привлекли внимание средств массовой информации и попали в различные газеты и сообщения телеграфных агентств. На этот раз Джоббинс нарыл кое-какой компромат на Каббина, а потому бросился в атаку, прежде чем Каббин успел устроиться в кресле.

— При нашей последней встрече, Дон, вы назвали Губерта Хэмфри вышедшим в тираж политиком. Теперь многие члены профсоюза говорят о вас то же самое. Они утверждают, что вы потеряли связь с массами. Почему?

— Это говорит только один человек, Джек. Тот самый, кто хочет занять мое место. Рядовые члены профсоюза придерживаются прямо противоположного мнения.

— Я справился у двух-трех чикагских букмекеров, и они сказали, что готовы принимать ставки в соотношении восемь к пяти на то, что вас не переизберут.

— Я бы на вашем месте поставил на пять, Джек. Разве вам не нужны лишние деньги?

— Давайте вернемся к утверждению, что вы теряете связь с массами. Вы состоите в нескольких закрытых клубах, не так ли?

— Я состою в некоторых клубах. Но не знаю, сколь они закрытые.

— Но не все могут стать их членами, так?

— Не все и хотят.

— Вы принадлежите к вашингтонскому клубу, который называется «Федералист-Клуб», не так ли?

— Да.

— Разве его не называют самым закрытым клубом Вашингтона?

— Я ничего об этом не знаю.

— Много ли членов вашего профсоюза состоят в нем?

— Думаю, что нет.

— Они могут вступить в клуб, если захотят?

— Если их пригласят и они смогут оплатить вступительный взнос. Я иной раз думаю, что и мне это не по карману.

— Вы сказали, если их пригласят?

— Да.

— А кто состоит в «Федералист-Клуб»?

— Политики, государственные чиновники, деятели культуры, ученые.

— И бизнесмены?

— Да, конечно. И бизнесмены.

— Крупные бизнесмены, не так ли?

— Хорошо. Крупные бизнесмены.

— И каждого должны пригласить?

— Да.

— Вас тоже приглашали?

— Да, приглашали.

— То есть вы не напрашивались на приглашение?

— Нет, не напрашивался.

— Нет?

— Нет.

— У меня есть копия вашего письма некоему мистеру Ричарду Гаммеджу. Мистер Гаммедж президент «Гаммедж интернейшнл». Вы слышали о мистере Гаммедже и «Гаммедж интернейшнл»?

— Да.

— Разумеется, слышали, поскольку «Гаммедж интернейшнл» принадлежит половина Кливленда и больше тридцати тысяч членов вашего профсоюза работают на заводах этого концерна.

— Я знаю мистера Гаммеджа.

— Конечно, знаете. Причем достаточно хорошо, чтобы обращаться к нему по имени.

— Я ко многим обращаюсь по имени.

— Естественно, Дон, и не только вы. Так вот, в этом письме вы называете мистера Гаммеджа «Дорогой Дик».

— И что?

— Я хочу зачитать один абзац. Только один. Из вашего письма Ричарду Гаммеджу, начинающегося со слов «Дорогой Дик».

— Зачитывайте.

— Но прежде я хочу упомянуть о том, что мистер Гаммедж один из ведущих участников ваших переговоров с промышленниками о заключении нового трудового соглашения. Это так?

— Да, он участвует в переговорах.

— А может, не просто участвует, а возглавляет представителей промышленников?

— Я же сказал, он участвует в переговорах.

— Но разве не он ведет переговоры? Вы — со стороны профсоюза, он — от промышленников? Можно ведь сказать и так?

— Можно.

— Попросту говоря, в конце концов вы и мистер Гаммедж решаете, какой будет зарплата членов профсоюза на срок действия очередного соглашения.

— Вы сильно все упрощаете.

— Но в чем-то я прав?

— В самой малости.

— Так вот что вы пишете в письме, начинающемся со слов «Дорогой Дик»: «Я навел справки и теперь могу гарантировать, что отказа не будет, если ты и Артур вновь предложите мою кандидатуру. У меня нет ни малейшего желания вновь ставить вас в неловкое положение. На этот раз никто не будет возражать против моего приема в клуб, а ты знаешь, сколь много это для меня значит». Это ваши слова, Дон?

— Я не помню, что писал такое письмо.

— Не помните? Так вот, третьего сентября тысяча девятьсот шестьдесят пятого года, согласно архивам «Федералист-Клуб», вы стали его членом по рекомендации мистера Ричарда Гаммеджа и мистера Артура Болтона. На общем собрании членов клуба вы получили один черный шар, и четвертого сентября секретарь клуба послал вам приглашение войти в «Федералист-Клуб». Здесь я должен добавить, что мистер Артур Болтон — главный юрист «Гаммедж интернейшнл». И еще. Впервые ваша кандидатура, согласно тем же архивам «Федералист-Клуб», была предложена девятого января теми же господами и не прошла, получив три черных шара при проходных двух. Не хотите ли высказаться по этому поводу?

— Да о чем тут говорить?

- Ну, вы представляете себе, почему в первый раз вас прокатили?
- Наверное, я кому-то не понравился. Не все же меня любят.
- Но почему вы хотели стать членом клуба, в котором вас не любят?
- Таких набралось всего трое.
- И вы попросили мистера Гаммеджа и мистера Болтона вновь предложить вашу кандидатуру?
- Да, похоже, что попросил.
- Почему их?
- Потому что они были членами клуба.
- Они ваши друзья?
- Да, полагаю, что да.
- Другими словами, вы обговаривали условия трудового соглашения, от которых зависит зарплата членов профсоюза, с вашими друзьями? Интересная ситуация, знаете ли.
- Наша дружба не имеет ни малейшего отношения к переговорам.
- Ни малейшего?
- Совершенно верно.
- Понятно. То есть, когда начнутся переговоры по вашему новому трудовому соглашению, насколько мне известно, они намечены на следующий месяц, и вы сядете за один стол с мистером Гаммеджем и мистером Болтоном, они будут для вас просто промышленниками, а не близкими друзьями, у которых вы в долгу за то, что они рискнули своей репутацией, второй раз предлагая вашу кандидатуру после того, как в первый раз вас прокатили на вороных?
- В деловых переговорах дружеские отношения только помогают.
- Вы все еще член «Федералист-Клуб», не так ли?
- Да.
- Вы никогда не думали о том, чтобы выйти из клуба?
- Нет.
- Понятно. Скажите, Дон, а какой процент черных в вашем профсоюзе?
- Понятия не имею. При приеме в профсоюз мы не интересуемся цветом кожи.
- Но черных в профсоюзе много?
- Да.
- Примерно половина?
- Не знаю. Возможно, и половина.
- А сколько черных в «Федералист-Клуб»?
- Не знаю.
- Вы видели хоть одного черного члена клуба?
- Видите ли, я там бываю редко. И не приглядывался.
- Разве клубные правила не запрещают прием в члены клуба потомков африканцев и азиатов?
- Я никогда не читал клубные правила.
- Там, между прочим, так и записано. Вы помните Остина Дэйвиза?
- Нет, не припоминаю.
- Он черный. Занимал пост заместителя секретаря министерства торговли.
- Да, теперь вспомнил. Но лично я его не знаю.
- Тогда, быть может, вы вспомните март шестьдесят шестого. Вы уже пять месяцев состояли в клубе, когда несколько его членов предложили вам поддержать

кандидатуру Остина Дэйвиза.

— Да, теперь вспомнил. Я согласился поддержать его кандидатуру. Иначе и быть не могло.

— Согласились. И стали двенадцатым из тех, кто пошел на это, так?

— Вероятно, да.

— И что произошло потом?

— Насколько я помню, кандидатуру мистера Дэйвиза забаллотировали.

— Сколько он получил черных шаров?

— Точного числа я не знаю.

— Но много, не правда ли?

— Вроде бы.

— Пятнадцать черных шаров, Дон.

— Я вам верю.

— Комитет двенадцати, предлагавший кандидатуру мистера Дэйвиза, обсуждал возможность такого исхода голосования, не так ли?

— Да, мы говорили об этом.

— И чем вы намеревались ответить?

— Ничего конкретного не предлагалось, разве что вновь выставить кандидатуру мистера Дэйвиза.

— Предполагалось, Дон.

— Я не помню.

— Вы собирались вместе выйти из клуба, в знак протеста против дискриминационных порядков, царящих в «Федералист-Клуб». Теперь припоминаете, Дон?

— Возможно, шли такие разговоры.

— Не просто разговоры, вы приняли решение выйти из клуба, если Дэйвиза забаллотируют. Было такое?

— Возможно. Раз вы говорите.

— И одиннадцать из двенадцати действительно вышли из клуба, так?

— Ну, видите ли, выбор каждый делал сам... Я хочу сказать...

— Дон?

— Да.

— Почему вы остались в клубе?

— Я решил, что этим смогу принести больше пользы, попытаюсь изменить клубные правила...

— Дон, правила изменились?

— Нет, пока еще нет.

— И вы по-прежнему член клуба?

— Да.

— Вы по-прежнему состоите в клубе, члены которого сплошь белые политики и крупные бизнесмены, которые отказываются допустить в свой клуб черных. Правильно я вас понял?

— Да, но...

— Это все, Дон. Рекламная пауза.

В комнате для гостей Оскар Имбер и Чарлз Гуэйн в ужасе смотрели на экран.

— Слава богу, трансляция идет не на всю страну, — раз за разом повторял Гуэйн. — По крайней мере, не на всю страну.

Смотрел телевизор и Фред Мур. И не понимал печали Имбера и Гуэйна.

— Чего вы стонете? Мне кажется, старина Дон смотрится с экрана ничуть не хуже, чем раньше.

Глава 10

Каббину не пришлось спрашивать Чарлза Гуэйна или Оскара Имбера, понравилось им его интервью или нет. Ответ читался на их лицах. А вот Фред Мур сиял, как медный таз.

— Вы отлично смотрелись, Дон.

— Лучше дай мне что-нибудь выпить, дурачок.

— Разумеется, Дон, — и Мур протянул Каббину открытую бутылку «Выдержанного».

Каббин глотнул бербона, но бутылку не отдал.

— Поехали отсюда, — рявкнул он.

Мур вел машину. Каббин сидел рядом с ним, изредка прикладываясь к бутылке, стараясь забыть то, что произошло перед камерами.

Пять минут спустя молчание нарушил Гуэйн.

— Слава богу, эта передача не транслировалась на всю страну.

— Ты повторяешь это уже в пятнадцатый раз, — буркнул Имбер.

— Напрасно я поддался на ваши уговоры. Вы втянули меня в эту историю, — Каббину очень хотелось перевалить вину за случившееся на кого-то еще. — Я не хотел участвовать в этой чертовой передаче. Этот тип — отъявленный мерзавец. Все об этом знают. Все.

Гуэйн хотел было напомнить Каббину, кто предложил поучаствовать в «Ночи с Джеком», но решил, что пользы от этого не будет, а вот вреда прибавится. Идея-то принадлежала Каббину. «Я знаю, как сладить с Джеком, — говорил он. — Не всем удастся набирать очки в его передаче, но мне это вполне по силам. Надо немного сбить ему дыхание, а потом все пойдет как по маслу».

Но Гуэйн не мог найти новых слов утешения, а потому ограничился своей коронной фразой.

— Слава богу, эта передача не транслировалась на всю страну.

— Да что ты долдонил одно и то же! — взвился Имбер. — Лучше скажи ему, что он натворил. Каким выглядел идиотом!

Каббин повернулся, посмотрел на Гуэйна. В его синих глазах стояла мольба. «Да он сейчас расплачется», — подумал Гуэйн.

— Все так плохо? — спросил Каббин, надеясь, что Гуэйн будет утверждать обратное.

— Плохо, — Гуэйн смотрел в окно. — Я знаю, как бы я использовал эту передачу.

— Как? — не унимался Имбер. — Скажи нашему боссу, как бы ты использовал эту передачу.

— Я бы рассказал о ней черным. С черными вам можно подставить подножку. Белым наплевать, ушли вы или нет из клуба, куда не допускают ниггеров. Я даже думаю, что многие белые одобряют ваш поступок. Не думаю, что все они так уж любят черных. А вот черным это не понравится. В этом я уверен.

— Сэмми Хэнкс завтра же разошлет запись передачи во все местные отделения, — добавил Имбер. — И это только начало. На вашем промахе он и построит свою

предвыборную кампанию. Скажет черным, что вы готовы продать их ради членства в клубе для избранных. А белым заявит, что вы водите дружбу с бизнесменами, и может ли тот, кто якшается с бизнесменами, понимать нужды простого рабочего. О Господи, Дон, да вы сами преподнесли ему план предвыборной кампании. На серебряном блюдечке.

— Клубный профсоюз, — пробормотал Гуэйн.

— Что? — Каббин в очередной раз приложился к бутылке.

— Клубный профсоюз. Так бы я это назвал, — как истинный профессионал, Гуэйн похвалил себя за хорошую идею, хотя она рубила под корень надежды его клиента. — Я бы разбился в лепешку, но нашел ваши фотографии с клюшкой для гольфа. «КАКОЕ ТРУДОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ МОЖЕТ ПОДПИСАТЬ ЗА ВАС ЭТОТ ЧЕЛОВЕК НА СЕМНАДЦАТОЙ ЛУНКЕ?»»

— Недурственно, — кивнул Имбер.

— Это городской клуб, — возразил Каббин.

— Неважно, — отрезал Гуэйн. — Раньше Сэмми ничем не мог подтвердить свое заявление о том, что вы потеряли связь с низовыми организациями. Теперь вы сами снабдили его ворохом доказательств.

Спиртное начало оказывать свое действие. Каббин побагровел.

— Знаете, парни, вы работаете на меня, а не на Сэмми Хэнкса. И не надо сыпать идеями, с помощью которых он раздолбает меня. Лучше поищите другие, которые мы могли бы использовать. Я плачу вам именно за это, и меня тошнит от разговоров о том, как вы организовали бы предвыборную кампанию Сэмми Хэнкса.

— Я лишь пытался предвосхитить его действия.

— Так почему бы теперь, для разнообразия, вам не попытаться предвосхитить мои действия?

— Потому что вы защищаетесь, Дон. Вы при должности, и Хэнкс должен атаковать, чтобы сесть на ваше место. Зная, где он будет атаковать, можно не только подготовиться к защите, но и перейти в контратаку.

— Вы говорите, словно какой-то генерал.

— Генералом у нас вы, Дон. Я максимум тяну на подполковника.

— Хорошо, полковник, вот и придумайте, как заставить Сэмми... э... протрубить сигнал к отступлению.

— Я постараюсь.

Каббин допил бербон и бросил бутылку на пол.

— Давай другую, — бросил он Фреду Муру.

— Больше нет, Дон.

— Кончай молоть языком и давай сюда бутылку. Я еще могу считать.

Мур тяжело вздохнул и протянул Каббину последнюю из четырех полпинтовых бутылок. Имбер и Гуэйн мрачно наблюдали, как Каббин отворачивает пробку, подносит бутылку ко рту, пьет.

— Есть за вами что-нибудь еще? — спросил Имбер.

— Ты о чем?

— О ваших грешках.

— Вот что я тебе скажу, парень, — в голосе Каббина послышались грозные нотки. — Я президент этого паршивого профсоюза и советую тебе, если ты хочешь сохранить свою работу, позаботиться о том, чтобы я президентом и остался. Если же я проиграю, тебя вышибут в два счета.

— Я только об этом и забочусь, президент Каббин, сэр, — с издевкой ответил Имбер. — Вот меня и заботит, а не ждет нас еще какой-нибудь сюрприз, вроде того, что вы преподнесли нам этим вечером. Потому-то я и спросил о ваших грешках. Что еще может свалиться на нас?

Глаза Каббина метали молнии.

— Куда ты клонишь, Оскар? Уж не хочешь ли ты сказать, что я какой-нибудь извращенец или «голубой»?

— Не знаю я, куда клоню, Дон. Давай забудем об этом. Уже поздно.

Каббин отвернулся от них, с очередным глотком бербона кровь отлила от его лица.

— Так вот, у меня все в порядке, ничего дурного за мной нет. Я, конечно, допускал какие-то ошибки, но человека нельзя при всех выворачивать наизнанку только для того, чтобы понять, может ли он быть президентом какого-то говняного профсоюза. Господи, и чего я в свое время не поехал в Калифорнию. Ведь предлагали ли же!

— Вы стали бы блестящим актером, Дон, — произнося эти слова, Фред Мур нажал на педаль тормоза, остановив машину у парадного входа в «Шератон-Блэкстоун».

— А тебя кто спрашивает? — огрызнулся Каббин.

— На этот счет у меня есть собственное мнение. Я уверен, что вы стали бы отличным актером.

— А чего ты тут расселся? — прорычал Каббин. — Почему бы тебе не пойти в отель и не вызвать лифт?

— Разумеется, Дон, — кивнул Мур. — Уже иду.

Мур ушел, а Каббин остался сидеть. Вновь отпил из бутылки, посмотрел на мужчин на заднем сиденье. Подмигнул им. К нему вернулось хорошее настроение.

— Не знаю, что бы я делал, если бы не мог шпынять этого болвана, — и отвернулся, не ожидая ответа.

К тому времени, как лифт поднялся на двенадцатый этаж, Каббин добил последнюю из четырех полпинтовых бутылок «Выдержанного». Считая пару бокалов канадского виски, за день он выпил больше двух пинт спиртного.

Однако все еще держался на ногах, мог говорить и даже потребовал виски, войдя в гостиную.

— Пойдемте, Дон, — Мур попытался увести его в спальню. — Вы наденете пижаму, а Сэйди в это время нальет вам виски.

Каббин повернулся к жене.

— Ты сердишься на меня, дорогая? Эти парни, — он указал на Оскара Имбера и Чарлза Гуэйна, — злые, как черти.

— Я не сержусь на тебя, милый, — Сэйди подошла к нему, обняла.

Через плечо жены Каббин посмотрел на Имбера и Гуэйна.

— Завтра я жду вас в восемь утра. У нас много дел. Ровно в восемь. Вместе и позавтракаем.

— Конечно, Дон, — ответил Имбер, подумав: «Как же, продерешь ты глаза раньше десяти». Он посмотрел на Фреда Мура, изогнул бровь, и Мур кивнул. — А может, мы дадим вам выспаться, Дон?

— В восемь часов, — повторил Каббин. — Мы вместе позавтракаем.

— Хорошо, Дон.

После ухода Имбера и Гуэйна Мур снова обратился к Каббину:

— Переоденьтесь в пижаму, Дон, а потом мы все выпьем.

Каббин смотрел на жену.

— Ты все видела?

Сэйди кивнула и улыбнулась.

— Видела.

— Я напортачил, не так ли?

— Переодевайся, а потом мы выпьем и поговорим об этом.

— Пойдемте, Дон, — позвал Каббина Мур.

Каббин медленно повернулся и направился к Фреду. Его сильно качало. Однако, когда Фред Мур протянул руку, чтобы поддержать его, Каббин отмахнулся.

— Я сам.

— Конечно, Дон.

Из спальни он вернулся несколько минут спустя, в алом шелковом халате, светло-синей пижаме и черных шлепанцах. Шагал он куда более уверенно. Как догадалась Сэйди, после очередного глотка спиртного. Она протянула ему полный стакан: три унции виски, две — воды, три кубика льда. По ее расчетам, он должен был отключиться, не выпив и половины.

Каббин взял бокал, жадно отпил.

— Хорошо-то как, — огляделся, выбирая, куда бы сесть. Плюхнулся в глубокое кресло.

— Ты смотрела эту дерьмовую программу? — спросил он жену, которая как раз передавала Фреду Муру бокал, в котором виски было поменьше, зато воды побольше.

— Видела.

— И что ты можешь сказать?

— Ты смотрелся великолепно, дорогой, он вот задавал тебе ненужные вопросы.

— Он просто мерзавец. Знаешь ли, я оказал ему немало услуг. Он не имел права... — его прервал стук в дверь. — Который час?

— Начало третьего, Дон.

— Кто же это стучится в мою дверь в третьем часу ночи?

Он попытался встать, но Сэйди остановила его.

— Я открою.

Подошла к двери, приоткрыла, затем распахнула во всю ширь.

На пороге, с черным кожаным чемоданом в левой руке, стоял высокий мужчина лет двадцати шести или семи, загорелый, словно спасатель в Майами, с грустными светло-синими глазами и белозубой улыбкой.

— Мамочка? — воскликнул мужчина, поставил чемодан на пол, обнял Сэйди и сочно чмокнул ее в губы. Повернулся к широко улыбающемуся Каббину. — Дорогой папуля, как поживаешь? Я вижу, уже принял дозу?

Каббин снова отпил из стакана. Улыбка не сходила с его лица. Красивый, однако, парень, подумал он.

— Уже третий час ночи. Каким ветром тебя сюда занесло?

Мур подошел к мужчине, протянул руку.

— О Боже, Келли, как я рад тебя видеть. Позволь мне налить тебе чего-нибудь.

Келли Каббин, единственный сын Дона, пожал Фреду руку.

— Скажи, где бутылка, а налью я сам.

— Никогда. Что ты будешь пить, шотландское?

— Если оно у тебя есть.

— Разумеется, есть, — и Мур поспешил в спальню, где держали бутылки и стаканы, дабы они не мозолили глаза гостям. Идея принадлежала Муру.

— Мало ли что они подумают, увидев бутылки, — объяснил он Каббину свои резоны.

— Ну, говори, — Каббин посмотрел на сына. Язык у него уже заплетался.

— О чем говорить, чиф?

— Твое место в Вашингтоне. Вроде бы ты там работаешь. Какого черта ты здесь? Я не приглашал тебя в Чикаго.

— Ты не обрадовался, увидев меня? Господи, а я-то думал, что знаю своего отца.

— Разумеется, я тебе рад, Келли. Ты отлично знаешь, как я рад тебя видеть. Но, ты работаешь в Вашингтоне и...

Келли повернулся спиной к отцу и посмотрел на Сэйди. Вопросительно приподнял бровь, его мачеха чуть кивнула. Келли вновь посмотрел на отца.

— Дорогой папуля, пей и не задавай вопросов. Все равно завтра мне придется повторять то, что я скажу тебе сегодня.

— Что ты несешь?

— Я о том, что ты крепко набрался и завтра ни о чем не вспомнишь, — он посмотрел на Сэйди. — Найдется мне местечко?

— Конечно, дорогой. Устраивайся в комнате Е. Она последняя по коридору.

— Чего это с ним? — Келли коротко глянул на отца.

Она пожала плечами.

— Полагаю, предвыборная кампания. Три или четыре дня он выдерживает, а потом срывается. Прячется в бутылке.

— Вы не имеете права говорить обо мне так, словно меня здесь и нет, только потому, что я пропустил пару стаканчиков, — он начал подниматься.

Келли быстро подошел к нему и усадил в кресло.

— Расслабься, чиф, все в порядке.

Каббин вновь попытался встать, но Келли так же мягко придержал его. Каббин более не сопротивлялся.

— Я не понимаю, — прошептал он.

В комнату вернулся Фред Мур, протянул Келли полный стакан.

— Благодарю, Фред, — улыбнулся Келли, с грустью посмотрел на отца. Не следовало ему участвовать в этой кампании. Ушел бы на пенсию, предоставив другим бороться за президентское кресло. Он же не хочет быть президентом, это дело ему наскучило. И, похоже, давно.

— Вы хорошо выглядите, сэр.

Каббин вскинул на него глаза, затем застенчиво потупился.

— Наверное, сегодня я выпил лишнего.

— Такое случается.

— А что случилось с тобой?

— Меня отправили в административный отпуск. После душещипательной беседы.

— На предмет чего?

— Моего отношения.

— Какого еще отношения?

— Отношения к работе. Они рассчитывали на иное.

Каббин всмотрелся в сына, его загорелое лицо.

— Тебя вышибли, не так ли?

— Похоже на то.

— Почему, Келли?

Тот пожал плечами.

— Ладно, завтра я все улажу. Один телефонный звонок, и все образуется.

— У меня такой уверенности нет.

— Ты хочешь вернуться на ту же работу? — спросил Каббин сына. — Я это организую.

— Мне кажется, Келли не хочет возвращаться туда, — вмешалась Сэйди.

— Ты не хочешь возвращаться? — сонно спросил Каббин, слова с трудом сползали с его языка.

— Не хочу.

— Почему ты не хочешь возвращаться? — и тут голова Каббина упала, подбородок уперся в грудь.

Фред Мур тут же подскочил к нему, подхватил полупустой стакан, уже выпадающий из пальцев Каббина.

Келли Каббин несколько секунд смотрел на отца, допил виски, повернулся к Сэйди.

— Нужна моя помощь?

— Нет, он сам дойдет до спальни, — заверил его Мур.

— Тогда я поговорю с ним утром.

— Дай Келли ключ от комнаты Е, — распорядилась Сэйди.

Мур выудил из кармана связку ключей, отцепил один, протянул Келли.

— Благодарю, — Келли посмотрел на Сэйди. — Каковы его шансы?

Она вздохнула.

— Не знаю. Не слишком хорошие.

— То есть он может выиграть?

Она кивнула.

— К сожалению, может.

— Что ты такое говоришь, Сэйди, — подал голос Мур. — Дон обязательно выиграет, и все образуется.

Келли и его мачеха переглянулись, затем Келли улыбнулся Муру.

— Разумеется, выиграет, Фред. Утром увидимся. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — в унисон ответили Мур и Сэйди.

Едва Келли закрыл за собой дверь, Мур наклонился к уху Каббина.

— Мистер Каббин, президент готов вас принять, — проревел он.

Каббин подпрыгнул.

— Что... что... где?

— Сюда, мистер Каббин, — проорал Мур.

Каббин легко поднялся, повернулся и, направляемый Муром, двинулся к двери спальни. Решительным шагом, даже не покачиваясь. Мур подвел его к кровати.

— Ваше пальто, мистер Каббин!

Каббин позволил Муру снять с него халат.

— Сюда, мистер Каббин! — Мур по-прежнему орал во весь голос, помогая Каббину сесть на двуспальную кровать. Глаза Каббина закрылись, и он не протестовал, когда Мур закинул его ноги на простыню. Стоя у двери, Сэйди смотрела, как Мур укрывает ее мужа.

— Лучше поверни его на бок, Фред, — она сняла халатик. — Он иногда заходится в кашле, если лежит на спине.

Мур повернул Каббина на левый бок, лицом к стене. Затем начал развязывать

галстук.

— Все в порядке, мистер Каббин? — спросил он нормальным голосом.

Каббин только вздохнул в ответ.

Мур повернулся к другой двуспальной кровати. Сэйди уже лежала под одеялом.

— Скорее, дорогой, — улыбнулась она.

Мур быстренько разделся и юркнул в ее постель. Когда его руки коснулись тела Сэйди, она подумала, как, впрочем, и всегда, что для любовника он не слишком искусен. Зато энергии у него с избытком. А потом мысли уступили место ощущениям.

Глава 11

На следующее утро, в пятницу, они дали Дональду Каббину проспать. И пока Каббин спал, его враги и друзья работали не покладая рук, готовя его победу или поражение.

В Чикаго, на десятом этаже отеля «Шератон-Блэкстоун», в номере десять-тридцать семь, Чарлз Гуэйн, специалист по работе с общественностью, сидел за письменным столом и смотрел на чистый лист бумаги, вставленный в портативную пишущую машинку «Леттера-32». На лист этот он смотрел уже целый час, по ходу выпив четыре чашки кофе. Первые пятнадцать минут он составлял письмо об отставке. Последние сорок пять — обдумывал основные элементы предвыборной кампании Дональда Каббина. А потом, записав на бумажке несколько цифр, он начал печатать служебную записку:

«ОТ: ГУЭЙНА
КОМУ: КАББИНУ
НА ТЕМУ: КАК ВЫИГРАТЬ ВЫБОРЫ, ПОТРАТИВ ПО 1,01
ДОЛЛАРА НА КАЖДОГО ЧЛЕНА ПРОФСОЮЗА ИЛИ ОДИН
МИЛЛИОН ДОЛЛАРОВ».

С меньшей суммой Гуэйн за работу не брался. А имея миллион, полагал он, что-то да можно сделать. Если же нет, Каббину придется прибавить к своему титулу приставку экс.

В номере 942 того же отеля Оскар Имбер говорил по телефону с Филадельфией. Его собеседник утверждал, что продает больше всех «фордов» в Пенсильвании. Профсоюз Каббина уже взял в лизинг у этого торговца чуть ли не сотню «форд галакси», возвращая их после пробега в пять тысяч миль. Торговцу эта договоренность приносила немалую прибыль, и Оскар Имбер звонил ему с тем, чтобы дать понять, что поражение Каббина поставит на прежнем соглашении крест, так что неплохо бы и помочь президенту остаться на прежнем месте.

— Конечно, Оскар, я ничего не понимаю в профсоюзных делах, но Дона считаю своим другом и хочу ему помочь.

— Ты можешь помочь ему пятью тысячами баксов.

— О Боже!

— Вчера я говорил с Доном об этом лизинговом контракте. Он заключается каждый год, так?

— Да, каждый год.

— Мы с Доном подумали, что целесообразно перейти к заключению пятилетних

контрактов. Но такое возможно лишь после выборов.

— Понятно. Пятилетний контракт очень меня устроит. Что я должен делать? Послать чек?

— Мы хотели бы получить наличные, Сэм. Я подошлю к тебе кого-нибудь за деньгами. Если не возражаешь, завтра утром.

— Хорошо. А ты не хочешь прислать мне письмо насчет пятилетнего контракта?

— Нет, пока не хочу, Сэм.

— А расписку я хоть получу?

— Конечно. Расписку ты получишь.

Положив трубку, Оскар Имбер добавил пять тысяч к столбцу цифр. За утро он насобирал на предвыборную кампанию девятнадцать тысяч долларов, потому что звонил мелкой рыбешке. Они могли пожертвовать деньги на избирательную кампанию Дональда Каббина, потому что профсоюз был для них крупным заказчиком и остался бы таковым в случае переизбрания Каббина, но на большие суммы рассчитывать не приходилось. К денежным акулам, имеющим дело с активами профсоюза, он обращался раньше и получил от них немалые пожертвования, но всякий раз у него возникало ощущение, что Сэмми Хэнкс побывал здесь до него, напирая на то, что именно он секретарь-казначей профсоюза. И акулы, чувствовал Имбер, давали деньги обоим кандидатам, причем Хэнксу больше, чем Каббину. Запах поражения они улавливали не хуже запаха денег.

Имбер вздохнул и набрал вашингтонский номер, на этот раз президента фирмы, продающей офисную мебель. Он рассчитывал получить две тысячи долларов. Скорее одну. Столь большую сумму выжать из президента еще не удавалось никому.

В то же утро, в Вашингтоне, в собственном двухэтажном кирпичном доме в Кливленд-Парк, в трех кварталах от Коннектикут-авеню, Сэмми Хэнкс слушал по телефону вопросы и ответы, которыми обменивались Джейкоб Джоббинс и Дональд Каббин по ходу передачи «Ночь с Джеком».

— Он так сказал? — время от времени вырывалось у Сэмми, и его лицо озаряла счастливая улыбка.

Его пятилетняя дочь, Мэрилин, вошла в гостиную и остановилась у двери, глядя на отца.

— Иди сюда, малышка, — позвал ее Хэнкс.

Девочка подбежала к нему, взобралась на колени, обняла за шею.

— Нет, я говорю не с тобой, Джонни, я говорю с моей дочерью. Продолжай. Ты остановился на том месте, где Каббин сказал, что не ушел из клуба, потому что хотел изменить ихние правила. Да. Вот здесь.

Хэнкс продолжал слушать, одновременно строя дочери гримасы. Мэрилин смеялась, повизгивала, а иногда даже закрывала глаза руками. Мэрилин не считала своего отца страшилой.

— Это же идеальный вариант! — воскликнул Хэнкс, когда его собеседник на другом конце провода закончил чтение. — С тем же успехом Дон мог бы просто прыгнуть в пропасть. Ты говоришь, что распечатка уже в работе?

Он послушал, вновь скорчил гримасу дочери.

— Ладно, я хочу, чтобы в каждое отделение ее доставили с курьером. Я знаю, что быстрее не будет, но в отделениях поймут, что сообщение важное. Это понятно?.. Отлично. Далее, я хочу, чтобы ты или кто-то еще из Чикаго написал сопроводительное письмо. Обставим все так, будто инициатива исходит не от меня... Плевать я хотел на

стиль. Главное, чтобы ударить побольнее. Надо с грустью и обидой написать о том, что Каббин не помогает черным, потому что водит компанию с богатеями. Это ясно, не так ли?.. Спасибо, что позвонил, Джонни... Да, я тебе перезвоню.

Хэнкс положил трубку и опять скорчил дочери гримасу.

— Какой ты забавный, папочка, — хихикнула Мэрилин.

— Разве ты этого не знала, детка? Я самый забавный человек в мире.

В девять часов утра по кливлендскому времени Ричард Гаммедж уже сидел за столом в своем кабинете на двадцать седьмом этаже Гаммедж-Билдинг, из которого открывался панорамный вид на озеро Эри и центральную часть Кливленда. И Гаммедж иной раз задавался вопросом, что печальнее — умирающий город или умирающее озеро.

Он был третьим Ричардом Гаммеджем, возглавлявшим компанию, и, бывало, приходил к мысли, что главным его достижением является переименование компании: с «Гаммедж мануфакторинг компани» в «Гаммедж интернейшнл».

«Гаммедж интернейшнл» производила как промышленное оборудование, так и бытовую технику. К делам компании Ричард Гаммедж не питал особого интереса. Он полагал, что его продукция не хуже и не лучше, чем у конкурентов, и срок ее службы ничуть не больше. Так что обычно его несколько удивляли те высокие оценки, что получала бытовая техника компании в рейтинге журнала «Голос потребителя».

Впервые Гаммедж познакомился с Дональдом Каббином на заседании одного из комитетов, которые постоянно формирует вашингтонская администрация. Каббин представлял труд, а Гаммедж, соответственно, капитал. Они быстро нашли общий язык, возможно, потому, что оба слабо представляли себе предназначение их комитета, поскольку его рекомендации никем не принимались во внимание.

Несколько раз они встретились в Вашингтоне за ленчем. Каббин умел поддерживать беседу и мог много чего рассказать о профсоюзах и их лидерах, да и мир театра и кино не был ему чужд. Гаммедж пытался вспомнить, говорили они о соглашении между его компанией и профсоюзом или нет, и пришел к выводу, что эта тема не затрагивалась. Вероятно, потому, что она не особо их волновала. Да и оба находили скучными разговоры о работе.

И вот после одного из таких ленчей, когда Каббин в своих байках превзошел самого себя, Гаммедж решил, что должен что-то сделать для своего нового друга. Импульсивная щедрость была для него в диковинку и грела душу. Вот он и спросил Каббина, а не хочет ли тот стать членом «Федералист-Клуб». Каббин вроде бы отшутился, и тогда он, Гаммедж, сказал, что внесет его фамилию в список кандидатов. Так он и сделал, неделей или двумя позже, и был неприятно удивлен и даже унижен, когда Каббина прокатили. Еще более удивило его письмо Каббина, это ужасное, заискивающее письмо, которое не вызвало у Гаммеджа ничего, кроме отвращения. С неохотой он вновь включил Каббина в список кандидатов, а после того, как Каббина приняли, старался не появляться в «Федералист-Клуб».

— Такая вот история, — закончил мужчина, сидящий перед столом Гаммеджа.

— Письмо Каббина в нашем архиве? — спросил Гаммедж.

— Да.

— Как оно попало к Джоббинсу?

— Не знаю. Наверное, копия хранится в архиве Каббина.

— Понятно.

Напротив Гаммеджа сидел Нелсон Хардисти, директор по связям с общественностью. Гаммедж смотрел на него и думал: неужели Хардисти полагает, что пришел к нему по действительно важному делу?

— Так что же нам делать? — спросил он Хардисти.

— Все будет зависеть от того, как отреагирует пресса.

— А она, по-вашему, отреагирует?

— Это очень интересный материал.

— Не представляю себе, кого он может заинтересовать.

— Политика. Профсоюзная политика.

— И вы думаете, что я должен подготовить заявление?

— Потому-то я и позвонил вам сегодня утром...

— В семь часов.

— Я думал, это важно, мистер Гаммедж.

— В этом у меня сомнений нет.

— Если хотите, я набросаю черновик.

— Нет, я смогу надиктовать его сам.

— Да, но лучше бы побыстрее.

— Я продиктую его вам прямо сейчас.

— Но я могу что-то не запомнить, исказить.

— Заявление будет состоять из двух слов. «Никаких комментариев». Вы сможете это запомнить?

Хардисти густо покраснел.

— Да, смогу.

— И вот что еще.

— Слушаю.

— Завтра, к пяти вечера, на моем столе должна лежать служебная записка с перечнем веских причин, по которым мы должны расформировать отдел по связям с общественностью.

— Вы серьезно?

— Да. Абсолютно серьезно.

— Вы же не думаете, что это я...

— К пяти часам, Хардисти.

— Я уволен?

— Это будет зависеть от того, как вы справитесь с моим поручением.

— Но...

— На сегодня все, Хардисти.

После его ухода Гаммедж развернул кресло и долго смотрел на умирающее озеро. «Почему я это сделал? — спросил он себя. — Наверное, потому, что мне это понравилось».

* * *

Тем же утром, в пятницу, четыре человека, сделавших ставку на победу или проигрыш Каббина, волей случая встретились в Национальном аэропорту Вашингтона и благодаря тому же случаю полетели в Чикаго одним рейсом компании «Юнайтед эйр лайнс». Трое белых и один черный. Белые: Уолтер Пенри, Питер Мэджари и Тед Лоусон. Черный — Марвин Хармс. Белые хотели, чтобы Дональд Каббин остался

президентом профсоюза, черный жаждал его поражения, но всех их мало заботило, какими средствами будет достигнута победа. Хармс, правда, еще не придумал, как подтасовать результаты выборов.

Однако, полагал Хармс, подтасовка результатов голосования ни в коей мере не отличалась от любого другого воровства. А потому все следовало обставить так, чтобы тебя не поймали. В Чикаго результаты выборов подтасовывали неоднократно, и Хармс уже позвонил человеку, который набил руку в этом деле. Ему предложили прийти в три часа дня. Индиго Бун мог принять его только в это время.

Только один из трех белых узнал Марвина Хармса. Питер Мэджари, как всегда, в шинели до пят, слонялся по аэропорту в надежде заметить кого-то из знакомых ему людей. Мэджари проделывал это в каждом аэропорту, стремясь познакомиться то ли с союзниками, то ли с противниками. Тем самым он постоянно держал себя в тонусе. О Марвине Хармсе он и так знал достаточно много (к примеру, Хармс неплохо играл в покер), так что общение с ним Мэджари считал лишним.

Не вызывало удивления и то обстоятельство, что Марвин летит в Чикаго. Как-никак, он курировал этот регион. Однако, подумал Мэджари, небезынтересно узнать, что подделывал Хармс в Вашингтоне.

* * *

В гостиной номера отеля, из окон которого открывался вид на Лафайет-Парк и далее на Белый дом, Койн Кенсингтон наслаждался, как он сказал своему гостю, «стародавним канзасским фермерским завтраком». Состоял завтрак из бифштекса, яичницы и картофеля: бифштекса толщиной в три дюйма, залитого грибным соусом, яичницы на четыре яйца и картофеля, тушенного в сливках и сливочном масле. Гренук, правда, был обычным. Заказал Кенсингтон и кварту кофе. Именно кофе он и предложил гостю, здраво рассудив, что тот откушал до выхода из дома.

Посетил Кенсингтона мужчина тридцати одного года от роду, одетый в строгий костюм, один из шести, купленных им в магазине «Артур Адлер», с высоким бледным лбом, темными волнистыми волосами, пожалуй, чуть более длинными, чем допускала его должность, острым носом с розовым кончиком, маленьким ротиком и костлявым подбородком. Темные глаза не выдавали чувств, и лишь иногда в них отражалось пренебрежение к тем, кто слишком медленно шевелил мозгами. К последним он отнес и старика Кенсингтона, допустив тем самым серьезную ошибку. Звали тридцатиоднолетнего мужчину Алфред Этридж, и редко кто обращался к нему Ал. Во-первых, он этого не любил, а во-вторых, работал он в Белом доме, где фамильярность не жаловали. Старик Кенсингтон, не признающий заведенный в Белом доме порядок, последние десять минут называл его не иначе как Ал.

— Так вы не хотите кофе, Ал? — во второй или третий раз спросил Кенсингтон.

— Нет, благодарю вас, сэр, — «сэром» он называл всякого мужчину старше тридцати пяти лет и стоящего на более высокой ступеньке выстроенной им иерархической лестницы.

— Я не знал, что вас так заботит переизбрание Дона Каббина, — Кенсингтон отправил в рот кусок бифштекса.

— Я думал, при вашей последней встрече с нами вам дали ясно понять, сколь это важно.

— Жаль, что вы не жаждете его поражения.

— Почему?

— Меньше забот, вот почему. Для этого нужно только одно: чтобы президент поддержал его. Уж тогда Каббин проиграл бы наверняка, — и Кенсингтон рассмеялся, довольный отпущенной шпилькой.

— ПРЕЗИДЕНТ, — Этридж сделал упор на слово, которое обычно открывало ему все двери, — лично поручил мне выяснить, как вы оцениваете сложившуюся ситуацию.

— То есть он пригласил вас в свой кабинет и поручил вам пообщаться со мной?

— Я говорил с ним по телефону, — лгал Этридж виртуозно.

— И его интересует мое мнение?

— Да, сэр, интересуется.

— Черт, да он, выходит, большой дурак, чем я думал.

— Будем считать, что я этого не слышал, — голос Этриджа дрогнул.

— Мне без разницы. Кофе хотите?

— Я хочу знать вашу оценку шансов Дональда Каббина. Ничего более.

— Ладно. Они невелики.

— Почему?

— Во-первых, он пьет. Во-вторых, сильно облажался прошлой ночью в телепередаче. Вы слышали об этом?

— Нет, сэр.

— Еще услышите. Скажем так, он снабдил Сэмми Хэнкса тяжелой артиллерией, а уж он-то сумеет этим воспользоваться.

— Но ваше собственное мнение...

— Мнение? — в голосе Кенсингтона зазвучало изумление.

— На встрече, что состоялась на прошлой неделе, вы заверили...

— Я никого ни в чем не заверял, сынок. Меня ничего не просили делать. Я лишь упомянул, что могу навести справки и узнать, нет ли у кого желания помочь Каббину сохранить за собой пост президента профсоюза. Справки я навел.

— Я вижу.

— Ничего-то вы не видите.

— Тогда, может, вы объясните, что я должен видеть.

— Я думаю, Ал, вам лучше не знать того, что я сделал.

— А может, вы предоставите судить об этом мне, сэр.

— Вам?

— Да, сэр. Мне.

— Хм-м, — вырвалось у Кенсингтона.

— Могу я сказать президенту, что вы отказались сообщить мне вашу оценку...

— Не старайтесь убедить меня, что вы крупная шишка, Эл. И ваши частые ссылки на президента меня не впечатляют. Я-то пытаюсь донести до вас следующее: я скажу вам, что я сделал, вы скажете президенту, потом какой-нибудь умник-журналист спросит его, а известно ли ему, что я сделал, президент солжет и ответит, что нет, неизвестно, потом они разнохают, что он все знал, и в итоге президент окажется в неловком положении. А я уверен, что вы не хотите своими действиями поставить в неловкое положение президента Соединенных Штатов Америки?

— Я все-таки думаю, что сумею разобраться, доводить до президента полученную от вас информацию, мистер Кенсингтон, или нет.

— Сумеете, значит?

— Да, сэр, сумею.

— Потому что вы служите в Белом доме?

— Да, сэр, я думаю, это входит в мои обязанности.

— Хорошо, сынок. Предположим, только предположим, я скажу вам, что собрал дюжину высших чиновников компаний, с которыми у профсоюза Каббина заключено трудовое соглашение, срок действия которого истекает в следующем месяце. Эти чиновники не хотят забастовки, но и не хотят в ближайшие три года платить за ту же работу на тридцать с лишним процентов больше, не считая различных дополнительных выплат. Вы следуете за ходом моей мысли?

— Да, сэр.

— Тогда, допустим, я говорю вам, что, не желая забастовки и стремясь ограничить повышение зарплаты тридцатью процентами, они решили скинуться в предвыборный фонд Дона Каббина, пожертвовать семьсот пятьдесят тысяч долларов, которые гарантируют перевыборы Дональда Каббина. Тогда забастовки не будет, а прибавка к зарплате не превысит тридцати процентов. Вы адвокат, не так ли, Ал?

— Да, сэр.

— Значит, мне нет нужды...

— Спрашивать, не нарушен ли закон?

— Вы бы прежде всего заглянули в закон?

— Да, сэр.

— Давайте поставим вопрос иначе. Вы думаете, это этично, или вам снова надо куда-то заглядывать?

— Нет, сэр, я думаю, это неэтично.

— Что ж, позвольте продолжить. Я хочу сказать вам, как я потратил бы эти семьсот пятьдесят тысяч долларов, которые вроде бы получил.

— Вы?

— Совершенно верно, Ал. Я. И никто больше. Допустим, эти чиновники дали мне деньги. И более им до них нет никакого дела. Я могу просто положить их в карман, они не зададут никаких вопросов.

— Я понимаю.

— Держу пари, понимаете. Так вот, допустим, я нанял самых способных и беспринципных специалистов и сказал им, сто тысяч долларов ваши, а шестьсот пятьдесят тысяч вы должны потратить на то, чтобы Каббин остался президентом. А как вы будете их тратить и на что, мне без разницы. Допустим, я нанял этих ребят, я даже могу сообщить вам название этой фирмы, раз уж вы хотите знать все. Если бы я этого не сделал, за Каббина проголосовали бы четверо из каждых десяти членов профсоюза. Теперь его шансы оцениваются пятьдесят на пятьдесят. Вот вам мое мнение и отчет о моих действиях, Ал, а теперь позвольте спросить, как вы поступите с полученной информацией?

Эттридж мигнул, лихорадочно просчитывая варианты.

— Ну, я...

Кенсингтон решил дать ему еще немного времени.

— О, да, я же не сообщил вам название фирмы, которую я мог бы привлечь к этому делу. «Уолтер Пенри и помощники, инкорпорейтед». Чувствую, вы знаете, о ком идет речь, вы даже можете сказать, что они работают под «крышей» Белого дома.

Он же загнал меня в угол, подумал Эттридж. Если я скажу им то, что услышал от него, они размажут меня по стенке за мой длинный язык. Они не желают, чтобы им

говорили то, что они могут и не знать. А если я ничего не скажу, а потом случится что-то неожиданное для них, к чему они не успеют подготовиться, они потребуют от меня ответа, а почему я ничего им не сказал? Так что в любом случае я окажусь крайним. Пора выметаться отсюда, решил Этридж. Этот толстый старик куда умнее меня, мне тут делать нечего.

Этридж встал.

— Позвольте поблагодарить вас, мистер Кенсингтон, за то, что смогли выкроить для меня несколько минут.

— Так что вы им скажете, сынок? — старик чуть улыбнулся.

— Я напишу отчет.

— О чем?

— Я должен рассмотреть...

— Вы окажетесь крайним, что бы вы им ни сказали. Это ясно?

— Да, сэр.

Кенсингтон кивнул.

— Это хорошо. То есть хорошо, что вы это понимаете. Но одно мне в вас понравилось, Ал.

Этридж уже пятился к двери.

— Что именно?

— Вы не произнесли речь о том, что Белый дом не может иметь ничего общего с теми интригами, о которых я вам только что рассказал.

— Не произнес.

— Знаете, почему мне это понравилось?

— Почему? — Этридж уже взялся за дверную ручку.

— Я только что отлично позавтракал, и мне не хотелось бы выблевать всю эту вкуснятину на пол.

Глава 12

Если бы Трумена Гоффа призвали в армию, а армия послала его во Вьетнам, где он поубивал бы вьетконговцев, а также северных и даже южных вьетнамцев, он, скорее всего, не стал бы наемным убийцей.

Но к девятнадцати годам Трумен Гофф уже обзавелся женой и ребенком, так что в призывники не попал. А к двадцати четырем годам уже уехал из юго-западной Виргинии, где родились и он, и его жена, и работал в «Сэйфуэ» в Балтиморе. Не менеджером, а простым контролером, жил в маленьком домике, а по вечерам частенько заглядывал в бар по соседству, называющийся «Кричащий орел».

Регулярно посещал «Кричащий орел» и Брюс Клоук. Пять лет тому назад, при первой встрече с Гоффом, ему было сорок три. Они угощали друг друга пивом, обсуждали шансы на успех «Иволг» и «Койотов»¹³ и говорили об успехе Клоука у женщин. Работал Клоук коммивояжером и продавал все, что угодно, лишь бы его товар вызывал интерес у домохозяйек. Он мог продавать пылесосы, алюминиевые жалюзи, энциклопедии и даже подписку на журналы. Высокий, широкоплечий, малообразованный, но симпатичный мужчина, сразу располагающий к себе, он бы давно мог создать собственную фирму, в которой другие коммивояжеры продавали бы

¹³ Бейсбольные команды.

его товар. Но Клоук был к тому же страстным охотником и рыболовом, а потому в любой момент мог все бросить и провести десять дней или две недели, ловя форель или выслеживая оленя или лося.

Как-то в ноябре Трумен Гофф заглянул в «Кричащий орел», чтобы выпить пива. Случилось это в середине дня, и у стойки сидел лишь Брюс Клоук.

— Чего это ты не на работе? — спросил Клоук, купив Трумену пиво.

— В отпуске. На неделю.

— А почему ты не взял отпуск летом?

Гофф пожал плечами.

— Не люблю я отпуска. Я взял неделю в июле, но никуда не поехал: не было денег. А вторую — сейчас. Я ее потеряю, если не отгуляю до первого января.

— Я тоже устроил себе отпуск на этой неделе. Поеду в Виргинию, — Клоук нацелил воображаемое ружье на воображаемую цель и дважды выдохнул: — Пиф-паф.

— Охотиться на оленя? — полубопытствовал Трумен Гофф.

— Совершенно верно, приятель.

— А куда? Я сам из Виргинии.

— В окрестности Линчберга.

— Слушай, я как раз там родился.

Выпив еще три стакана пива, Трумен Гофф согласился поохотиться на оленей вместе с Брюсом Клоуком. На следующее утро они уехали и к девяти вечера уже обосновались в мотеле «Идлдейт» на окраине Линчберга. А также уговорили половину первой из двух квартовых бутылей «Старой винокурни»,¹⁴ что Клоук захватил с собой.

— Знаешь, что я тебе скажу, приятель? — спросил Клоук.

— Что?

— Рыболовом я был с детства, но догадайся, где я пристрастился к охоте?

— Где же?

— В Италии, вот где.

— А каким ветром тебя занесло в Италию?

— Я охотился на настоящую дичь, вот что я делал в Италии. Я охотился на краутов.¹⁵

— А, в армии.

— Совершенно верно, в армии. В пехоте. В сорок пятой дивизии.

— Да, наверное, это запоминается.

— Думаешь, запоминается?

— По-моему, да.

— Позволь тебя кое о чем спросить. Ты был в армии?

— Нет, ты же знаешь, что меня освободили от призыва.

— Значит, ты никогда не охотился на настоящую дичь. Ты не охотился на людей.

— На людей — нет, а вот на оленей, опоссумов, куропаток и рысей — сколько угодно.

— Но ты никогда не охотился на человека, так?

— Думаю, мог бы, если б возникло такое желание. Полагаю, выследить рысь

¹⁴ Марка американского виски.

¹⁵ Прозвище немцев.

ничуть не проще.

— Ты думаешь, что сможешь убить человека? Поймать в прицел и недогнувшей рукой нажать на спусковой крючок? Ты сможешь это сделать, Трумен?

— Разумеется, смогу, — и Гофф вновь наполнил свой стакан.

Клоук, улыбаясь, смотрел на него несколько секунд.

— А я готов поспорить на пятьдесят баксов, что не сможешь.

— Нашел, на что спорить.

— Почему нет?

— Черт, я не хочу отправляться на электрический стул ради пятидесяти баксов.

— Об электрическом стуле можешь не волноваться.

— Ты же готов поставить пятьдесят баксов на то, что я не смогу поймать человека в прицел и нажать на спусковой крючок, а я говорю тебе, что смогу. А если я тебе это докажу, то в придачу к пятидесяти баксам получу электрический стул, — виски уже затуманило голову Гоффа. — Идиотское какое-то пари.

— Вот что я тебе скажу, Трумен.

— Что?

— А если мы все обставим так, что тебе не будет грозить электрический стул?

— И как же мы это обставим?

— Это моя забота. Спорим?

— Черт, я, в общем-то...

— В чем дело, Трумен? Трусись?

— Не думай, Брюс, что сможешь завести меня, обзывая трусом. Можешь называть меня трусом весь вечер, мне это по фигу. Как только меня не обзывали. Я не буду спорить с тобой втемную, не зная, о чем речь.

Вот тут Брюс Клоук и разобъяснил Трумену Гоффу, каким образом тот может поймать человека в прицел, нажать на спусковой крючок, получить пятьдесят долларов и избежать электрического стула. Когда Клоук закончил, Гофф заулыбался.

— Что ж ты мне сразу не сказал, что стрелять надо в ниггера.

— Он тоже человек.

— Нет, ниггер — совсем другое дело. Пристрелить его — сущий пустяк.

— Я ставлю пятьдесят долларов, что ты этого не сделаешь.

— Хорошо, умник, а я ставлю пятьдесят на то, что сделаю. Поехали.

Семьдесят пять миль до Ричмонда Клоук и Гофф проехали почти за три часа, так что добрались до окраины города где-то после полуночи. Первую бутылку «Старой винокурни» они добились и уже начали вторую. На заднем сиденье «пontiака» Клоука выпуска тысяча девятьсот шестьдесят пятого года лежало охотничье ружье Гоффа, «марлин» тридцатого калибра. С заряженным магазином.

— А куда ты едешь теперь? — спросил Гофф, так так Клоук продолжал вроде бы бесцельно кружить по улицам Ричмонда.

— А какая разница. Все равно ты ничего не сделаешь.

— Ты лучше готовь пятьдесят баксов, умник.

— Баксы при мне, можешь не волноваться. И вообще, волноваться тебе надо о другом. Шанс у тебя будет только один. Как в охоте на оленя. И я не буду стоять и ждать, решишься ты или нет.

— Скажи мне, когда стрелять и в кого, — отрезал Гофф. — Большого от тебя не требуется.

— Сейчас? — Клоук резко затормозил. Они остановились на тихой улочке,

застроенной одно- и двухэтажными жилыми домами. Лишь в нескольких окнах горел свет. Вдоль тротуаров стояли машины, в большинстве своем сошедшие с конвейера несколько лет тому назад. Редкие уличные фонари освещали потрескавшийся асфальт мостовой. В маленьких двориках перед домами лишь кое-где виднелись островки пожухлой травы.

— В кого?

— Посмотри направо. Вон он вышел из дома, в пятидесяти ярдах от тебя.

Гофф посмотрел в указанном направлении. Мужчина спускался с крыльца. В темном пальто. Вышел на тротуар и повернул налево, к стоящему во втором ряду с потушенными огнями «понтиаку» Клоука.

— Заплатишь прямо сейчас, трусишка? — полнобопытствовал Клоук.

— Ничего я тебе не заплачу, — пробормотал Гофф, повернулся, схватил ружье, открыл дверцу.

— Не забудь, ты должен на-а-а-жать на спусковой крючок, — прошептал Клоук.

Трумен Гофф выскользнул из кабины, обогнул машину, стоящую у тротуара, присел у ее правого заднего крыла. Уперся прикладом в плечо, прицелился. От мужчины его отделяло не больше ста двадцати футов. Еще несколько секунд, и он окажется прямо под фонарем. Гофф ждал. Когда мужчина вышел в желтый круг света, Гофф разглядел темно-зеленое пальто, белую рубашку, черный галстук. И темную кожу лица. Гофф нажал на спусковой крючок, хлопнул выстрел, мужчина покачнулся. Дерьмо, подумал Гофф, похоже, не попал. Он передернул затвор и выстрелил вновь. На этот раз мужчина рухнул на тротуар. Лежал он на боку, лицом к Гоффу. Рот мужчины открылся, и Гофф еще подумал, какие же у того белые зубы.

Гофф бросился к уже тронувшемуся с места «понтиаку» и запрыгнул в кабину.

— Ты сумасшедший? — крикнул ему Клоук, вдавливая в пол педаль газа.

Они промчались мимо лежащего под фонарем мужчины, но Гофф успел как следует разглядеть его. На вид ему было лет двадцать с небольшим, а среди белых зубов имелись и золотые.

— Какой-нибудь гангстер, — сказал он Клоуку.

— Господи, да ты псих!

— Где мои пятьдесят баксов?

— Не хочу иметь с тобой никаких дел! — взвыл Клоук. — Ты псих.

— За тобой пятьдесят баксов, приятель, — от голоса веяло арктическим холодом.

— Хорошо, — Клоук вытащил бумажник и начал рыться в нем, продолжая гнать машину по улицам Ричмонда. — Вот твои проклятые пятьдесят баксов, — и бросил купюры Гоффу.

— А чего ты так завелся? — Гофф пересчитал купюры, потом аккуратно их сложил.

Клоук на мгновение глянул на Гоффа, и тот заметил, что у его приятеля перекошило лицо. Да он перепугался, подумал Гофф. В разговорах-то был храбрец, а как дошло до дела — наложил в штаны.

Его это так удивило, что он решил проанализировать свои чувства. И понял, что ему без разницы, в кого стрелять, оленя или человека. А уж охота на рысь в сто раз волнительнее. Господи, да какое удовольствие стрелять в ниггера, который не отстреливается и не убегает. Он, конечно, пожалел ниггера, точно так же, как всегда жалел подстреленного оленя.

— Я не хочу иметь с тобой ничего общего, — не унимался Клоук. — Не хочу

говорить с тобой. Не хочу тебя видеть. Ты же псих. Ты это знаешь? Ты законченный псих.

— В чем, собственно, дело? — Гофф взял бутылку, глотнул виски. — И сколько ты наговорил ерунды насчет охоты на людей. Дерьмо! Да куда приятнее подстрелить хорошего оленя.

— Я более не хочу говорить с тобой, понятно? — верещал Клоук. — Не хочу видеть тебя!

— Как скажешь.

На следующее утро Трумен Гофф проснулся в линчбергском мотеле один. Заглянул в кафетерий и, не найдя там Клоука, заказал обильный завтрак, чтобы избавиться от легкого похмелья: кофе, яичницу из трех яиц с ветчиной, овсянку, рогалики. Откушав, зашел в регистратуру, чтобы справиться о Клоуке.

— Он уехал рано утром. Сказал, что счет оплатите вы.

Гофф расплатился и попросил вызвать ему такси. Вернулся в номер, собрал вещи, сунул ружье в брезентовый чехол. «Почищу дома», — подумал он и зашагал к регистратуре.

На автобусе Трумен Гофф добрался до Ричмонда, там пересел на другой, доставивший его в Вашингтон, а уж на третьем приехал в Балтимор. В Ричмонде он купил «Таймс-Диспетч» и внимательно просмотрел газету, не найдя упоминания об убийстве черного. Возможно, информация поступила в редакцию после подписания номера в печать, подумал он. И потом, кого заботила смерть какого-то ниггера. Трумен Гофф так и не узнал фамилию человека, убитого им в Ричмонде.

В Балтиморе супруга Гоффа пожелала узнать, почему он так рано вернулся домой.

— Парень, с которым я поехал на охоту, заболел, так что пришлось сразу ехать домой.

— И что же ты будешь делать всю неделю?

— Не знаю. Наверное, поболтаюсь в городе.

Следующим днем Трумен Гофф заглянул в «Кричащий орел». Сел к стойке, заказал пиво. Выпил полстакана, прежде чем оглядеться. В дальней кабинке сидели Брюс Клоук и незнакомый Гоффу мужчина. Как отметил Гофф, слишком хорошо одетый для завсегдатаев «Кричащего орла». В строгом темном костюме, темно-синей рубашке, темном полосатом галстуке и черных туфлях. Лет тридцати восьми — сорока, с вытянутым лицом, украшенным усами. Волосы его уже тронула седина, и они волнами падали ему на виски.

Заметив Клоука, Гофф помахал ему рукой, но Клоук смотрел сквозь него, словно впервые видел. Ну и черт с тобой, подумал Гофф и продолжил осмотр зала. Именно в этот момент Клоук наклонился в седоватому мужчине и что-то ему сказал. Мужчина с интересом вскинул глаза на Гоффа и продолжал смотреть на него, пока их взгляды не встретились. Гофф решил, что не допустит, чтобы какой-то приятель Клоука заставил его отвести взгляд. Не прошло и минуты, как мужчина чуть улыбнулся и продолжил прерванный разговор.

Гофф же отвернулся к стойке и глубоко задумался. Мысли шли настолько неприятные, что он даже немного испугался, а потому заказал еще пива. Выпил его, поднялся, чтобы уйти, и еще раз посмотрел на Клоука и седовласого мужчину. Клоук устался в стол, а вот седовласый оценивающе оглядел Гоффа, словно колеблясь, подойдет ему этот товар или нет.

Придя домой, Трумен Гофф включил телевизор, достал ружье из брезентового

чехла и начал его чистить. Когда жена вошла в гостиную, он повернулся к ней:

— Мне завтра понадобится машина.

— Куда это ты собрался? — ответ ее не интересовал, но она полагала, что должна задать этот вопрос.

— Хочу кое с кем повидаться, — ответил Гофф, загоня шомпол в ствол.

На следующий день в девять утра Трумен Гофф сидел в машине, дожидаясь, пока Брюс Клоук выйдет из своего дома в восточном секторе Балтимора. Клоук всегда оставлял свой автомобиль у тротуара, и Гофф ехал вдоль улицы, пока не заметил «пontiак». Затем припарковался сам, в сотне метров от него. На заднем сиденье под одеялом лежал «марлин».

Когда Клоук отвалил от тротуара, Гофф последовал за ним. Направился Клоук в южный сектор и полчаса спустя остановился у новенького дома из желтого кирпича. Вышел из машины, открыл багажник, достал большую коммивояжерскую сумку с образцами товаров, подошел к двери дома и позвонил, чтобы мгновением позже исчезнуть за дверью.

Трумен Гофф дожидался Клоука сорок девять минут. Небось милуется с очередной домохозяйкой, подумал он. Он не отрывал глаз от двери, разве что изредка поглядывал на часы. Наконец появился Клоук. Остановился у двери, что-то сказал оставшемуся внутри. Гофф взял с заднего сиденья «марлин», вылез из кабины, обошел машину сзади.

Клоук закончил разговор и двинулся к «пontiаку». Трумен Гофф подождал, а затем ступил на тротуар, поднял ружье, прицелился и с расстояния в двести футов трижды выстрелил в Брюса Клоука, причем две пули попали в него до того, как он упал. Затем Гофф прыгнул в машину, развернулся и помчался в восточный сектор Балтимора.

Вернувшись домой, включил телевизор и принялся чистить ружье.

— Что-то ты быстро, — заметила его жена. — Я думала, тебя не будет весь день.

— Один из парней, с которым я хотел встретиться, не смог прийти.

— Ты вроде бы почистил ружье вчера, — его жена продемонстрировала отменную наблюдательность.

— Почистил, но не до конца.

— Так я могу взять машину? Мне нужно кое-что купить.

— Конечно, мне она сегодня не понадобится.

Телефон зазвонил в три часа семнадцать минут пополудни. Жена Гоффа уже уехала за покупками, а он, улегшись на диване, читал вестерн Макса Бранда.

— Слушаю.

— Это Билл.

— Какой Билл?

— Просто-Билл.

— Не знаю я никакого Билла.

— Жаль, конечно, старину Брюса Клоука. Его застрелили этим утром.

— Да? Действительно, жаль.

— Полагаю, вы жалеете и того ниггера в Ричмонде.

Следовало мне убить этого кретина в Виргинии, подумал Гофф, до того, как он начал молотить языком. В ту же ночь, когда я застрелил ниггера.

— Что вам надо?

— Знаете, Трумен, у меня есть к вам деловое предложение.

- У меня нет денег, если вы думаете о шантаже.
- О, я не собираюсь брать с вас денег. Наоборот, хочу дать их вам.
- И что я должен сделать?
- То же самое, что вы сделали на Сарасен-стрит этим утром. И в Ричмонде двумя днями ранее.
- Меня это не интересует.
- А вот ричмондские копы наверняка заинтересуются вами. Разумеется, не так, как балтиморские. Все-таки вы застрелили в Ричмонде паршивого ниггера. Но тем не менее заинтересуются.
- Вы что-то говорили о деньгах.
- Да, говорил.
- О какой сумме идет речь?
- Для начала три с половиной тысячи. Вы заинтересовались?
- Продолжайте.
- Это все. Деньги вы получите по почте вместе с фамилией. Об этом человеке вы и должны позаботиться, как позаботились о ниггере и старине Брюсе. Возможно, вам придется немного попутешествовать.
- И как часто?
- Ну, не знаю. Может, раз в год. Может, два. Главное, чтобы работа была выполнена не позднее двух месяцев после получения письма с деньгами и фамилией. Если же этого не сделаете, возможны осложнения. Вы понимаете?
- Да, понимаю.
- И что?
- А что вы хотите от меня услышать? Выбора у меня нет, не так ли?
- Совершенно верно, Трумен, выбора у вас нет. Письмо вы получите через две, может, три недели.
- Могу я задать один вопрос?
- Конечно, — великодушно разрешил Просто-Билл.
- У вас усы и вьющиеся волосы?
- В ответ Просто-Билл повесил трубку.

Глава 13

Келли Каббин родился в сорок пятом году, через три месяца после капитуляции Японии. Самым ярким воспоминанием его детства остался съезд КПП в тысяча девятьсот пятьдесят первом году, когда вместе с отцом он зашел в номер отеля, где мужчина с рыжими курчавыми волосами и блестящими глазами угостил его апельсиновым соком. Сок этот Келли запомнил потому, что мужчина отжал его сам из апельсинов, купленных в близлежащем супермаркете. Келли также запомнил, что в левой руке мужчина постоянно сжимал и разжимал черный резиновый шарик. И потом, долгие годы видя рыжеволосого¹⁶ на экране телевизора, Келли вспоминал апельсиновый сок и свое восхищение человеком, у которого были апельсины в номере отеля.

Родился Келли в Питтсбурге, но вырос в Вашингтоне, поскольку именно туда перебралась в пятьдесят первом штаб-квартира профсоюза отца. Жили Каббины в

¹⁶ Речь идет о Джордже Мини, основателе и бессменном президенте Конгресса производственных профсоюзов.

северо-западном секторе, в доме, который Дональд Каббин купил достаточно дешево у сенатора от штата Вашингтон, потерпевшего поражение на очередных выборах.

Пока Келли учился, в Лафайет Скул на Брод-Бранч-Роуд, Элис Дил Дженьор Хай и Вудро Вильсон Сеньор Хай¹⁷ (последнюю закончил в шестнадцать лет), он нечасто видел отца. Мать осталась в его памяти тихой, спокойной женщиной, которая следила за его одеждой, улыбалась при виде хороших оценок сына, дарила книги, немного баловала и готовила отменные обеды, обычно для них двоих, потому что отца дома практически не бывало. Умерла она так же тихо, как и жила, в постели, одна, если не считать компанией сборник поэм Руперта Брука.

Дональд Каббин не очень-то разбирался в тонкостях общения с ребенком, а потому всегда держал сына за равного себе, вероятно полагая, что Келли обладает здравым смыслом и опытом взрослого человека. В итоге Дональду удалось снять со своих плеч большую часть бремени отцовства, потому что Келли воспринимал его скорее как старшего и часто ошибающегося брата. Такие отношения привели к тому, что Келли выросл быстрее своих сверстников, а Дональд Каббин не чувствовал, что стареет.

В шестьдесят пятом, защитив диплом по английской литературе, Келли вышел из стен Висконсинского университета. Не испытывая желания воевать во Вьетнаме, он принял участие в войне с бедностью, присоединившись к Корпусу мира, который на территории Соединенных Штатов имел другое название — Д-эн-эс-а: «Добровольцы на службе Америке». По линии ДНСА он и трое других добровольцев, двое белых юношей и одна черная девушка, отправились в маленькое негритянское поселение на окраине Аннистона, штат Алабама. Поселению требовались специалисты-профессионалы. Три месяца спустя после прибытия добровольцев черные убедились, что молодежь приехала, чтобы действительно им помочь. В итоге Келли стал неофициальным мэром негритянского поселения. Но однажды ночью куклуксклановцы или члены другой организации, придерживающейся тех же взглядов, изрешетили пулями лачугу, в которой он жил.

К счастью для Келли, ту ночь он провел в постели двадцатишестилетней вдовы, с которой он познакомился в Аннистоне. Тремя днями позже Вашингтон перевел Келли в резервацию навахо в Аризоне. Остаток года в ДНСА он служил Америке тем, что вызволял из тюрьмы индейцев, попавших туда по пьяни. Частенько он ссуживал им доллар, чтобы они могли похмелиться пивом.

В шестьдесят шестом году, все еще находясь в призывном возрасте, он ушел в армию. Но во Вьетнаме ему повоевать не пришлось. Вместо этого он неплохо провел два года в Хехсте, под Франкфуртом, где его определили диктором радиостанции армии США.¹⁸ В немалой степени благодаря унаследованному от отца баритону.

В возрасте двадцати двух лет, только что демобилизованный из армии, в феврале тысяча девятьсот шестьдесят восьмого, он прибыл в Нью-Хэмпшир,¹⁹ чтобы оказать посильную помощь поэту-политику из Миннесоты. К апрелю он разочаровался в предвыборной кампании Маккарти. Причина заключалась не в самом сенаторе, но в

¹⁷ Частные престижные начальная, средняя и старшая школы.

¹⁸ Штаб американской армейской группировки располагался во Франкфурте.

¹⁹ Штат, в котором проводятся одни из первых первичных выборов (праймериз), по результатам которых определяется кандидат в президенты на ноябрьских выборах.

его окружении. Келли перешел на сторону Бобби Кеннеди. Помощь его, как потом говорил он отцу, заключалась «в одном голосе и умении заставить работать любой ксерокс или другой множительный аппарат».

Он, разумеется, присутствовал на съезде демократической партии в Чикаго, где его огрели дубинкой и дали понюхать слезоточивого газа. Чикаго он покинул с «фонарем» под глазом и твердой убежденностью в том, что никогда более, один или в компании, он не будет пытаться свернуть страну с пути, ведущего в ад.

Келли считал себя социал-демократом, политические воззрения которого находились левее «Американцев за демократические действия», но правее троцкистов. Он также пришел к горькому, но небезосновательному выводу, что ему всегда суждено оставаться в меньшинстве.

Однажды Келли попытался объяснить если не все, то хотя бы часть, своему отцу. Случилось это через два года после съезда демократов в Чикаго. Келли работал тогда диск-жокеем на балтиморской радиостанции. У него был выходной. Так уж получилось, что и Дональд Каббин в тот вечер оказался дома. Сэйди уехала в Лос-Анджелес ставить коронки на зубы, и даже неразлучный с Каббином Фред Мур отбыл по каким-то делам.

Отец и сын пообедали жареными цыплятами, а потом уселись в гостиной с бутылкой «мартеля».

— Я хочу сказать тебе, чиф, что я — типичный продукт среднего класса. Мы никогда не голодали. Ни к чему особенно не стремились. Лишь хотели, чтобы нас любили. А это не слишком прочное основание, не так ли?

Дональд Каббин не жаловал подобные разговоры. Он решил, что у сына эта сентиментальность скорее от матери, которая никогда не отрывалась от книги.

— Ты уже не ребенок, Келли, — заявил он. — И потом, ты никогда не создавал для нас с матерью, а потом для меня и Сэйди дополнительных проблем.

— Ты хочешь сказать, что из-за меня вас не тревожила полиция?

— Я хочу сказать, что ты учился в университете и получил диплом. Я этого не сумел. Ты служил стране в Д-эн-эс-а, а потом в армии за океаном и вернулся домой живым и невредимым. Ты заинтересовался политикой и поварился в этом котле. Ты, насколько мне известно, не пристрастился к наркотикам и не злоупотребляешь спиртным, как я. По моему разумению, ты нормальный парень, и я этому чертовски рад. — Каббин отпил коньяка, потом добавил: — К тому же у тебя хорошая работа, а я считаю это важным. Господи, хорошая работа и есть основа карьеры.

— Но меня никогда не интересовали профсоюзные дела.

— Сынок, меня это несколько не огорчает. Нет, сэр. Иной раз мне скучно до смерти, ты это знаешь, во всяком случае, узнал теперь. Но это моя работа, и я положил на нее немало сил, во всяком случае, иной раз приходилось выкладываться полностью, и чем еще я могу заняться в шестьдесят лет? Поздновато мне ехать в Голливуд. Меня там ждали в тридцать втором году.

— Тебе бы там понравилось, не так ли?

Каббин улыбнулся.

— Да, скорее всего понравилось бы. Я мог бы даже неплохо зарабатывать, играя даже вторые роли. Наверное, напрасно я отказался от того предложения.

— Наверное, именно это я и стараюсь донести до тебя. Ты знал, чего хотел. А я, похоже, нет.

— Но я же не поехал в Голливуд.

— Зато ты сделал другое. Прославился, добился заметного положения в обществе и все такое.

— Ты этого хочешь?

— Я так не думаю, но, возможно, лгу самому себе. Но я не хочу платить цену, которую заплатил ты.

— Ты хочешь сказать, посмотри, до чего ты дошел?

— Нет, я не об этом. Давай поставим вопрос иначе. Что случится, если ты завтра умрешь?

— Ничего особенного, ты это переживешь. Погорюешь, а потом поймешь, что жизнь продолжается.

— Ты кое о чем забываешь, чиф.

— О чем же?

— Я стану богатым человеком, получив половину твоей страховки.

— Тебе нужны деньги? — спросил Каббин. Очень уж ему не хотелось говорить о собственной смерти.

Келли вздохнул.

— Нет, мне не нужны деньги. Иной раз я думаю, может, в этом и беда. Я никогда не нуждался в деньгах, потому что в любой момент мог попросить их у тебя.

— Вот что я тебе скажу, сынок, у нищеты нет абсолютно никаких достоинств.

— Я жил в нищете, — заметил Келли. — В Алабаме мы жили, как черные, ели ту же пищу, и я знаю, что нищета делает с людьми. Но я и они разнились в одном: я не был черным и жил, как они, лишь по собственному выбору. А потому урок, как говорится, не пошел впрок.

Каббин долго молчал, прежде чем заговорить вновь.

— Да, нищета накладывает свой отпечаток. Что-то она оставляет после себя. Может, страх. Да, человек боится опять встретиться с ней.

— Сколько у тебя было денег, когда умер мой дед?

— Ты про моего старика?

— Да.

Каббин сухо улыбнулся.

— Когда твоя бабушка и я вернулись в Питтсбург, у нас на двоих было двадцать один доллар и тридцать пять центов. На нынешние деньги это сто долларов, может, двести, не знаю.

— Деньги тогда многое значили?

— Конечно.

— И из-за этого ты не поехал в Голливуд?

— Да, полагаю, из-за этого... да и по другим причинам.

— А я вот могу поехать в Голливуд, чиф.

Каббин просиял, потом помрачнел.

— Я уж подумал... да, я понял, что ты хочешь сказать. У тебя нет особого желания ехать в Голливуд, но, если тебе чего-то захочется, ты, может, этим и займешься.

— Совершенно верно.

— Есть на примете что-нибудь конкретное?

— Возможно. Думаю, что да.

— Я всегда готов тебе помочь.

— Я это знаю, чиф.

— Видишь ли, боюсь, я не был хорошим отцом, — он рассчитывал на сочувствие,

которое находил у своей первой жены, но сын не оправдал его надежд.

— Да, наверное, не был.

— Почему ты так думаешь?

— Ну, не знаю. Может, тебе стоило иной раз обращать на меня внимание и спрашивать: послушай, сынок, ты хочешь стать биохимиком, а ты уверен, что тебе это нравится, или есть смысл поискать другую профессию? Скорее всего, не возражал бы, если б ты завел со мной такой разговор.

— Но в нужное время у тебя об этом не спросили?

— Нет.

— А сейчас задавать такие вопросы поздно?

— Да, конечно.

— Но ведь у тебя неплохая работа на радиостанции.

— Я там работаю.

— Я слушаю тебя, если выпадает такая возможность. У тебя прекрасный голос.

— Он достался мне от тебя.

— Так чем ты намерен заняться?

— Я знаю, чем я намерен не заниматься. Я не смогу делать деньги. Я, возможно, получу некую сумму после твоей смерти, но сам сколотить себе состояние не смогу.

Для Каббина это утверждение граничило с экономической ересью, но ввязываться в спор он не стал.

— Не так уж это и важно.

— И мне не нужна власть над людьми. Я не хочу сказать, что я откажусь от нее, если мне ее предложат. Да и кто откажется. Но я не хочу рваться к ней.

Каббин кивнул. Он хорошо знал, что такое власть.

— Да, если ты к ней не рвешься, тебе ее не получить.

Келли посмотрел на отца.

— Возможно, тебе покажется это странным, но я хочу помогать людям, отдельным личностям.

— Наверное, и это досталось тебе от меня.

— Это точно, чиф.

— Помогая людям, денег уж точно не заработаешь. Обычно за это дают по зубам.

— А мне нравится помогать людям, и я даже знаю, почему. Видишь ли, я умнее многих. Я не хвастаю. Природа наградила меня умом, точно так же, как темными волосами и синими глазами. Поэтому я могу что-то сделать для людей или подсказать, что надо сделать, получая от этого удовольствие. Мне хочется, чтобы люди приходили ко мне со своими проблемами.

— Может, тебе стать адвокатом? Как ты сам говоришь, ума тебе хватает. Наверное, ум достался тебе от матери, — на этот раз Каббин рассчитывал на похвалу.

— Ум у меня и от тебя, чиф, но в адвокаты мне не хочется. Знаешь, я бы хотел быть городским мудрецом. Вот это занятие пришлось бы мне по душе.

Каббин всмотрелся в своего сына, видя перед собой юного незнакомца. «Кажется, я понимаю, что он имеет в виду, — сказал себе Каббин. — Он хочет быть „кем-то“. Возможно, теперь это называется быть мудрецом, но суть остается прежней: он хочет активно вмешиваться в жизнь других людей. Он хочет делать то, чем раньше занимались колдуны да знахари. А попробовав, ему захочется расширить свое влияние, и так будет продолжаться до тех пор, пока, однажды проснувшись, он не возжелает подмять под себя все».

«Он не понимает, — думал Келли, глядя на отца. — Он ищет за моими словами что-то еще, ему кажется, что я не осознаю, чего хочу. Он не понимает, что причина частично в чувстве вины, а частично в желании быть уважаемым, а может, и любимым несколькими людьми. Число их не должно быть велико, потому что с этим мне уже не справиться. Ну ничего, сейчас я скажу ему о своих намерениях».

— Если у тебя появились такие мысли, сынок, иди в профессиональные помощники. В службу социального обеспечения, в учителя.

— Нет, детей я не люблю и знаком с некоторыми сотрудниками службы социального обеспечения. Многие из них со временем становятся злыми и желчными, а бьет это по тем, кому они должны помогать.

— Так какой путь выбрал ты?

Келли глубоко вздохнул.

— Я намерен стать копом, чиф.

Каббин аж подпрыгнул и едва успел схватить качнувшуюся бутылку коньяка.

— Святой Боже, ты серьезно?

— Да, — кивнул Келли. — Абсолютно серьезно.

— Господи! Мой сын — легавый.

— Твой сын — фараон.

Каббин прищурился.

— А может, в тебе заговорило детство, какое-то желание, которое ты решил осуществить, став взрослым?

Келли покачал головой.

— Мое отношение к копам типично американское, — он коснулся левого глаза. — Дюймов выше, и я потерял бы его в Чикаго.

Каббин кивнул.

— Если твоя цель — стать городским мудрецом, то ты выбрал тяжелый путь.

— Ты прав, чиф. Возможно, самый тяжелый.

Двумя месяцами позже Келли Каббин поступил на службу в городскую полицию Вашингтона, округ Колумбия, в тот самый момент, когда туда стремились брать как можно больше выпускников колледжей и университетов. Пару лет спустя этот порыв заметно иссяк: начальство решило, что слишком много умников им не нужно.

Когда Келли поступил в полицию, его фотоснимок опубликовали в газете, а самого определили в патрульные. Участок ему выделили неподалеку от «Хилтона», практически всю Колумбия-Роуд. В свое время там жили исключительно белые, но к концу шестидесятых многие магазины закрылись, когда-то знаменитый ночной клуб прогорел, один из кинотеатров разрушили, а во втором крутили мексиканские фильмы, и назывался он теперь театро. И все начали вставлять в двери особые замки, а окна забирать крепкими металлическими решетками.

Келли старался. Даже выучил испанский. Он перебрасывался шутками с молодежью и терпеливо выслушивал стариков.

С черными контакт не налаживался дольше. И лишь после того, как его напарник выяснил, что Келли не намерен «доить» свой участок, дело сдвинулось с места. Его напарник, рядовой Эр-ви Эмерсон, черный, грустный, отец пяти детей, дал знать кому следует, что в Келли осталось что-то человеческое, а потому не надо ждать от него подвоха.

Разумеется, местные жители не доверяли Келли на все сто процентов, но постепенно они его приняли, а некоторым он даже нравился, насколько мог нравиться

коп. Через какое-то время они начали приходить к нему со своими проблемами, потому что он всегда давал дельный совет и за бесплатно. И, наконец, он действительно стал эдаким деревенским мудрецом, решавшим вопросы, которые ставили местных жителей в тупик.

Ему это нравилось. Нравилась ему и полицейская служба, да вот его начальники не видели в нем хорошего полицейского. И на годовой аттестации один из членов комиссии прямо спросил:

— Вы знаете, как вас прозвали, Каббин?

— Кто?

— Парни, с которыми вы служите. Они прозвали вас Мамаша Каббин. И что вы об этом думаете?

— Ничего.

— Вас это не тревожит?

— Нет. Абсолютно не тревожит.

— Вам нравится служба в полиции, Каббин?

— Очень нравится. А что?

— Вы не делаете того, чего ждут от копа.

Тремя днями позже его отправили в административный отпуск. Только несколько местных жителей спросили у рядового Эр-ви Эмерсона, что случилось с его напарником: «Ты понимаешь, с тем белым, что всегда совал нос в чужие дела».

В одиннадцать утра Келли Каббин пил кофе и смотрел на спящего отца. Он смотрел на него уже четверть часа и думал: «По крайней мере, я не испытываю к нему ненависти. А люблю я его или жалею, не столь уж и важно. Мой отец, мой старший брат, с молодости влюбился в аплодисменты и провел остаток жизни в их поисках, правда, выбирал для этого не слишком подходящие места. Я прилетел сюда не для того, чтобы ты меня утешал, потому что ты знаешь только один способ утешения — с помощью чековой книжки. Я прилетел сюда, потому что деревня вышибла своего мудреца, ибо ему не хватило ума сохранить свою работу. Тебе нужен мудрец, чиф?»

Дональд Каббин перекатился на спину и застонал. Он уже проснулся и теперь жалел об этом. Надо ведь добраться до унитаза и поблевать, а до ванной целая миля.

— Ты проснулся, чиф?

— Келли?

— Он самый.

Каббин вновь застонал.

— Сын, я умираю.

— Позволь мне помочь тебе встать.

С помощью Келли Каббин сел на краю кровати.

— Головка бо-бо?

Каббин кивнул.

— Сможешь дойти до ванной?

Каббин поднялся. Волоча ноги, потащился в ванную. И едва успел дойти до туалета, как из него брызнул фонтан рвоты. Каббину не хотелось смотреть на месиво, извергаемое из собственного желудка, но он смотрел, зная, что тем быстрее выйдет наружу и все остальное, а потом ему сразу станет лучше.

Из ванной он вышел несколько минут спустя, бледный как полотно.

— А вот и твоё лекарство, чиф, — Келли протянул отцу высокий стакан с густой, белой жидкостью.

Каббин взял его обеими руками, поднес ко рту. Зубы забарабанили по стеклу, прежде чем он сделал первый глоток.

Напиток состоял из сливок, бренди, ментолового ликера, двух сырых яиц и капельки водки. Придумал этот коктейль Фред Мур, и Каббин, выпив половину стакана, сел в кресло и откинулся на спинку, дожидаясь, пока алкоголь начнет действовать.

Посидев, он вновь отпил из стакана. Дело пошло на лад. Руки уже не дрожали. Тошнота исчезла. Каббин посмотрел на сына.

— А что ты тут делаешь?

— Я приехал вчера вечером.

— Я... э...

— Мы поговорили перед тем, как ты улегся в постель.

Каббин кивнул.

— Ничего не помню.

— Ты немного перебрал.

— Я помню эту чертову телепередачу.

— Мне рассказали сегодня утром.

Каббин опорожнил стакан.

— Где еще один? Мне нужно два.

Келли прогулялся к комоду, взял второй стакан, приготовленный Фредом Муром, протянул отцу.

— Это, конечно, не мое дело, но ты крепко пьешь в последнее время, так?

— Ты видел меня вчера вечером. И сегодня утром. Так что не буду тебе врать.

— Я подумал, что должен сказать тебе об этом.

Каббин пожал плечами. Ему стало лучше. Значительно лучше.

— Пока я справляюсь. Не каждый день мне так плохо. Еще не каждый.

— Печень начинает давать сбои.

— Ты прав, сынок, все дело в печени. Так каким ветром тебя сюда занесло?

— Меня уволили.

Каббин посмотрел на сына.

— Уволили?

— Да.

— Ты огорчен?

— Есть немного.

— Хочешь вернуться?

— На прежнюю работу?

— Да.

— Это ни к чему.

— Что случилось?

— Им не понравилось мое отношение к службе. Я практически никого не арестовывал, и все такое, — Келли улыбнулся. — Это неважно.

— А ты думаешь, что справлялся со своими обязанностями?

— Я думаю, что да, а они — нет, и это главное.

— Ты не прав, парень. Главное, чтобы ты сам знал, что работал на совесть. Можешь мне поверить.

— Конечно, чиф.

— Какие планы на будущее?

— Пока никаких.

Каббин задумался. В эти двадцать минут алкоголь глушил боль, но еще не туманил мозг. Каббин как-то сказал себе, что больше двадцати минут на раздумья человеку и не нужно. Многие не думают и пяти минут в день. Так что благодаря лишней четверти часа можно оказаться впереди многих.

— У меня есть идея.

— Поделись.

— Предвыборная кампания будет... грязной, ты понимаешь?

— Думаю, что да.

— Ты бы мог мне помочь.

— Чем?

— Мог бы сопровождать меня, запоминать, что сказано, а что нет.

— Я думал, этим занимается Фред.

— Фред не слишком умен. Это первое. И второе, его не всюду пустят. А вот против твоего присутствия никто возражать не будет. Мне может понадобится свидетель.

— У тебя неприятности?

Каббин допил второй стакан.

— Совершенно верно. У меня неприятности.

— Я действительно нужен тебе, чиф, или ты пудришь мне мозги?

— А ты как думаешь?

— Я думаю, что пудришь, но все равно помогу тебе.

Глава 14

Индиго Бун, человек, который знал, как подтасовать результаты голосования, жил на Шестнадцатой улице, недалеко от Чикагского университета, в шестикомнатной квартире на третьем этаже. Располагался дом аккуратно напротив Мидуэя, где в тысяча восемьсот девяносто третьем году проводилась выставка, посвященная четырехсотой годовщине открытия Америки Колумбом. Со временем на этом месте разбили парк, где зимой даже заливали катки.

Но происходило все это давным-давно, когда этот район считался в Чикаго одним из наиболее престижных. Особенно жаловали его интеллектуалы, блаженствующие в университетской среде. Теперь здесь жили главным образом черные, хотя до полного развала дело еще не дошло.

Вот и Индиго Бун содержал свой дом в образцовом порядке. Во-первых, потому, что дом принадлежал ему, а во-вторых, чтобы показать пример владельцам соседних домов. Дом он купил в сорок шестом году, на деньги, заработанные на черном рынке Манилы. Покупку он оформлял через белого адвоката, потому что прежние владельцы дома не хотели иметь ничего общего с ниггером. Произошло все это четверть века тому назад, а последние пятнадцать лет Бун жил в собственной квартире в своем же доме.

Он вообще не любил переезды. Родился Бун в двадцать первом году, в Новом Орлеане, вырос во Французском квартале на Дофин-стрит, где ему пришлось учиться воровать, чтобы выжить. Иначе не осталось бы ничего другого, как идти работать. Скорее всего, он и сейчас жил бы в Новом Орлеане, если бы в начале сорок второго года его не забрали в армию. Определили его в интендантскую часть, и войну Бун закончил старшим сержантом.

Деньги, много денег, он заработал сразу после капитуляции Японии, до того, как армейское имущество взяли под строгий контроль. Сигареты, одеяла, шоколад, яйца, жвачку он продавал грузовиками, иной раз продавал и сами грузовики.

Вернувшись в Соединенные Штаты, он напрямик поехал в Чикаго, полагая местный экономический, политический и социальный климат наиболее подходящим для таких, как он. Чикаго не разочаровал Индиго Буна, как не разочаровал и многих других авантюристов, смелых, умных, решительных.

Начинал Бун осторожно. Вложил часть денег в несколько многоквартирных домов, в которых проживали белые, потом купил маленькую строительную фирму. Бун ничего не смыслил в строительстве, зато прекрасно разбирался во взятках, льготах, привилегиях. И бизнес его начал процветать, опекаемый многими городскими чиновниками, которые благодаря щедрости Буна покупали себе новые автомобили или лечили зубы детям.

Заинтересовался Бун и политикой, сначала в масштабах избирательного участка, затем приобретая все больший вес в Демократической партии. Он брал на себя поручения, от которых отказывались другие, и вскоре наладил отличные связи с партийными боссами.

К шестидесятому году Буну уже приходилось заниматься подтасовкой результатов выборов, но в основном по мелочам, с тем, чтобы послать несколько лишних демократов в законодательное собрание штата, заседавшее в Спрингфилде. Но в день президентских выборов Буну дали знать, что Кеннеди нужны дополнительные голоса. Бун их нашел, но не так уж много, считая это рутинной работой. Но с приближением вечера ему сообщили, что голосов надо больше, гораздо больше, требовалась целая прорва голосов, потому что за пределами Чикаго ситуация складывалась далеко не в пользу Кеннеди.

Бун голоса нашел, нашел, сколько требовалось. Он придумывал новые способы вводить целые избирательные участки из-под носа наблюдателей-республиканцев. Он вспомнил старые, испытанные средства, и за Кеннеди проголосовали калеки, больные, убогие и даже мертвые. Некоторые говорили о Буне, что он смог подкупить сами машины для голосования. В тот вечер он носился из участка в участок на патрульной машине, не выключая маячок и сирену, советовал и инструктировал верных сторонников Кеннеди и покупал тех, кто еще не укрепился в своей вере, расплачиваясь на месте пятидесяти- и стодолларовыми купюрами, которые доставал из толстенной, в четыре дюйма, пачки.

Потом некоторые говорили, что именно Бун спас нацию от Ричарда Никсона, во всяком случае, в тот раз. Иллинойс проголосовал за демократов с перевесом в восемь тысяч восемьсот пятьдесят восемь голосов. Всего же за кандидатов двух ведущих партий проголосовали четыре миллиона семьсот сорок шесть тысяч восемьсот тридцать четыре избирателя... «Что ж, — говорил потом Бун, — когда они мне позвонили и сказали, что Кеннеди нужны голоса, я их поискал и нашел, насколько мне помнится, чуть больше девяти тысяч».

После выборов Бун стал знаменитостью, а тремя неделями позже он получил письмо от Джона Кеннеди с благодарностью «за оказанные мне помощь и поддержку». Письмо Бун вставил в рамку и повесил на самом видном месте в гостиной. Показывал он письмо каждому гостю, даже тем, кто приходил к нему не один десяток раз.

Марвин Хармс не видел письма Кеннеди, потому что ранее не бывал в квартире Буна. После того, как гость и хозяин обменялись рукопожатием, Хармс внимательно

прочитал письмо, не пропуская ни одного слова. Читая, он чувствовал на себе взгляд Буна, оценивающий его шелковый двубортный костюм цвета слоновой кости с двенадцатью перламутровыми пуговицами, рубашку из стопроцентного хлопка фирмы «Олд айленд» в мелкую черно-белую полоску и начищенные туфли.

«Написано машиной и подписано машиной, — подумал Хармс, перечитывая письмо в третий раз, — но не мне говорить об этом мистеру Буну». Он медленно повернулся к хозяину дома.

— Такие письма есть далеко не у всех. Вы можете им гордиться, мистер Бун.

Бун знал, что письмо написано одной машиной и подписано другой, но оно выполняло свою роль. Увидев письмо на стене гостиной, некоторые приходили к неверному выводу, что мистер Бун немного наивен, даже простоват, а потому проявляли беззаботность в их общих делах, к немалой для него выгоде.

— Конечно, слоняясь по улицам Нового Орлеана, я и подумать не мог, что получу письмо от президента Соединенных Штатов.

Хармс понимающе кивнул, подумав при этом: не вешай мне лапшу на уши. Плевать бы ты хотел на письмо, подписанное хоть Иисусом Христом, если б не знал, как заработать на этом доллар-другой.

— Я несколько раз встречался с его братом, — как бы между прочим заметил Хармс, показывая, что каким-то боком связан с убиенными королевскими особами.

— Хороший был человек.

— Хороший, — согласно кивнул Хармс.

— А не присесть ли нам, — Бун указал Хармсу на кресло, а сам подошел к буфету из красного дерева. — Я бы что-нибудь выпил. А вы?

И, не дожидаясь ответа Хармса, нажал кнопку. Буфет раздвинулся, открывая бар с раковиной, холодильником, двумя дюжинами бутылок и фужерами, стаканами, рюмками всех размеров.

Ловко, подумал Хармс. Я, естественно, потрясен, чего от меня и ждут.

— Шотландское со льдом.

— Мой любимый напиток, — кивнул Бун, хотя отдавал предпочтение бербону.

Пока Бун наливал виски, добавлял воду и лед, Хармс оглядел гостиную. Смотреть есть на что, подумал он. Немало сюда вбухано денег и времени, чтобы придать гостиной элегантный, законченный вид. Преобладали черный цвет и все оттенки коричневого, от кофе с молоком до темного янтаря. Бронзовый потолок, стены, затянутые светло-коричневой материей, два черных кожаных дивана у камина, каминная доска из коричневого мрамора. А может, из дерева, подумал Хармс. Он знал итальянцев, деревянные поделки которых внешне не отличались от мрамора.

Три окна, выходящие на Мидуэй, окаймляли темно-коричневые бархатные портьеры. Над камином висела гравюра: уличная зарисовка во Французском квартале Нового Орлеана. Стулья и кресла были обтянуты табачно-коричневым ситцем. У стены стоял столик орехового дерева, как показалось Хармсу, сработанный пару веков тому назад. На нем — бронзовая ваза с хризантемами.

А рядом с дверью, ведущей в другие комнаты, на стене белело письмо Кеннеди в простой черной рамке. Единственное светлое пятно во всей гостиной, подумал Хармс. Наверное, по замыслу Буна, это что-то должно да значить.

Когда Бун направился к нему с полными стаканами, Хармс отметил, что не так уж часто ему доводилось видеть таких черных негров. Черное, как эбеновое дерево, лицо Буна прекрасно гармонировало с заметно тронутыми сединой короткими курчавыми

волосами. А начавший расти животик умело скрывала жилетка. Хармс неплохо разбирался в одежде, так что отдал должное прекрасно сшитому костюму из тонкой серой шерсти, стоившему никак не меньше четырехсот долларов. И решил, что обязательно спросит у Буна адрес портного.

— Вот о чем я думаю, — Бун протянул Хармсу высокий стакан. — Как получилось, что мы никогда не встречались?

— Мы редко бываем на людях, — ответил Хармс. — Если я не в разъездах, мы с женой предпочитаем сидеть дома.

Бун понимающе кивнул.

— Да, чем старше становишься, тем меньше выходишь в свет. Разумеется, в мире политики без общения не обойтись. А вы, как я догадываюсь, хотите поговорить со мной о политике.

Как ненавязчиво перешел он к делу, отметил Хармс.

— Вы абсолютно правы, — и отпил виски.

Хорошее виски, не дешевле двенадцати долларов за кварту.

Бун широко улыбнулся.

— Должен признаться, вы меня разочаровали.

— Почему?

— Я-то надеялся, что вы пришли ко мне застраховать свою жизнь, все решив и обдумав, так что мне осталось бы лишь дать вам ручку.

«Да он без мыла в жопу влезет», — подумал Хармс.

— Раз уж вы упомянули о страховке, должен признать, что она очень меня интересует.

Бун кивнул, вновь улыбнулся.

— Знаете ли, в вашем возрасте я тоже начал задумываться о том, чтобы застраховать свою жизнь.

— Меня больше интересует страховка в политике. Я бы хотел узнать, можно ли застраховаться на случай выборов.

Бун бесстрастно смотрел на него.

— Я слышал, что вы в этом деле крупный специалист.

Бун по-прежнему молчал.

— Разумеется, мы готовы заплатить за советы и консультации.

Бун смотрел на молодого человека и думал о том, что он прошел немалый путь, прежде чем смог надеть этот костюм цвета слоновой кости.

— А откуда вы родом? — спросил он из чистого любопытства.

— Из Алабамы. Я родился в маленьком городке, который называется Силакауга.

— Симпатичное название.

— Название — возможно, но не сам город.

— Силакауга — это индейское слово?

— Должно быть.

— И что оно означает?

Хармс блеснул белозубой улыбкой.

— Я забыл поинтересоваться.

Бун улыбнулся в ответ.

— Так сколько, мистер Хармс, вы готовы заплатить за мои советы и консультации?

Хармс какое-то время изучал содержимое стакана.

— Мы готовы платить по текущей ставке.

— Текущая ставка — пять тысяч.

— Я уверен, что богатый кандидат с денежным деревом с радостью заплатил эту сумму, мистер Бун, но я представляю бедного кандидата, который может рассчитывать лишь на доллары и четвертаки, собранные простыми рабочими. Времена сейчас тяжелые, и мы не сможем заплатить больше двух с половиной тысяч.

«Неплохо, — подумал Бун. — Он знает свое дело».

— Я человек благоразумный и уверен, что у вашего кандидата благородные цели, иначе вы, мистер Хармс, не поддержали бы его. Я готов уменьшить мое вознаграждение до четырех тысяч.

«Да ты торгуешься, как какой-нибудь белый, Индиго», — безо всякой злобы подумал Хармс.

— Многие наши люди без работы, семьи голодают, и, откровенно говоря, денег взять просто неоткуда. Собрав все, до последнего цента, мы сможем заплатить три тысячи долларов.

— Времена сейчас действительно тяжелые, я с вами согласен, мистер Хармс. Поэтому я готов рискнуть своей профессиональной репутацией и снизить цену до трех с половиной тысяч долларов, при условии, что вы поклянетесь никому об этом не говорить.

— Поладим на трех тысячах двухстах пятидесяти, и я буду нем, как могила.

Бун решил, что в профсоюзе Хармс прошел хорошую школу. Во всяком случае, привык бороться за каждый доллар. Он протянул руку, широко улыбнулся.

— Договорились, мистер Хармс.

Хармс пожал протянутую руку. Теперь они улыбались вдвоем, довольные друг другом, ибо Хармс ожидал, что услуги Буна обойдутся ему в четыре тысячи долларов, а Бун не рассчитывал больше чем на три тысячи.

— Значит, ваш профсоюз идет на выборы.

— Совершенно верно.

— И вы хотите застраховать их исход?

— Что-то в этом роде.

— Тогда я попрошу вас кое-что рассказать.

— Что именно?

— Начните с того, как проходит голосование. Потом скажите, кто баллотируется и кого вы хотели бы видеть победителем. Тогда я, возможно, подскажу вам, что нужно сделать, чтобы добиться нужного результата.

Глава 15

Пока Марвин Хармс в Чикаго знакомился со способами подтасовки результатов выборов, человек, жаждущий любым путем победить на этих выборах, проводил пресс-конференцию в Вашингтоне. Это была вторая конференция Сэмми Хэнкса с начала избирательной кампании. Первый раз он собрал репортеров с тем, чтобы объявить о решении вступить в борьбу за пост президента профсоюза.

На этот раз он предложил, даже потребовал, чтобы Дональд Каббин снял свою кандидатуру и по-тихому ушел в отставку.

Хэнкс не предполагал, что его предложение получит широкий резонанс. Ну, упомянут о нем в информационных выпусках трех ведущих телекомпаний, напечатают на странице шесть или семь газеты тех городов, где члены профсоюза составляют

немалый процент населения.

Основой для требований Хэнкса стали откровения, ставшие достоянием общественности благодаря передаче «Ночь с Джеком». Все присутствующие журналисты получили от Хэнкса аккуратно напечатанный полный текст вышеуказанной передачи. Многие вопросы и ответы Хэнкс не поленился зачитать лично. И обвинил Каббина в том, что тот продал интересы профсоюза за членство в «Федералист-Клуб», большинство членов которого составляли воротилы бизнеса, ненавидящие черных точно так же, как ненавидел их Каббин.

— Подводя итог, — заключил Хэнкс, — я считаю необходимым потребовать от Дональда Каббина заявление об отставке. Такой человек не может возглавлять профсоюз. Я обвиняю Дональда Каббина не только в расовой неприязни, но и в пособничестве промышленникам, благодаря чему под угрозу ставятся права рядовых членов профсоюза. Если Дональд Каббин действительно представитель рабочих, о чем он неоднократно заявлял, он должен уйти в отставку, на благо профсоюза, на благо страны, для собственного блага. Из текста передачи совершенно ясно...

— Лучше бы ему сказать «абсолютно ясно», — прошептал корреспондент Ассошиэйтед Пресс на ухо репортеру «Уолл-стрит джорнел». — Прозвучало бы убедительнее.

— Почему бы тебе не пойти работать к Сэмми? — спросил репортер «Уолл-стрит джорнел». — Говорят, он хорошо платит.

— Я уже работал у психа, — ответил корреспондент Ассошиэйтед Пресс.

— ...Совершенно ясно, что Дональд Каббин попытается превратить наш профсоюз в комнатную собачку большого бизнеса, да еще гавкающую на черных. Этого не должно случиться. И этого не будет!

Сэмми Хэнкс закончил под жидкие аплодисменты нескольких своих сторонников, которые не знали, что на пресс-конференциях обычно не хлопают в ладоши.

— Кто пишет для Сэмми эту галиматью? — спросил корреспондент АП своего коллегу из «Уолл-стрит джорнел».

— Кажется, Микки Делла.

— Я так и думал.

— Почему?

— Только настоящий профессионал может все так изгадить.

Сэмми Хэнкс ответил на несколько второстепенных вопросов, на чем пресс-конференция, проводимая в большом зале отеля на углу Четырнадцатой и Кей-стрит, и закончилась. В вестибюль Сэмми Хэнкс спустился в компании грузного, седовласого мужчины с синими глазами, злобно блестящими за толстыми стеклами очков в металлической оправе. Отличали мужчину сигарета «Пэлл Мэлл», постоянно торчащая из угла рта под седыми усами, и заткнутая под мышку газета. Без сигареты и газеты его не видели нигде и никогда. Он выкуривал за день четыре пачки «Пэлл Мэлл», покупал все выпуски всех газет в тех городах, куда его заносила жизнь. Когда его спрашивали, почему он не может пройти мимо уличного продавца, не купив у него газету, ответ следовал простой: «Почему нет? Она стоит всего десять центов, а как еще можно купить за десять центов такую кучу дерьма?»

Звали мужчину Микки Делла. Если бы кто-то купил ему новый костюм, вывел никотиновые пятна с усов и избавил его от вечной сигареты в углу рта, он вполне бы сошел за владельца небольшой, но процветающей фирмы, президента маленького гуманитарного колледжа или даже за сенатора Соединенных Штатов, сохранившего

остатки здравого смысла.

Но к этим профессиям Микки Делла не имел никакого отношения. Он был пресс-секретарем, советником по контактам с общественностью, организатором различного рода кампаний, он не обращал внимания на то, как его называют, по праву считался одним из самых лучших специалистов и испытывал особое наслаждение, работая с такими клиентами, как Сэмми Хэнкс.

Делом своим он занимался добрых сорок лет, знал все входы и выходы и уже не мог существовать вне политики, точно так же, как наркоман — без очередной дозы полюбившегося ему зелья. Микки Делла жил политикой, ее слухами, сплетнями, домыслами.

Делла потерял счет различным кампаниям, которые ему доводилось вести после тридцать седьмого года, когда он разошелся с «Новым курсом»,²⁰ не из-за принципиальных соображений, а разногласий по оплате его трудов. Делла не позволял себе излишней принципиальности, но часто говорил: «Я никогда не работал на коммуниста и никогда не работал на фашиста, во всяком случае, на тех, кто прямо называл себя так, но в промежутке между этими крайними точками я работал практически со всеми».

Он вел кампании в Нью-Йорке, руководя сотней помощников, и в Вайоминге, где их не было вовсе, а ему и кандидату приходилось в пургу мотаться на автомобиле из Шеридана в Ламари.

Специализировался Делла и на кампаниях, организуемых различными движениями. На его счету их было не меньше двух десятков. Все они, разумеется, канули в Лету и остались разве что в памяти непосредственных участников. Они не имели национального размаха, потому что касались частных вопросов. Действительно, не всех интересовало, начнется ли разработка месторождения медной руды в Миссури-Вэлью или восстановят ли на работе в Федеральной комиссии по энергетике незаконно уволенного Леланда Олдса.

Спрос на услуги, оказываемые Деллой, превышал предложение, и стоили они недешево. В тридцатых годах он научился использовать радио, в пятидесятых — телевидение, и использовал очень умело, поскольку дополнительной рекламой его кандидату служили сердитые газетные статьи и передовицы, неизменно появляющиеся после показа рекламных роликов.

Но в душе Делла оставался газетчиком, любителем покопаться в чужом грязном белье, выставить напоказ грех и дурные поступки. Даже на закате жизни он остался при убеждении, что зло можно искоренить аршинными заголовками. Вот и с Сэмми Хэнксом Делла связался потому, что исход этой избирательной кампании решали газеты, а не радио и телевидение. Подобные кампании отмирали, так что Микки Делла, пожалуй, мог бы заплатить за то, чтобы поучаствовать в ней. До этого, правда, не дошло, но он согласился снизить сумму своего вознаграждения с шестидесяти шести тысяч семисот восьмидесяти девяти долларов до шестидесяти одной тысячи восьмисот двух. Делла всегда называл не круглые цифры, полагая, что подобная точность убеждает людей, которые платили по счету, что их денежки потрачены не зря.

Хэнкс и Делла шли чуть впереди, за ними следовала свита Хэнкса.

²⁰ Общее название экономических реформ, проведенных Франклином Делано Рузвельтом (1882–1945), тридцать вторым президентом США.

— Как вам моя пресс-конференция? — спросил Хэнкс, повернув к Делле свою уродливую физиономию.

— Наверное, многие приняли вас за ябеду.

— Господи, вы знаете, как поднять настроение кандидату.

— Вы платите мне не за то, чтобы я подбадривал вас.

— Но вы же можете дать профессиональную оценку? За это я как раз вам и плачу.

— Давайте сначала сядем. От всего этого стояния и хождения у меня отваливаются ноги.

Чего Микки Делла не любил, так это лишних телодвижений. Предложение прогуляться могло вогнать его в глубокую депрессию. Однажды он взял такси, чтобы перебраться на другую сторону улицы. В оправдание, конечно, можно сказать, что шел дождь, да и авеню Конституции одна из самых широких улиц Вашингтона.

У двери в гостиничный номер, служивший Хэнксу штаб-квартирой, он обернулся. Оглядел тех, кто следовал за ним.

— Почему бы вам, парни, не заняться чем-нибудь полезным. Цирк кончился.

— Ты отлично смотрелся, Хэнкс, — заметил один из мужчин.

— И приложил его как следует, — добавил второй.

— Старина Дон сегодня вечером лопнет от злости, — вставил третий.

Лишь один из шестерки не произнес ни слова, Говард Флиер, высокий, тощий, лет сорока, с большими карими, всегда грустными глазами. Он и стоял чуть в отдалении от остальных, как бы показывая, что не имеет ничего общего с ними и их неуклюжими похвалами боссу. Застенчивость Флиера не знала пределов, и более всего ему хотелось, чтобы его не замечали. Надо отметить, что ему это удалось, что и послужило главной причиной решения Сэмми Хэнкса взять Флиера секретарем-казначеем.

— Кажется, вы говорили, что вам нужен Флиер? — спросил Хэнкс Деллу.

— На минуту-две, не больше.

— Говард, пойдешь с нами. А вы, — это относилось к остальным, — можете расслабиться. Выпейте чего-нибудь, если хотите.

В комнате Хэнкс сел за стол, Делла развалился на диване, а Флиер так и остался стоять у двери, готовый выбежать вон, если кто-то на него цыкнет. Кандидатом на пост секретаря-казначее он стал потому, что по уставу профсоюза последний избирался в паре с президентом, а Хэнкс, учтя ошибку Каббина, остановил свой выбор на том, кто никогда не мог стать его конкурентом. Если же кто-то возражал против кандидатуры Флиера, исходя из того, что тот никогда не работал на заводе, Хэнкс обычно говорил: «А с чего у бухгалтера должны быть грязные руки?»

— А зачем вам понадобился Говард? — спросил Хэнкс у Деллы.

— Мне нужны пятьсот баксов, чтобы заплатить той девчужке из Кливленда.

— Я думал, что вы ей уже заплатили.

— Из собственного кармана, Сэмми.

— Дай ему пятьсот баксов, Говард.

Флиер кивнул, достал из внутреннего кармана пиджака туго набитый бумажник. Отсчитал пять сотенных и протянул Микки, который тут же засунул деньги в карман брюк. Убрав бумажник, Флиер вытащил маленький блокнот и что-то в нем записал.

— Что это ты делаешь? — спросил Хэнкс.

— Пометил вот для себя.

— Что?

— Пятьсот долларов, которые я дал мистеру Делле.

— Микки, — поправил его Делла. — Не так уж трудно звать меня Микки, а мне не нравится, когда казначей обращается ко мне мистер Делла. Становится не по себе.

— И что же ты записал? — любопытствовал Хэнкс. — Пятьсот долларов Микки Делле на взятку?

— На покрытие расходов, — ответил Флиер.

— Ты знаешь, на что потратил Микки эти деньги?

— Думаю, что да.

— На что?

— Чтобы получить информацию о письме Каббина Ричарду Гаммеджу.

— Не обольщайся, Говард. Микки дал взятку в пятьсот долларов девчужке, что работает в архиве «Гаммедж интернейшнл», с тем, чтобы она ксерокопировала письмо Каббина и отдала нам. А под нами подразумеваются я, Микки и ты. На это ушло пятьсот долларов, и я не хочу, чтобы ты делал насчет них какие-либо пометки.

— Но должны же мы вести учет, Сэмми.

— Нам абсолютно незачем вести учет тех денег, что идут на взятки.

— Я же никому не собираюсь показывать мои записи.

— Он знает, что делает, — вмешался Делла. — Ему же придется составлять расходную ведомость, так что не следует нам вмешиваться в его дела.

— Раз уж мы заговорили о деньгах, давайте разберемся с нашими финансами, — Хэнкс махнул рукой Флиеру. — Присядь, Говард.

Флиер переместился от двери к одному из складных стульев, сел на краешек, положил руки на колени, опасливо взглянул на Хэнкса. Вот таким же он сидит и на переговорах с администрацией предприятий, подумал Хэнкс. Его принимают за полного идиота, и вдруг он начинает сыпать фактами и цифрами, что для них полная неожиданность, как говорится, серпом по яйцам. А голос и вид у него такие, будто он извиняется за то, что серп затупился.

— Так что мы имеем? — спросил Хэнкс.

— Всего?

— Да.

— Пожертвования банков переведены в двадцать комитетов «Объединения ради прогресса». Комитеты малыми суммами, как мы и договаривались, переводят деньги нам. От них мы должны получить примерно триста двадцать пять тысяч долларов.

— Чем еще мы располагаем?

— Банк в Лос-Анджелесе обещал нам пятьдесят тысяч.

— Чего они тянут?

— Я должен дать им фамилии пятидесяти человек, которым представитель банка вручит по тысяче долларов. Затем эти деньги поступят в комитеты, как жертвования частных лиц.

— Ты определился с этими людьми?

— Да.

— На что еще мы можем рассчитывать?

— На сто тысяч долларов от тех, кто берет ссуды у нашего пенсионного фонда.

— Они наверняка дадут деньги?

— Наверняка.

— Это все?

— Двадцать семь с половиной тысяч собрали отделения профсоюза на местах. На большее рассчитывать не приходится.

— Что значит, на большее рассчитывать не приходится?

Флиер замялся. Нервно потер руки. «Я ненавижу личностные конфликты, — подумал он. — Терпеть не могу, когда люди кричат друг на друга, грубят. Я ненавижу эту парочку, потому что они упиваются грядущим конфликтом, и я не понимаю, почему. Господи, да лучше мне умереть». Обычно Флиер желал себе смерти раз десять на дню.

— Пожертвований от местных отделений или отдельных членов профсоюза больше не будет, потому что предвыборная борьба их не интересует.

— Мы их расшевелим, — подал голос Делла. — Мы заварим такую кашу, что они заинтересуются.

— Возможно, — Флиер, однако, остался при своем мнении.

— Так на какую сумму мы можем рассчитывать? — спросил Хэнкс.

— У нас чуть больше пятисот тысяч долларов, — ответил Флиер.

— Это все?

Флиер кивнул.

— Да, выше нам не прыгнуть.

Хэнкс посмотрел на Деллу.

— Вам этого хватит?

Микки Делла какое-то время изучал потолок, дымя сигаретой.

— Сколько вы собрали, столько я и потрачу.

Глава 16

Трумен Гофф покатил двухколесную тележку с ящиком сладкой кукурузы «Голден бэтмен» к левому прилавку «Сэйфуэя», отданному овощам и фруктам.

Гофф относился к своей работе серьезно и твердо верил, что деньги должен получать лишь тот, кто трудится. Гоффу нравилось раскладывать клубнику, свеклу, салат, шпинат, помидоры, сливы. «У нас много разных товаров, — как-то объяснял он жене. — И ты знаешь, когда поступает новый, надо прикинуть, куда и как его выставить, чтобы покупатель не прошел мимо».

Гофф снял ящик с тележки, поставил на пол, начал доставать из него упаковки, по двенадцать банок в каждой. Потом начал выкладывать их на прилавок, разрезая пленку острым ножом, чтобы покупателю не составило труда достать одну, две или три банки. Разрезка упаковки не входила в обязанности Гоффа. Делал он это лишь потому, что сам придумал эту услугу. Ответственное отношение к работе стало одной из причин того, что его повысили, назначив менеджером.

Расставив упаковки с банками кукурузы, Гофф покатил тележку к маленькому закутку, служившему кабинетом управляющему магазином. Открыл дверь, всунулся в кабинет.

— Я немного задержусь после ленча, Вирджил.

Вирджил поднял голову.

— На сколько?

— Минут на пятнадцать.

— Ладно.

— Я должен выкупить билет в Майами.

— Везет же некоторым, — и Вирджил вновь вернулся к бумагам.

Гофф закатил тележку в кладовую, снял белый халат, надел пиджак и вышел из

магазина. Сел в «торонадо», проехал семь кварталов, затем покружил в поисках свободного счетчика. Нашел, припарковал машину и зашагал к представительству «Юнайтед эйр лайнс».

— Вы получили заказ на один билет до Чикаго на воскресенье от Гарольда Эф. Лоуренса? — спросил он девушку за конторкой.

— Один момент, мистер Лоуренс.

Несколько секунд спустя она протянула ему уже заполненный билет.

— Расплатитесь наличными или по кредитной карточке?

— Наличными.

— С вас пятьдесят один доллар, — улыбнулась девушка.

Гофф протянул ей измятую сотенную, получил сдачу и еще одну улыбку.

— Позвольте поблагодарить вас за то, что вы летите с «Юнайтед».

Гофф кивнул, попрощался и вернулся к «торонадо». Проехал еще двенадцать кварталов, вновь нашел свободный счетчик. Автостоянки он не жаловал, во-первых, потому, что там драли три шкуры, а во-вторых, полагая, что многие только и думали, как бы поцарапать или помять дорогую машину.

На этот раз он зашел в магазин спортивных товаров и купил коробку патронов с мягкой гильзой для ружья тридцатого калибра. Пакет с коробкой патронов и авиабилетом до Чикаго он положил в багажник. Туда его жена никогда не заглядывала.

Перекусил Гофф в «Макдональдсе», заказав два двойных чизбургера и шоколадный молочный коктейль. Поев, зашел в телефонную будку, бросил в щель десятицентовик, набрал 0, а когда телефонистка взяла трубку, сказал, что хочет поговорить с мистером Дональдом Каббином, но не знает его номера. Мистер Каббин скорее всего на работе, так что ей лучше поискать телефонный номер его профсоюза.

— Приемная мистера Каббина, — наконец раздалось в трубке.

— С мистером Каббином хотят поговорить по межгороду, — голос телефонистки.

— Могу я спросить, кто хочет с ним поговорить?

— Мистер Уилсон, — ответил Гофф.

— К сожалению, мистера Каббина нет в Вашингтоне, но, если мистер Уилсон оставит свой номер, мистер Каббин обязательно ему перезвонит.

— Мне нужно связаться с ним сегодня, — вставил Гофф.

— Нет ли другого номера, по которому можно найти мистера Каббина? — спросила телефонистка.

Женщина-секретарь ответила, что нет проблем, мистер Каббин в Чикаго, в отеле «Шератон-Блэкстоун», где его можно будет найти в ближайшие два-три дня. Затем продиктовала телефонистке номер.

— Вы хотите, чтобы я соединила вас с Чикаго? — спросила телефонистка Гоффа.

— Не надо, — ответил тот. — Я позвоню ему позже.

Гофф повесил трубку, подождал, пока десятицентовик скатится в окошко выдачи, и направился к своей машине. В «Нью-Йорк таймс» написали правду, сказал он себе, но газетчиков всегда надо проверять, потому что врут они, не стесняясь. Теперь он знал наверняка, что в воскресенье и понедельник Каббин будет в Чикаго. Он прилетит туда в воскресенье и возьмет билет в Майами на понедельник. Трумен Гофф уже бывал в Чикаго, но не в Майами, а потому предстоящая поездка вызывала у него только положительные эмоции.

Глава 17

Руки Дональда Каббина уже начали дрожать, когда в пятницу, в час дня, он и Келли поднимались в лифте в номер Уолтера Пенри в отеле «Хилтон». Каббин засунул руки глубоко в карманы, а когда лифт остановился на четырнадцатом этаже, повернулся к сыну.

— Почему бы тебе не подождать меня здесь? Мне надо спуститься и купить сигару.

— Перестань, чиф, — отмахнулся Келли.

— Послушай, сынок, мне действительно хочется выкурить сигару.

Келли посмотрел направо, налево, убедился, что в коридоре ни души, достал полпинтовую бутылку «Выдержанного» и протянул отцу.

— Подарок от Фреда Мура. Он сказал, что тебе это может понадобиться.

Каббин с жадностью схватил бутылку, огляделся. В коридоре по-прежнему никого не было. Посмотрел на сына.

— Ты знаешь, что это?

— Бербон.

— В неловкое ты ставишь меня положение. — Он открутил пробку, поднес бутылку ко рту, трижды глотнул.

— У тебя даже порозовело лицо, — Келли взял у него бутылку.

— Какой же отец может вот так вести себя при сыне? — покачал головой Каббин.

— Тот, кому хочется выпить.

На стук Каббина Уолтер Пенри открыл дверь и широко улыбнулся отцу и сыну.

— Как поживаешь, Дон? — он крепко пожал руку Каббина.

— Нормально. Ты вроде бы не знаком с моим сыном, Келли.

— Нет, но я много слышал о нем, и только хорошее. — Келли и Пенри обменялись рукопожатием, оценивающе смерив друг друга взглядом. «Парень-то поумнее отца, — подумал Пенри, — так что возможны осложнения». «Не нравится мне этот скользкий тип», — отметил Келли, сухо улыбнувшись.

Затем Каббин пожал руки парням, как всегда называл их Пенри, — тридцатисемилетнему Питеру Мэджари и сорокапятилетнему Теду Лоусону. Пенри представил им Келли, которому парни понравились ничуть не больше их шефа. «Старик попал в плохую компанию, — подумал он. — Этот тощий, с короткой стрижкой, мог бы сыграть роль майора СС в фильме о второй мировой войне. А этот широкоплечий, с сонной улыбкой, — наемного убийцу, обожающего свою работу». Келли всегда подбирал роли людям, которые ему не нравились. Каким-то образом это помогало ему запоминать лица и фамилии. «Что касается тебя, — подумал он, когда Пенри протянул ему полный стакан, — то твое место в фильме о ФБР, где ты будешь постоянно тереться у телефона и говорить всем, что ход этого расследования директор держит под личным контролем».

— Кажется, ваш отец говорил мне, что вы служите в вашингтонской полиции, — заметил Пенри.

— Он подал заявление об уходе, — ответил Каббин, прежде чем Келли успел открыть рот.

Тот не стал поправлять отца.

«Это значит, что его вышибли, и, готов спорить, я знаю, почему», — подумал Пенри.

— Что ж, Дон, тогда получается, что в этой комнате ты единственный, кто не

служил в правоохранительных органах. Я провел в ФБР одиннадцать лет, за что мистер Гувер отблагодарил меня крепким рукопожатием. Питер пять лет работал в ЦРУ, а Тед служил в налоговой полиции. Семь лет, не так ли, Тед?

— Восемь, — поправил шефа Тед Лоусон.

— Тебе нравилась служба в полиции, Келли? — спросил Пенри.

— Очень, — ответил Каббин-младший.

— Вы ушли с работы для того, чтобы помочь отцу?

— Что-то в этом роде.

— Если исходить из того, что я слышал, Дон, тебе действительно потребуется помощь.

Каббин насупился.

— Я не знаю, где ты черпаешь информацию, но похоже, что у Сэмми.

— Перестань, Дон. Ты понимаешь, мы прилетели сюда не для того, чтобы дурачиться. Сэмми серьезно подготовил свою предвыборную кампанию.

— И вчерашняя передача, — Питер Мэджари дважды цокнул языком, — сыграла ему на руку.

— Одна передача не решает исход кампании, — отрезал Каббин.

— Именно об этом мы и хотели поговорить, — мягко заметил Пенри. — О твоей предвыборной кампании и о том, чем мы можем помочь. Но сначала неплохо бы перекусить.

Ленч им подали в номер. Келли позаботился о том, чтобы отец смог запить салат и бифштекс двойным бербоном. Во время еды Уолтер Пенри рассуждал о судьбах страны и мира, причем Келли пришел к выводу, что под некоторыми утверждениями Пенри не без удовольствия расписался бы и Аттила. Келли уже подумывал о том, чтобы поддеть Пенри, от самоуверенности которого уже начинало тошнить, когда тот повернулся к Каббину.

— Мы с тобой, Дон, всегда мыслили одинаково и...

— Что? — Каббин оторвался от стакана, уже опустевшего на три четверти.

— Я говорю, что мы всегда мыслили одинаково.

— Уолтер, ты хороший парень, но иной раз несешь такую чушь.

Пенри решил дать задний ход.

— Разумеется, у каждого свой взгляд на вещи, но обычно мы оказываемся по одну сторону баррикад.

Каббин теперь смотрел на Пенри. «Я ему ничего не должен, — сказал он себе. — Наоборот, он у меня в долгу. Так что мне нет нужды выслушивать его пустопорожние разглагольствования».

— Ты знаешь, чем я занимался последние пятнадцать минут, Уолтер? Слушал всю эту белиберду, которой ты нас потчевал, и думал, как может взрослый человек говорить такие глупости? Верить-то в них просто невозможно.

— Знаешь, Дон, для того, чтобы быть друзьями, необязательно соглашаться во всем.

— Да при чем здесь дружба? Среди моих лучших друзей есть круглые идиоты.

— А с чем конкретно вы не согласны, Дон? — Мэджари, как обычно, интересовали детали, особенно те, что провоцировали конфликт.

— Со всем, — ответил Каббин. — Меня никто не называет либералом, во всяком случае, с пятидесят второго года, когда я поддержал Эйзенхауэра, а не Стивенсона. Сомневаюсь, чтобы сегодня я поступил бы так же, но тогда я думал, что Аик лучше

справится с обязанностями президента. И не моя вина, что эта работа оказалась ему не по плечу. Мне это не прибавило популярности. И я уже не получал приглашений из Белого дома, когда в шестьдесят четвертом начал протестовать против войны во Вьетнаме. А теперь позвольте сказать, что побудило меня пойти на это. Я не разбираюсь в военных или иностранных делах, но вот считать я умею неплохо. А потому заглянул в бухгалтерские книги. Философия у меня простая, возможно, кто-то в наши дни сочтет ее устаревшей. Я верю в то, что в нашей стране каждый должен иметь достаточно еды и одежды, крышу над головой, возможность получить образование и врача, к которому можно обратиться в случае болезни. Это должно быть у всех, наравне с воздухом, которым мы дышим. Понять это не трудно?

— Ты очень ясно все излагаешь, чиф, — улыбнулся Келли.

— Так вот, я заглянул в бухгалтерские книги, сравнил дебет с кредитом и понял, что нам надо выбирать: или страна с высоким уровнем жизни для всех, или война в Юго-Восточной Азии. А вместе не получалось. Не хватало денег. Я решил, что лучше уж нам всем жить богато, о чем прямо и сказал. И потом постоянно твердил об этом. Джордж Мини так разозлился, что шесть месяцев не разговаривал со мной. И заговорил вновь лишь потому, что ему потребовалась какая-то услуга. Два года я один выступал против войны, не считая чокнутых и наркоманов, пока наконец общество не сочло борьбу против вьетнамской войны respectable занятием. И поверь мне, Уолтер, пятидесятипятилетнему мужчине далеко не в радость внезапно стать любимчиком этих леваков и длинноволосых хиппи, но, видит Бог, я им стал. Я даже получил письмо от Нормана Мейлера.

— Тогда я не соглашался с тобой, Дон, — подал голос Пенри, — но, как ты помнишь, отмечал твое мужество.

Каббин усмехнулся.

— Ты говорил, что я совершаю глупейшую ошибку.

— Теперь-то мы все в одной команде. По крайней мере, в вопросе о вьетнамской войне.

— Может, нам лучше поговорить о другой войне, в которой нам только предстоит поучаствовать? — предложил Мэджари.

Но Каббин еще не закончил.

— Знаете, что говорит сейчас Сэмми? Утверждает, что именно он убедил меня выступить против вьетнамской войны. Да в шестьдесят пятом году этот безмозглый кретин понятия не имел, где находится Вьетнам. Знаете, что я сделал, когда умер Старик Фелпс? Я покопался в его сундучке и назначил секретарем-казначеем самого заштатного, никогда не высывающегося регионального директора, поверив в его болтовню о личной преданности. Черт, именно я вытащил Сэмми с завода в Шенектади и назначил инструктором. Двенадцать лет тому назад Сэмми работал на гидравлическом прессе и получал два доллара семьдесят шесть центов в час. И был счастлив, потому что раньше ему платили еще меньше. Он с трудом закончил школу и какой-то вечерний колледж и, если бы не я, по-прежнему вкалывал бы на своем заводе. Я научил этого уroda всему, что он знает, а теперь он хочет сесть на мое место и говорит всем, что я потерял связь с рядовыми членами профсоюза.

Келли решил вмешаться до того, как виски и злость утянут отца в пучину жалости к самому себе.

— Ты забыл научить Сэмми только одному.

— Чему же?

— Благодарности.

«Ты слишком много болтаешь, — сказал себе Каббин. — Пусть поговорят и они».

— Да, ты прав. Он не знает, что такое благодарность.

— Тогда, Дон, ему стоит преподать еще один важный урок, — вставил Мэджари.

— Какой?

— Научить его сохранять достоинство при поражении.

Каббин улыбнулся.

— Я бы хотел преподать ему этот урок. Очень хотел.

— Думаю, мы можем тебе в этом помочь, — заметил Пенри.

— Я же говорил тебе, Уолтер, у нас нет денег.

— Заботу о деньгах предоставь нам. Я уверен, что мы их добудем.

— Откуда?

— У тебя много друзей, Дон, которые не хотят, чтобы ты уходил, а еще больше тех, кто готов тебе помочь, если их попросят об этом. Этим мы и займемся — попросим их.

— Кого? — уж Каббин-то знал, что никаких друзей у него нет.

— Скажем так, это твои друзья, которые хотят остаться друзьями. И они полагают, тебе нет нужды знать, что ты у них в долгу.

— И сколько же я им задолжаю?

— Триста, может, четыреста тысяч, — ответил Пенри. «Эти деньги, — подумал он, — ты получишь на руки. Остальные я потрачу, как сочту нужным».

— Господи! — выдохнул Каббин. — Так много?

— Да.

— Это чистые деньги?

— Да, разумеется. Но от анонимных дарителей.

— Что же мне делать? Уолтер, я не верю ни в каких друзей.

— Мне неприятно это слышать, потому что они действительно твои друзья. И от тебя им ничего не нужно. Лишь бы ты остался на своем месте.

— Никаких обещаний?

— Абсолютно никаких.

— А в чем твоя заинтересованность, Уолтер? Ты же за просто так и пальцем не шевельнешь.

— Твои друзья оплатили мои услуги, так что теперь я в полном твоём распоряжении. Мы готовы тебе помочь, Дон, если ты этого захочешь.

— У меня уже есть руководитель предвыборной кампании и специалист по ее организации, то есть по контактам с общественностью.

— Мы это знаем, — кивнул Мэджари. — И не хотим участвовать в вашей кампании на этом уровне.

— Какой же уровень вас интересует, господа? — любопытствовал Келли.

— Прокрути нам пленку, Тед, — Мэджари повернулся к Лоусону.

Тот кивнул, поднялся, подошел к магнитофону.

— Включать?

— Одну минуту, — остановил его Пенри. — Келли, вы вот спросили, какой уровень нас интересует, и, должен признать, это очень важный вопрос. Мы не будем вмешиваться в реализацию намеченной стратегической линии кампании. Для этого у Дона есть компетентные исполнители. Свою задачу мы видим в подборе материала, который можно использовать по ходу кампании. Мы также возьмем под плотную опеку наших противников, чтобы предугадать их последующие ходы и заставить

ошибаться. Кампания будет короткой, но грязной. И наша задача состоит в том, чтобы не вылить на них больше грязи, чем они выльют на нас. А теперь включай магнитофон, Тед.

Тед Лоусон нажал на кнопку, но какое-то время из динамиков доносились непонятные звуки.

— Не узнаешь? — спросил Пенри.

Каббин покачал головой.

— Ты часто их слышал. Работает ксерокс. Когда несколько дней тому назад встал вопрос о нашем участии в этой кампании, я предложил парням разобраться, что к чему. Они меня не подвели. Питер выяснил, что в паре номеров мотеля неподалеку от Вашингтона творится кое-что интересное. А Тед позаботился о том, чтобы зафиксировать происходящее на магнитофонную пленку. В порядке накопления информации.

Ксерокс остановился.

— Тысяча, — мужской голос.

— Сколько мы уже сделали? — другой голос.

— В этой кипе пятьдесят тысяч.

— Да, хотел бы увидеть лицо Дона, когда он будет это читать.

— Написано круто. Кофе еще есть?

— Да, по-моему, что-то осталось.

— Тогда выпью чашечку, прежде чем продолжить.

— Выпей, конечно, кофе еще горячий.

— Знаешь, чего я не могу понять?

— Чего?

— Почему Барнетт так ополчился на Каббина?

— Я слышал, ноги растут из далекого прошлого. Вроде бы он уже пытался скинуть Каббина, в пятьдесят пятом или пятьдесят шестом.

— Барнетт?

— Да.

— И чем это закончилось?

— Не знаю. Тогда меня в профсоюзе не было. Но, наверное, ничего у Барнетта не вышло, раз Каббин по-прежнему президент.

— Этот Каббин забавный тип. Ты с ним встречался?

— Да, доводилось. Всегда под балдой.

— А смотрится неплохо. Я хочу сказать, по телевизору.

— Он носит парик.

— Не врешь?

— Носит. Я слышал, он купил его за тысячу баксов в Голливуде. В том же месте, где их делают голливудским звездам.

— Но Барнетту он крепко насолил. Он же тратит много денег. Нам с тобой платит здесь, Хеплу и Карпински в Лос-Анджелесе, Джо Джеймсу и Мюррею Флетчеру в Чикаго. А еще этому парню в Кливленде...

— Филдсу. Стэну Филдсу.

— Да, Филдсу. Он что, еврей?

— Откуда мне знать?

— Представляешь, платить семерым. Должно быть, это влетает ему в тысячу баксов в день.

— Больше.

— Да, больше. А когда мы начнем развозить эти бумажки, расходы вырастут вдвое.

— Слушай, я думаю, нет такого закона.

— Какого?

— Запрещающего президенту одного профсоюза скинуть президента другого.

— По-моему, нет.

— Вот и слава богу. Кофе еще есть?

— Чуть-чуть.

— Спасибо. Очень все это похоже на войну. А что ты думаешь о Хэнксе?

— А чего мне о нем думать?

— Он лучше Каббина?

— Барнетт так думает, но вот что я тебе скажу. Когда поднимаешься достаточно высоко и начинаешь получать сорок или пятьдесят тысяч в год, плевать тебе на рядовых членов профсоюза. Хотя все стараются показать, что это не так. Я ничего не знаю об этом Хэнксе, за исключением того, что он и Барнетт о чем-то договорились, иначе мы не работали бы на Хэнкса.

— Да, поднявшись высоко, никто из них о нас и не вспоминает.

— Это уж точно.

— Наверное, пора браться за новую партию. Будешь работать на ксероксе или укладывать листы в коробки?

— Поработаю на ксероксе.

— Как скажешь.

Послышались шаги, заработал ксерокс, на том запись и закончилась. Лоусон включил перемотку пленки, в то время как взгляды остальных скрестились на Каббине. Лицо его побледнело, губы плотно сжались.

— Этот сукин сын, — процедил он.

— Барнетт уже пытался тебя скинуть, не так ли, Дон? — спросил Пенри.

— В пятьдесят пятом.

— Запись мы отредактировали, Дон, — пояснил Лоусон. — В основном они говорили о женщинах.

— Вы выяснили, кто они?

Лоусон кивнул.

— У меня есть их фамилии и образец той продукции, что выпускает их ксерокс. Я также сфотографировал обе комнаты мотеля и их, входящих и выходящих из номера. Так что у нас необходимые улики имеются.

Каббин повернулся к сыну.

— Келли, позвони Одри и скажи, чтобы она нашла в Вашингтоне Барнетта. Пусть передаст, что я хочу встретиться с ним во вторник в одиннадцать утра. Скажи ей, что я не потерплю никаких разговоров о переносе встречи. Она знает, как надавить на секретаря Барнетта или на его помощников.

— А если Барнетт во вторник будет в отъезде? — спросил Келли.

— Лучше бы ему в этот день не отрывать задницу от кресла. Передай Одри мои слова. Не волнуйся, она знает, как все устроить.

Когда Келли пошел к телефону, Каббин посмотрел на Пенри.

— У вас есть портативная машинка, которую можно носить в «дипломате»? Которую можно включить нажатием одной кнопки? Во вторник я собираюсь порадовать Барнетта короткой речью. И не хочу портить произведенный ею эффект

лишней суетой с пленкой.

«Артист всегда артист», — подумал Пенри.

— Ближе к вечеру мы придем в твой отель портативный магнитофон с пленкой, так что во вторник тебе останется лишь нажать на кнопку.

— А что вы собираетесь сказать Барнетту? — спросил Мэджари, никогда не упускавший случая разжиться дополнительной информацией.

— Сказать ему?

— Да.

Каббин встал.

— Сначала я скажу ему, кто он такой, а потом разобьюсь, что вколочу ему голову в плечи и он будет смотреть на меня сквозь грудную клетку.

Вернулся Келли.

— Одри уже звонит в Вашингтон.

Каббин кивнул, оглядел Пенри и его помощников.

— Полагаю, парни, что вы в деле. Благодарю.

— Мы с радостью поможем тебе, Дон, — улыбнулся Пенри.

Каббин вновь кивнул.

— Спасибо вам. А раз вы будете разбираться, что к чему, я попрошу вас еще об одном одолжении.

— Каким?

— У меня есть предчувствие, что мне хотят подложить свинью.

— Где?

— Здесь, в Чикаго. Мне кажется, они попытаются подтасовать результаты выборов. Ты бы попытался, оказавшись на месте Сэмми?

Уолтер Пенри медленно кивнул.

— Да, попытался бы наверняка.

Глава 18

Сэйди Каббин лежала на боку в номере девятьсот восемнадцать отеля «Шератон-Блэкстоун» и смотрела на похрапывающего во сне Мура. «Он это заработал, — думала она. — Последние четыре месяца он удовлетворял меня раз, два, а то и три в день, так что теперь может и похрапеть».

Она потянулась к пачке сигарет, достала одну, закурила, вновь посмотрела на Мура. «Наверное, поначалу он это делал, чтобы ублажить Дона, а не меня, — думала она. — Он трахал меня, потому что Дон не мог этого делать, полагал, что это входит в его обязанности, так же как вызов лифта или укладывание Дона в постель. Вы слишком пьяны, чтобы оттрахать жену, босс? Еще одна маленькая проблема, решение которой сущий пустяк». Поначалу Фред просто обслуживал ее, но со временем ситуация изменилась, так что после выборов все может вырваться из-под контроля. Бедный, невежественный, красивый, хитрый, сексуальный Фред Мур влюбился в жену босса, а она позволяет ему любить себя, потому что сейчас ей это нужно. Он думает, что так будет продолжаться и после выборов, когда схлынет напряжение избирательной кампании. Дон наверняка знает. Не обманывай себя, Сэйди, разумеется, он знает, должен знать. Потому и не позволил отослать Мура. Он знает, что жене нужна мужская ласка, а раз он не может дать ее сам, пусть она получает то, что ей нужно, от человека, не представляющего для него никакой угрозы. «Господи, ну и

ситуация. Все было хорошо, пока он крепко не налег на спиртное. Нет, не так уж и хорошо, но терпимо. Тебя трахали дважды в неделю, иной раз и трижды. А теперь дважды, а то и трижды в день. Пока что волноваться не о чем. Волноваться будем потом, после выборов. Господи, как я хочу, чтобы Дон проиграл. Пожалуйста, Боже, сделай так, чтобы он проиграл».

Фред Мур открыл глаза и посмотрел на Сэйди.

— Я заснул.

— Я знаю. Я наблюдала за тобой.

— Который час?

— Три с небольшим.

— Надо вставать. Он обещал вернуться к половине четвертого.

— Какие у него планы на этот вечер?

— У него две встречи. В Калумет и Гэри.

— Значит, пора одеваться.

Фред Мур улыбнулся Сэйди, провел рукой по ее телу.

— Несколько минут у нас есть.

Она задрожала.

— Боюсь, что нет, дорогой, — прошептала она, придвигаясь к нему.

В четыре часа Дональд Каббин закончил чтение служебной записки Чарлза Гуэйна. Посмотрел на Оскара Имбера.

— Ты это читал?

— Да.

— И что ты можешь сказать?

— Я думаю, что отлично. Развернутая программа действий, которую можно реализовать, имея миллион долларов.

Каббин повернулся к Чарлзу Гуэйну, развалившемуся на диване.

— А теперь скажите, сколько здесь лишнего?

— Немного.

— Перестаньте, уж наверняка где-то что-то можно урезать.

— Возможно, удастся снизить расходы до восьмисот тысяч.

— У нас все равно нет восьмисот тысяч, — вставил Имбер. — Если и наберем, то половину.

— Есть, — возразил Каббин.

Имбер вытаращился на него.

— Что значит есть?

Каббин улыбнулся.

— Сегодня днем я раздобыл четыреста тысяч. И, возможно, смогу выжать из них еще двести. Этого хватит, считая деньги, которые уже были у нас.

Имбер поднялся с кресла.

— И где же вы их раздобыли?

— Мне их дали друзья.

— Кто именно?

— Уолтер Пенри.

— Господи, — Имбер рухнул обратно в кресло.

— Это чистые деньги.

— Ерунда, — отмахнулся Имбер.

— Так Пенри участвует в вашей кампании? — спросил Гуэйн.

— Он будет нам помогать.

— Тогда я подаю вам заявление об уходе.

— Это еще почему?

— Я не буду работать с Пенри.

— Почему? Чем вам не угодил Уолтер Пенри?

— Скользкий он тип, вот чем. Я не желаю выслушивать его поучения и не хочу видеть этого иисусика, что работает на него.

Имбер искоса глянул на Гуэйна.

— Ты про Питера Мэджари?

— Jawohl! — Гуэйн выбросил руку в нацистском приветствии. — Ты его знаешь?

Имбер кивнул.

— И Мэджари, и Пенри.

Гуэйн встал.

— А так хорошо все начиналось.

— Сядь, Чарли, — остановил его Имбер. — Давай сначала все выслушаем. Если все окажется, как ты и предполагаешь, я уйду вместе с тобой, — Имбер посмотрел на Каббина. — Расскажи, как обстоят дела.

— Не должен я тебе ничего рассказывать! — взревел Каббин. — Хотите уходить — скатертью дорога. Все остальные уже сбежали. Мне шестьдесят два года, но я смогу провести избирательную кампанию, если захочу, и мне нет нужды опираться на людей, которые грозят уволиться только потому, что мне будет помогать кто-то еще. Вы мне не нужны! Никто мне не нужен!

— Успокойся, чиф, — подал голос Келли, сидящий в углу. — Лучше поделись с ними тем, что сказал тебе Пенри.

— Ты был с ним, Келли? — спросил Имбер.

— Да.

— И что ты об этом думаешь?

— О чем?

— О предмете нашего разговора, черт побери.

— У меня такое ощущение, что вы все впали в детство. Честное слово. Пенри предлагает вам деньги. Клянется, что деньги чистые, и он за них ничего от вас не требует. Заявляет, что не будет вмешиваться в предвыборную кампанию. Ставит перед собой одну задачу: противодействие нашему сопернику. Предлагает вылить на него больше грязи, чем его помощники смогут вылить на нас. Хотя я встретился с ним впервые, у меня сложилось впечатление, что ему это вполне по силам. Так что с детскими обидами надо бы повременить.

— Хорошо, Дон, — Имбер повернулся к старшему Каббину. — Давайте начнем сначала.

— Если вы решили увольняться, дверь перед вами.

— Из-за этой кампании нервы у всех на пределе, Дон. Лучше расскажите нам о деньгах.

— Келли уже все сказал. На нас не накладывают никаких обязательств.

— А потом?

Каббин покачал головой.

— Никаких. Ни теперь, ни потом.

— Кто их дает?

— Деньги?

— Да, деньги.

— Не знаю. По словам Пенри, какие-то мои друзья.

Имбер покачал головой.

— А вы что думаете? Кто действительно их дает?

Каббин вздохнул.

— Я хотел бы выпить.

Имбер взглянул на Келли, тот коротко кивнул.

— Я принесу.

Келли поднялся, прошел в примыкающую к гостиной спальню. Сэйди сидела в кресле с журналом в руках.

— Как дела? — спросила она.

— Нормально, — Келли налил в стакан бербон, добавил воды.

— Твой отец в порядке?

— До вечера продержится.

Келли вернулся в гостиную, протянул отцу полный стакан.

Каббин жадно выпил.

— Ты хочешь знать, что я думаю?

— Совершенно верно, — подтвердил Имбер.

— Так вот, нет у меня друзей, готовых выложить четыреста, пятьсот или шестьсот тысяч за мое переизбрание. Я полагаю, таких друзей нет ни у кого. Поэтому остается лишь один источник.

Имбер кивнул.

— И я того же мнения.

— Какой? — спросил Гуэйн.

— Деньги промышленников, — ответил Имбер.

— Скорее всего, — буркнул Каббин.

— Но вы не уверены? — спросил Имбер.

— Что значит не уверен? — взвился Каббин. — Я чертовски в этом уверен!

— Нет, насколько вам известно, это деньги, собранные вашими друзьями, — Имбер повернулся к Гуэйну. — Тебе без разницы, откуда взялись эти деньги, так?

Гуэйн пожал плечами.

— Я их только трачу, но я не хочу, чтобы Уолтер Пенри или этот нацист в шинели указывали мне, как я должен их потратить.

— Насчет Питера вы ошибаетесь, — усмехнулся Каббин. — Он у нас либерал.

— Я не собираюсь с вами спорить, Дон. Но сразу хочу сказать, что подчиняться приказам Пенри или Мэджари не буду.

— А деньги их возьмешь? — спросил Имбер.

Гуэйн пожал плечами.

— А если это будет предложение или идея, а не приказ? — добавил Келли.

— Если это предложение или идея дельные, мне плевать, кто их высказал.

— Так вот, — продолжил Келли, — из нашей первой встречи с этими ребятами я понял, что недостатка в идеях и предложениях не будет, — он посмотрел на отца. — А не прослушать ли им пленку, чиф?

Каббин кивнул.

— Да, пусть прослушают. Потом они поймут, что Пенри нам просто необходим. Что без него нам надо сразу выбрасывать белый флаг. Включи магнитофон, Келли.

Келли Каббин подошел к столику, на котором стоял портативный магнитофон «сони», который привезли вскорости после их возвращения из «Хилтона». Нажал кнопку, и гостиную наполнил звук работающего ксерокса.

Каббин наблюдал, как мрачнели лица Гуэйна и Имбера. Наверное, им не приходилось играть в столь жесткие игры. А это всего лишь начало. Дальше-то будет куда хуже, потому что Сэмми жаждал победы, а поражение оборачивалось для него полным крахом. Господи, да когда же он последний раз так страстно чего-то хотел? Наверное, лишь в Питтсбурге, когда его так и подмывало прыгнуть в автобус, который увез бы его в Голливуд. Чего-то хотелось и потом, но все его желания удовлетворились куда с большей легкостью. «Да, хочется переизбраться в последний раз, — думал он, — но не убиваться же мне из-за поражения. А может, оно будет и к лучшему. Для меня и Сэйди. С Сэйди надо бы объясниться. Сказать ей, что после выборов все наладится. Господи, Каббин, хорошенькую ты заварил кашу».

Пленка закончилась. Гуэйн и Имбер сидели мрачнее тучи. На губах Каббина играла циничная улыбка.

— Удивлен? — спросил он Имбера, когда тот наконец поднял на него глаза.

Имбер кивнул.

— И что вы намерены делать?

— Во вторник встречусь с Барнеттом.

— Что вы ему скажете?

— После того, как заткну эту пленку ему в глотку?

— Да.

— Не знаю. Но думаю, мне будет что сказать.

Имбер повернулся к Гуэйну.

— Скажи ему об этом.

— О чем? — переспросил Каббин.

— Телеграфные агентства хотят услышать ваш ответ на требование Сэмми.

— А что Сэмми потребовал?

— Сегодня он провел в Вашингтоне пресс-конференцию.

— И что?

— Потребовал, чтобы вы ушли в отставку.

Каббин фыркнул.

— Господи, я уж подумал, он сказал что-то важное.

Глава 19

Актовый зал в школе Калумет-Сити с трудом вместил две тысячи семьсот одиннадцать человек, членов профсоюза, их жен и подружек, пожелавших заплатить один доллар и поучаствовать в лотерее, единственным призом которой была новенькая яхта с фибергласовым корпусом стоимостью шесть тысяч четыреста девяносто девять долларов. Яхта на специальной тележке красовалась в данный момент на сцене, рядом с сине-белым флагом штата.

Дональд Каббин прибыл в школу на черном «олдсмобиле». Фред Мур сидел за рулем, Дон — рядом с ним, а Оскар Имбер, Чарлз Гуэйн и Келли Каббин расположились на заднем сиденье. По звонку Фреда Мура чикагская полиция предоставила патрульную машину. От отеля «Шератон-Блэкстоун» до Калумет-Сити она ехала впереди, поблескивая включенным «маячком», а за квартал до школы

включила сирену, дабы все знали о прибытии важной персоны.

Пока функционеры местного отделения профсоюза приветствовали Каббина, Фред Мур подошел к патрульной машине. Протянул руку сидящему за рулем копу.

— Спасибо, парни.

Коп почувствовал ладонью сложенные купюры и улыбнулся.

— Всегда готовы помочь, мистер Мур, — скосив глаза, увидел, что Мур сунул ему две двадчатки. — Если хотите, мы можем покрутиться вокруг. На случай, что понадобится вам.

— Да нет, дорогу назад мы найдем и сами, — ответил Мур.

— Спасибо вам.

— Пустяки.

Отойдя от машины, Мур записал в блокноте: «Полицейский эскорт, 75 долларов». А затем присоединился к Каббину и обступившим его профсоюзным функционерам.

— Вы чертовски хорошо выглядите, — уже в четвертый раз говорил Каббину президент местного отделения.

— А чувствую себя еще лучше, Гарри, намного лучше. Народу собралось много?

— Полный зал. Ни одного свободного места.

— Каков распорядок?

— Вы у нас главная звезда, как я и говорил. Других выступающих не будет, я только представлю вас. Разумеется, мы должны отдать должное традициям, а потому парень, который в свое время пел с Фредом Уэрингом, исполнит с нами «Звездно-полосатый флаг»,²¹ потом я представлю вас и вы произнесете речь.

— И когда он пел с Уэрингом? — спросил Каббин.

— Я думаю, в сороковом или сорок первом.

— А чем он занимается теперь?

— Преподает музыку в школе и поет за похоронах и свадьбах. Я думаю, ему за шестьдесят, но поет он по-прежнему здорово.

Через боковую дверь и по коридору Каббина провели за сцену. Местные функционеры пытались держаться как можно ближе к президенту профсоюза.

Войдя в зал, Гуэйн увидел, что все три национальные телекомпании уже подготовили к работе необходимое оборудование. Рядом со сценой стояли три журналиста. Гуэйн направился к ним.

— Добро пожаловать в Калумет-Сити, господа.

— Мы все дрожим от нетерпения, — сказал репортер Си-би-эс, когда Гуэйн пожимал ему руку.

Затем он обменялся рукопожатием с его коллегами из Эй-би-си и Эн-би-си.

— Я думал, ты в Гватемале или еще Бог знает где, — улыбнулся он репортеру Эй-би-си.

— А там я уже побывал, а теперь в наказание меня послали сюда. Экземпляр речи у тебя есть?

— Держите, — Гуэйн раздал каждому по два экземпляра. — Самые яркие места отмечены на полях, на случай, что вам не захочется читать все.

— Кто ему пишет речи? — любопытствовал репортер Эн-би-си.

— Речи Дон пишет сам. Сидит всю ночь и скрипит гусиным пером по пергаменту. Я думал, вы это знаете.

²¹ Гимн Соединенных Штатов Америки.

— Как-то запамятовал, — ответил репортер Эн-би-си, проглядывая текст речи. — Где ответ Сэмми?

— В речи нет ничего. Он, возможно, скажет об этом в самом начале.

— Он говорит что-нибудь еще?

— Да, упоминает о том, сколь славно потрудился он для профсоюза.

— А Сэмми он где-нибудь приложил? — спросил репортер Эй-би-си.

— Страница пять. Кажется, он назвал его человеком, «который хронически не способен что-либо решать».

От телерепортеров Гуэйн двинулся к столику, за которым сидело пять человек. На их лицах читалась откровенная скука. Представители прессы, сразу понял Гуэйн.

В маленькой гримерной за сценой Дональд Каббин расчесывал серебристые волосы. Он был в темно-синем костюме, в синем, в белый горошек, галстук-бабочке и белой рубашке. Днем он поспал два часа, а потом парикмахер отеля побрил его и сделал массаж. Выглядел он отдохнувшим, розовощеким, трезвым. Так оно практически и было. Каббин отвернулся от зеркала.

— Как я выгляжу? — спросил он сына и Фреда Мура.

— Отлично, — ответил Мур. — Вы просто великолепны, Дон.

— Келли?

— Высший класс.

— Где моя речь?

— Держи, — Келли протянул отцу десятистраничную речь, напечатанную на специальной машинке особо крупным шрифтом.

Каббин пробежал взглядом первую страницу, затем все остальные. Поднял глаза к потолку, губы его зашевелились. Потом он кивнул, похоже, себе, и повернулся к Фреду Муру.

— Знаешь, Фред, я бы пропустил глоточек на дорожку, — и посмотрел на Келли, дабы понять, как воспринимает сын его желание.

Келли улыбнулся.

— Тебе незачем оглядываться на меня.

— Ты меня смущаешь, — Каббин потянулся к бутылке «Выдержанного», которую уже достал Мур.

— Я не опекун моего отца.

— Рад это слышать. Я-то уже начал думать, ему таковой необходим, — глотнув бербона, Каббин вернул бутылку Муру.

В дверь постучали.

Фред Мур открыл ее лишь после того, как бутылка исчезла в кармане. Вошел президент местного отделения. Чувствовалось, что он нервничает.

— Мы готовы, Дон.

— Тогда в путь, — Каббин шагнул к двери.

— Вы выйдете следом за мной, мы сядем на сцене посередине, а остальные по бокам.

За дверью гримерной толпилось человек десять, все в черных костюмах, белых рубашках и галстуках. Функционеры местного отделения профсоюза.

Потом все построились в колонну, президент отделения встал первым, Каббин — ему в затылок, и двинулись к сцене. Встретили их жидкие аплодисменты. Сели они на складные стулья, расставленные у зеленого задника под белым транспарантом с надписью:

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ПРЕЗИДЕНТ КАББИН».

— Ты спустишься в зал? — спросил Келли Мура.

— Нет, останусь здесь. Вдруг я понадобится Дону.

Келли кивнул и зашагал в глубь кулис. Когда он занял свое место в первом ряду, между Гуэйном и Имбером, молодой методистский священник уже помолился за благополучие всех присутствующих в зале, а также их руководителей на государственном уровне. Потом секретарь-казначей местного отделения представил свою двенадцатилетнюю племянницу, которая прочитала клятву верности, повторенную залом. И наконец, ведомые учителем музыки, которому аккомпанировала жена, все спели «Звездно-полосатый флаг». Каббин отметил, что старику особенно удаются высокие ноты.

После того, как президент местного отделения представил Каббина, тот легко вскочил, приветственно помахав залу рукой. Ему ответили аплодисменты. Когда они стихли, Каббин постоял, наклонив голову, не глядя в зал.

Стоял он не меньше минуты, в свете юпитеров серебром блестели его волосы. Медленно поднял он голову и оглядел собравшихся.

А заговорил словно шепотом, но таким, что он долетел до самого последнего ряда. И голос его переполняли презрение и горечь.

— Они говорят, что я должен оставить мою работу и уйти.

Он помолчал, затем повторил ту же фразу громче, вложив в нее еще больше презрения.

— Они говорят, что я должен оставить мою работу и уйти.

Вновь пауза, затем взрыв.

— Уйти, черт побери! Я только начал борьбу!

Некоторых словно сорвало с мест, и они громкими криками приветствовали Каббина. Остальные молотили кулаками по подлокотникам, предвкушая отличное зрелище.

— Будь я проклят, — выдохнул Гуэйн. — Что это? Неужели он всегда способен на такое?

— Я думаю, у него это получается подсознательно, — ответил Келли.

Дональд Каббин говорил пятнадцать минут, и речь его двадцать один раз прерывалась аплодисментами. Когда он закончил, зал, стоя, устроил ему настоящую овацию. Всем понравилась не только сама речь, но ее краткость. Зрители пребывали в столь хорошем настроении, что практически никто не высказал претензий к исходу лотереи: катер стоимостью в шесть тысяч четыреста девяносто девять долларов выиграл муж сестры секретаря-казначей местного отделения профсоюза.

Глава 20

Десятого сентября, в воскресенье, в вашингтонском районе Кливленд-Парк, Сэмми Морз Хэнкс сидел на кухне своего дома, пил кофе и читал комиксы Мерилин, которой днем раньше исполнилось шесть лет.

Комиксы он читал дочери потому, что его отец никогда не читал их ему. Когда он умер десять лет тому назад, Хэнкс не поехал на похороны. Иногда он думал, что обязательно поехал бы, если бы в детстве отец читал ему комиксы. Но его отец всегда

занимался только самим собой, не обращая внимания на потребности сына.

Сэмюэль Морз Хэнкс-старший всю жизнь учил европейской и американской истории сыновей и дочерей тех, кто работал на заводах и фабриках Шенектади, когда эти заводы и фабрики только открылись. Вскоре после приезда в город он встретил девушку, такую же уродливую, как и он, и быстро предложил ей выйти за него замуж, главным образом потому, что она работала в библиотеке. Сэмюэль Морз Хэнкс-младший, родившийся в тысяча девятьсот тридцать третьем году, унаследовал от отца выступающий вперед подбородок и вислый нос, а от матери — угристую кожу.

Мать потеряла работу в библиотеке, как только вышла замуж, потому что тамошнее начальство нанимало только незамужних. Она вроде бы и удивилась, когда ее уволили, хотя на самом деле заранее знала, что так оно и будет. Впрочем, знала она и другое: никто, кроме Сэмюэля Морза Хэнкса-старшего, не предложит ей выйти за него.

А вот Сэмюэлю-младшему детство запомнилось злостью. Он постоянно злился, потому что его родители были бедны, уродливы и редко говорили с ним, да, пожалуй, и друг с другом. И он мог привлечь к себе внимание лишь одним способом: забившись в припадке. Этим он и пользовался, сначала редко, потом все чаще и чаще, результат не оправдал его ожиданий. Чем чаще он бился в припадке, тем меньше внимания обращали на него родители, а в конце концов стали полностью игнорировать его, как игнорировали друг друга.

До того, как Сэмми исполнилось пятнадцать, его мать более-менее поддерживала связь с реальностью. То есть иногда прибиралась по дому и даже готовила еду, хотя могла подать завтрак в половине седьмого вечера, а обед в семь утра. Она уже совершенно не замечала припадков сына, хотя тот, в основном по привычке, частенько бился головой об пол.

В день, когда Сэмми исполнилось пятнадцать лет, он вернулся домой, чтобы найти мать застывшей в кресле. Сидела она абсолютно голая, уставившись в одну точку. Что она там видела, не узнал никто.

— Что с тобой? — спросил Сэмми.

Мать не ответила, и Сэмми учинил припадок, один из лучших, растянувшийся на целых пять минут. Но мать даже не мигнула. Поэтому он взял одеяло с кровати родителей, накрыл мать, нашел ее кошелек, вытащил из него восемьдесят семь центов, все, что было, и пошел в кино.

Вернулся он вечером. Мать, накрытая одеялом, сидела в той же позе. Отец слушал радио. Оно было его единственным развлечением с тридцать третьего года.

— Что с ней? — спросил Сэмми.

— Не знаю, — ответил отец.

— Может, вызвать доктора?

— Она оклемается.

Сэмми пожал плечами, съел сэндвич с ореховым маслом и лег спать. Утром мать сидела точно так же, что и вечером, только на полу под ее стулом образовалась большая лужа мочи.

— Она нассала на пол, — сообщил он отцу.

Старший Хэнкс только пожал плечами.

— Придет в себя, вымоет пол.

Придя из школы, Сэмми нашел дома одного отца.

— Где мать? — спросил он.

— Ее увезли.

— Куда?

— В сумасшедший дом. Она в ступоре. Доктор сказал, интересный случай.

— Когда она вернется?

— Не знаю, — ответил его отец. — Возможно, никогда. А ты против?

— Нет. А ты?

— Нет. Я не против.

Три недели спустя Сэмми Хэнкс проснулся после полуночи от того, что отец пытался забраться к нему под одеяло.

— Какого черта? — возмутился он.

— Лежи тихо, больно тебе не будет.

— Что значит лежи тихо?

— Повернись на живот и лежи тихо. Тебе понравится.

Сэмми Хэнкс не знал, как ему быть, а потому закатил припадок. Это, однако, не помешало его отцу закончить начатое. Потом он захихикал и сказал Сэмми:

— Премного тебе благодарен.

К пяти тридцати утра Сэмми-младший собрал вещи. Пять минут спустя прокрался в родительскую спальню и украл кошелек отца, в котором оказалось девять долларов. Больше он никогда не видел ни отца, ни мать, но, стоило кому-то упомянуть в разговоре его отца, у Сэмми тут же случался припадок. С этим он ничего не мог поделать.

Двадцать четыре года и четыре месяца спустя Сэмми Хэнкс сидел на кухне со своей изящной белокурой женой и изящной белокурой дочуркой, полный решимости дать им то, чего не получил он от собственного отца.

Сибил Дэвис Хэнкс вышла замуж за Сэмми после того, как Дональд Каббин взял его секретарем-казначеем. Хэнкс женился на Сибил, потому что он ее боготворил, имел хорошо оплачиваемую работу, да и подошло время выходить замуж. С Сэмми она никогда не скучала. И еще, его уродливость еще более подчеркивала ее красоту. Сэмми женился на Сибил еще и потому, что в ней не было ничего от его матери.

Сэмми Хэнкс положил на стол комиксы и потрепал дочь по белокурой головке.

— Вот и все, дорогая. Почему бы тебе не поиграть на улице?

— Мне нельзя играть на улице.

— Нельзя?

— Нет.

— А где же тебе можно играть?

— Во дворе. И ты это знаешь, папочка.

— Полагаю, ты права. Ладно, почему бы тебе не поиграть во дворе?

Этот диалог повторялся не один раз и нравился как отцу, так и дочери. Ему также нравилось смотреть, как она играет, одна, или с соседскими детьми, или с воображаемыми друзьями. Мерилин всегда представляла воображаемых друзей своему отцу, зная, что он отнесется к ним с должным уважением.

— Мы должны купить ей собаку, — Сэмми проводил дочь взглядом. — Большую.

— Сенбернара или дога? — спросила Сибил.

— Самую большую. Ирландского волкодава.

— Ты хочешь купить волкодава ей или себе?

Сэмми Хэнкс улыбнулся жене.

— Наверное, себе.

— У тебя никогда не было собаки?

Улыбка исчезла.

— Нет. Ни собаки, ни кошки.

Сибил уловила опасные признаки и резко сменила тему. О детстве Сэмми они говорили дважды, и оба раза разговор заканчивался его припадком. Первый раз она невзначай спросила о его родителях. Второй раз сделала это специально, чтобы увидеть, что произойдет, а когда увидела, более их не упоминала. Наоборот, старалась заботиться о Сэмми, как о ребенке, потому что ему это нравилось.

— Когда тебе уезжать?

— В аэропорту я должен быть в три, так что выезжать надо в час сорок.

— Кто едет с тобой?

— Только Микки Делла.

— Он действительно мастер своего дела?

— Да, лучше тех, кто работает на Каббина.

— Мне следовало бы позвонить ей.

— Кому?

— Сэйди.

— С чего это тебе ей звонить?

— Потому что она моя подруга.

— Была подруга.

— Если вы с Доном грызетесь, как две собаки, почему мы должны вести себя точно так же?

— Так ты собираешься позвонить ей и поплакаться, какие ужасные у вас мужья? Знаешь, Сибил, похоже, мне придется учить тебя ненависти.

— Я не испытываю ненависти к Сэйди.

— А пора бы.

— И ты не испытываешь ненависти к Дону.

— Не испытываю?

— Нет.

— Я хочу занять его место, так что я обязан ненавидеть его. Так все гораздо проще.

— Мы так хорошо проводили время.

— Кто, ты и Сэйди?

— Мы вчетвером.

— Я этого не помню.

— А я помню.

— Каббин всегда был пьян.

— Не всегда.

— А вот теперь всегда.

— Бедная Сэйди.

— Нашла кого жалеть.

— А что он собирается делать?

— Кто?

— Дон.

— Когда?

— Когда все закончится.

— Напьется пьяным и останется таким до самой смерти.

— Мне кажется, это несправедливо.

— Что?

— Он посвятил всю жизнь профсоюзу и...

— Господи, да тебе впору работать в его команде. Он не посвятил всю жизнь профсоюзу, он всю жизнь работал в профсоюзе. Это большая разница. Господи, да большую часть времени он изнывал от скуки. По-моему, ему наплевать, переизберут его или нет. И в этой кампании он участвует по инерции.

— Так чего ты тогда волнуешься?

— На то есть причины. Что бы я о нем ни говорил, мистер Дональд Каббин — великолепный актер, и даже по инерции он проведет предвыборную кампанию куда лучше многих.

— Но ты сможешь побить его, — Сибил постаралась, чтобы в ее голос не проникли вопросительные нотки.

— Я смогу побить его, потому что этого хочу. Очень хочу. Хочу больше всего на свете. У меня иногда темнеет в глазах, когда я об этом думаю.

Сибил положила руку ему на плечо.

— Это все от напряжения, дорогой.

— Да, полагаю, ты права.

Затянувшееся молчание прервал вопрос Сибил.

— А если бы он хотел стать президентом не меньше твоего?

— Дон?

— Да.

Если Хэнкс и задумался, то на мгновение.

— Тогда у меня не было бы ни единого шанса.

Глава 21

Воскресенье Микки Делла считал лучшим днем недели. Он поднимался в семь, чтобы насладиться «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», «Санди стар», «Балтимор сан» и «Нью-Йорк дейли ньюс».

Делла жил в большой однокомнатной квартире на Шестнадцатой улице в северном секторе Вашингтона, в которую вселился еще в сорок восьмом году. Из этой квартиры сбежали две жены Деллы, о чем он нисколько не сожалел. И теперь он жил один, в окружении сотен книг, удобной, пусть и не выдержанной в одном стиле мебели и шести металлических шкафов на пять полок каждый, забитых вырезками из газет, которые могли бы еще потребоваться.

Особого порядка в квартире не было, но чистота поддерживалась на высоком уровне. Все пепельницы, за исключением одной, которой пользовался Делла, прочитывая двадцать пять, или около того, фунтов газет, блестели. На столе стояла лишь одна чашка для кофе. Около древней пишущей машинки не валялись черновики. Завтрак Делла готовил себе сам, по воскресеньям в четверть восьмого, а поев, тут же мыл и убирал посуду. Пижама висела на крючке за дверью ванной, сама ванна сияла белизной, постель он застилал сразу же. То есть в квартире жил человек, который давно понял, что проще постоянно поддерживать порядок, чем время от времени выгребать грязь.

В полдень Делла подошел к телефону и позвонил человеку, у которого он покупал спиртное.

— Микки Делла, Сид... Нормально. Извини, что беспокою тебя в воскресенье, но я

хочу оставить тебе заказ, а с понедельника несколько дней меня в городе не будет... Да. Я хочу, чтобы одному человеку каждый день в течение месяца приносили кварттовую бутылку дешевого бербона, какой марки, мне без разницы. С подарочной открыткой. В Вашингтоне он бывает редко, так что тебе придется воспользоваться услугами «Америкэн экспресс» или «Уэстерн Юнион»,²² не знаю, с кем ты обычно работаешь... Да, разумеется, это розыгрыш. Если можно, начни сегодня. Он в Чикаго. На открытке надо написать: «Крепись». И дать подпись: «Друг». Это все. Слушай, я не помню, продают ли в Чикаго по воскресеньям спиртное. Нравы там строгие... Да, человека, которому ты каждый день будешь посылать по бутылке бербона, зовут Дональд Каббин. Сегодня и завтра он будет в отеле «Шератон-Блэкстоун» в Чикаго. Благодарю тебя, Сид.

Похохатывая, Делла вернулся к газетам. Потом он найдет, как еще приложить Каббина. Причем побольше. А для начала сойдет и это.

Микки Делла включился в очередную предвыборную кампанию.

В аэропорту Балтимора Трумен Гофф остановил «олдсмобил торонадо» у входа в здание и повернулся к жене.

— Я вернусь через неделю.

— Хорошенько отдохни.

— Постараюсь. Деньги тебе нужны?

— Нет, хватит того, что ты оставил.

— Тогда я пошел.

— Поцелуй папочку, дорогая, — жена Гоффа посмотрела на дочь, сидевшую на заднем сиденье.

Девочка наклонилась вперед и чмокнула Гоффа в щеку.

— Мне тебя встретить?

Гофф покачал головой.

— Нет, доберусь на автобусе.

— Тогда, счастливого пути, дорогой. И хорошего отдыха в Майами.

Она наклонилась к мужу и тоже поцеловала его в щеку.

— Счастливого оставаться, — он вылез из машины. — До свидания.

— До свидания, — хором ответили жена и дочь.

Гофф вошел в здание аэропорта, зарегистрировал билет и сумку на рейс в Чикаго. До начала посадки в самолет оставалось тридцать минут, так что он подошел к книжному киоску. Долго разглядывал книги в мягкой обложке, пока не остановил свой выбор на вестерне Луи Ламура. Пробежал три первые страницы и две последние, но так и не вспомнил, читал он эту книгу или нет. Какая, впрочем, разница, сказал он себе, дал продавщице доллар, получил сдачу. Читать тот же вестерн второй раз даже интереснее, чем в первый.

В Вашингтоне, на Шестнадцатой улице, примерно в миле от квартиры Микки Деллы, Койн Кенсингтон наливал кофе своему гостю в номере отеля, окна которого выходили на Белый дом. Сидел Кенсингтон на диване, подушки которого прогнулись под его массой. На столике перед ним, помимо кофейника, кувшинчика молока, чашек и сахарницы, стояло большое блюдо с разрезанными пополам консервированными

²² Среди прочего эти организации могут доставить любую вещь в любое место.

персиками. Разлив кофе, Кенсингтон взялся за бутылку с шоколадным сиропом и обильно полил им персики.

— Я, знаете ли, сладкоежка, — признался он своему гостю, в голосе его слышались извиняющиеся нотки.

— Похоже на то, — не стал спорить гость.

Кенсингтон отправил в рот половину персика в шоколадном сиропе. Довольно улыбнулся.

— Некоторые едят десерт только после обеда, а я и после завтрака.

— У каждого свои привычки.

— Должен отметить, вы очень напоминаете мне вашего отца.

— Благодарю, — чуть склонил голову Ричард Гаммедж Третий, президент «Гаммедж интернейшнл».

— Он тоже старался держаться подальше от политики.

— Это точно.

— Наши пути как-то пересеклись, в конце тридцатых годов.

— Да, отец говорил мне об этом.

— Догадываюсь, он не очень лестно отозвался обо мне.

— Вы правы.

— Но теперь это все в прошлом.

— Да.

— И перед нами совсем другое дело.

Гаммедж посмотрел на толстого старика и кивнул. «Твой дорогой усопший папочка советовал тебе обходить стороной этого ужасного старика, Ричард Третий (так он все чаще называл тебя, видя в этом тонкую иронию, а ирония нынче ценилась на вес золота). Папочка предупреждал, что этот старик умен и очень опасен. Так, наверное, оно и есть, раз он приложил дорогого, далеко не глупого папочку».

— Речь, вероятно, пойдет о деньгах, — заметил Гаммедж.

— Почему вы так решили?

— Потому что вы улыбнулись, мистер Кенсингтон.

— Это, знаете ли, интересное наблюдение, потому что многие люди полагают, что деньги улыбок не терпят.

— И все-таки деньги скорее радуют, чем печалят.

— Знаете ли, я изучаю их всю жизнь.

— Знаю.

— Что такое деньги, мистер Гаммедж?

— Практически?

— Философски.

— Власть? Чувство безопасности? Алчность? Жадность? Война? Предательство?

— Вы на правильном пути, только свернули в сторону отрицательных эмоций.

— Извините.

— Деньги, мистер Гаммедж, это любовь.

— Однако.

— Подумайте об этом.

— Обязательно подумаю.

— Деньги — это любовь. Люди, которые говорят обратное, просто не имеют их в достатке. Но поставьте их перед выбором между принципами и долларом, девяносто девять процентов выберут доллар. Оставшийся один процент — просто дураки.

— Как я понимаю, мы подходим к сути нашего разговора.

— Да, я подумал, что мы можем обсудить сегодня наши дела, раз уж вы все равно прилетели в Вашингтон.

— Мне нужно немного времени, — Гаммедж пожал плечами. — Но никаких трудностей я не ожидаю. Четыреста тысяч будут у меня ко вторнику, остальное — к концу недели.

— Это хорошо, потому что там, — Кенсингтон махнул рукой в сторону Белого дома, — начинают дергаться.

— Мистер Кенсингтон, меня абсолютно не интересует, дергаются они там или нет. Я знаю человека, который сейчас занимает Белый дом. К сожалению, я знаком с ним много лет и всегда находил его одиозной личностью: вульгарным в мыслях, ненадежным в делах, не умеющим вести себя в обществе и абсолютно безвкусным в одежде. Господи, чего только стоят его костюмы!

— Я тоже не голосовал за него, — кивнул Кенсингтон.

— Я согласился координировать сбор денег для Каббина лишь потому, что он представляет собой куда меньшую угрозу для моей компании, чем этот Хэнкс. И, откровенно говоря, с Каббином куда приятнее общаться, разумеется, когда он трезв. К сожалению, сейчас он слишком много пьет.

«Господи, ну и зануда же ты, Ричард Третий», — подумал Гаммедж.

— Как я и говорил, деньги — это любовь, и потребуется много любви, чтобы добиться его переизбрания. А также кое-что еще.

— Не понял.

— Если вы хотите видеть Каббина президентом, вы можете помочь ему и в другом, в немалой степени порадовав его.

— Чем же?

— Я думаю, вы должны организовать комитет.

— Какой комитет?

Кенсингтон улыбнулся.

— Комитет за стабильную промышленность. Задача у этого комитета будет одна: поддержка Сэмми Хэнкса в его борьбе за пост президента профсоюза.

«Он не глуп, — подумал Кенсингтон. — Ему потребовалось пять секунд, чтобы принять решение. Это время ушло у него на то, чтобы обдумать последствия. И отец его был таким же. Умным. Но не самым умным».

— Поцелуй смерти, если искать аналоги в Библии.

— Совершенно верно.

— Вы правы. Каббину это понравится.

— Так вы это сделаете?

— Разумеется.

В малом конференц-зале отеля «Луп» в Чикаго Марвин Хармс наблюдал, как в дверь один за другим входят мужчины. Семнадцать черных, четырнадцать белых. Хармс кивал каждому.

Наконец все расселись на складных стульях. Хармс подождал, пока они откашляются и перестанут шаркать ногами. Поднялся. Подошел к стоящей на подставке черной доске. Взял со столика бумажный пакет. Оглядел свою команду, давая и им возможность полюбоваться его элегантным нарядом: кремовым замшевым пиджаком, синей рубашкой из вываренной ткани, брюками в черно-белую клетку,

начищенными черными туфлями. Особенно он гордился рубашкой.

— Вы знаете, кто я такой, — начал Хармс. — Но, на случай, что вы меня забыли, я раздаю вам свои визитные карточки.

Держа бумажный пакет в левой руке, Хармс двинулся вдоль рядов стульев, останавливаясь перед каждым мужчиной. Всякий раз его правая рука ныряла в пакет и доставала пять сколотых стадолларовых купюр и листок бумаги с датой и надписью: «Получено 500 долларов от Марвина Хармса за оказанные услуги».

— Просто распишись, — говорил Хармс каждому.

Раздав деньги и собрав расписки, Хармс вернулся к доске.

— Эти пятьсот баксов всего лишь аванс. Вас ждут еще шесть уроков, и вам бы лучше не пропускать их, потому что учиться будем, как в школе, только посещаемость должна быть стопроцентная. Я буду вашим директором и учителем. Я также устрою вам экзамен и, если вы его выдержите, вручу диплом — еще пять изображений мистера Бенджамина Франклина, точь-в-точь таких же, какие вы только что получили. Есть вопросы?

Здоровяк-негр с заднего ряда поднял мускулистую руку.

— Деньги — это хорошо, Марв, но кого нам придется убить, чтобы получить остальное?

Некоторые даже рассмеялись.

— Вам никого не придется убивать.

— Тогда чему же мы будем учиться?

— Умению подтасовывать результаты выборов. И обучение мы начнем прямо сейчас, — с тем Марвин Хармс повернулся к черной доске.

В то воскресенье Дональд Каббин отдыхал. Спать он лег подвыпившим, но спал дольше, чем обычно, и проснулся куда в лучшем состоянии. Во всяком случае, его не мутило. До завтрака он выпил лишь две «Кровавых Мэри», а потом достаточно плотно поел.

Проглядывая «Трибюн», заметил объявление о демонстрации фильма, который пропустил в Вашингтоне, с Джеймсом Кобурном в главной роли. Актер этот Каббину нравился, и он всегда полагал, что критика его недооценивает. Показывали фильм в пять вечера, и Каббин решил устроить семейный просмотр, пригласив жену, сына, а за компанию и Фреда Мура. Фред уже видел фильм, но спорить не стал.

В фойе кинотеатра Сэйди и Келли Каббин подождали, пока Фред Мур и Каббин прогуляются в мужской туалет, где Каббин приложился к бутылке «Выдержанного». Они нашли себе хорошие места, и Каббин с удовольствием посмотрел фильм.

Потом они отправились пообедать в итальянский ресторанчик, владелец которого оказался близким другом Мура, так что обслужили их по высшему разряду. За обедом Каббин выпил много красного вина и забавлял всех историями и анекдотами, некоторые из которых даже Фред Мур слышал впервые.

Вечер прошел превосходно, и Каббин прибыл в «Шератон» в отличном настроении. Как обычно, он остался в машине, дожидаясь, пока Фред Мур разберется с лифтом. Мур послал коридорного сказать Каббинам, что лифт прибыл, а сам оглядел холл. «Обычная толпа, — подумал он. — Оказавшиеся в воскресный вечер в отеле и не желающие сидеть в одиночку в номере. Вот и кучкуются в холле. Как стадо баранов». Мур видел в них баранов, пока его взгляд не уперся в худощавого молодого мужчину с заостренными чертами лица, который сидел в одном из кресел, не отрывая глаз от

вращающейся двери. «Это не баран, — подумал Мур. — Скорее это хорек, а не баран». Мужчина, казалось, почувствовал внимание Мура к собственной персоне, обернулся, и на мгновение их взгляды встретились. Мур решил, что увиденное в глазах мужчины ему не понравилось. Почему именно, понять не мог, но на всякий случай не спускал глаз с мужчины, когда Каббин вошел в холл, сопровождаемый женой и сыном.

Взгляд Каббина обежал холл в поисках тех, с кем следует поговорить. Не найдя достойных, он помахал рукой портю, который ответил ему тем же. Затем Каббин заметил молодого мужчину, который смотрел на него, и, проходя мимо, кивнул.

— Привет, дружище.

— Привет, — ответил Трумен Гофф.

Глава 22

Здание это, один из новейших профсоюзных храмов Вашингтона, возвели в середине шестидесятых годов, на лакомом уголке Шестнадцатой улицы, в нескольких минутах ходьбы как от штаб-квартиры АФТ/КПП, так и от Белого дома. А поездка на такси до министерства труда обходилась всего лишь в семьдесят пять центов.

Назвали здание не в честь обосновавшегося в нем профсоюза, но человека, который возглавлял этот профсоюз с тысяча девятьсот сорокового года. Ему уже исполнился шестьдесят один, но многие седовласые руководители других профсоюзов называли его не иначе как «этот мальчишка».

И действительно, он был вундеркиндом рабочего движения, ибо стал президентом своего профсоюза в двадцать восемь лет. И сохранил мальчишечий облик еще на двадцать лет, когда ни морщинки не появлялось на его лице под шапкой темно-русых волнистых, за исключением засеребрившихся висков, волос. Тело оставалось стройным, движения быстрыми, зубы — своими. Он даже не пользовался очками.

Коллеги даже сравнивали Джека Барнетта с Ронни Рейганом, чем нисколько не смущали Джека, поскольку последний считал собственную внешность неплохим козырем в политической игре, ибо половину его профсоюза составляли женщины. Большинство его противников, а их хватало с лихвой, утверждало, что попал он на свою должность, вовремя побывав в нужных постелях. Он никогда не вступал с ними в спор, тем более что женщинам нравился мужчина, знающий свое дело в постели.

Разумеется, и у него были причуды. Ел он только фрукты, орешки и сырые овощи, напрочь отказавшись от мяса. Каждое утро делал шестьдесят пять отжиманий, после чего следовала сотня приседаний. Находясь в Вашингтоне, пробегал две мили от дома до работы. Курить и пить бросил в сороковой день рождения, хотя и ранее не злоупотреблял ни тем, ни другим. Он пребывал в твердом убеждении, что его хотят убить, а потому его всюду сопровождал телохранитель, даже во время утренней пробежки. Он был убежденным социалистом и ярким антикоммунистом. Любил всех детей, в том числе и своих девятерых, которых наплодил, даже не будучи католиком. А ненавидел Дональда Каббина и иногда даже мечтал о том, чтобы тот попал под грузовик.

В ранние годы КПП они были дружны — молодые, симпатичные, слегка удивленные столь быстрым подъемом к вершинам власти. Никаких стычек у них не было. Но, набирая все больше власти и престижа, они с нарастающей ревностью следили за успехами друг друга. Естественные соперники в борьбе за некий приз, который так и остался неразыгранным.

Двенадцатого сентября, во вторник, без трех минут одиннадцать, большой черный «кадиллак», с Фредом Муром за рулем и Дональдом Каббином и Келли на заднем сиденье, остановился у Барнетт-Билдинг.

Каббин вылез из салона первым, Келли — за ним.

— У тебя все с собой? — спросил Каббин.

— Все здесь, — Келли указал на «дипломат», что держал в руке.

— Я говорю, все.

— Это тоже при мне.

— Хорошо. Фред, ты нас подожди.

— Вы действительно не хотите, чтобы я пошел с вами?

— Нет. Я хочу, чтобы ты дожидался нас здесь.

Вестибюль Барнетт-Билдинга украшала фреска, изображавшая рабочих в широкополых шляпах, что-то делавших с тросами, трубами и гигантскими гаечными ключами. То ли они строили мост, то ли линию электропередачи. Художник запечатлел на фреске и женщин. От мужчин их отличало лишь отсутствие широкополых шляп. Келли нашел фреску отвратительной. Его отец даже не заметил ее.

Миновав суровую блондинку-секретаря с резким, зычным голосом, отец и сын поднялись на лифте, минуя этажи, битком набитые профсоюзными бюрократами: отделы учета, экономики, юридический, социологических исследований, образования, бухгалтерию, пенсионный фонд и многие, многие другие, где делалась вся черновая работа. Двери кабины открылись на двенадцатом этаже, последнем: здесь принимались решения.

«Это же обычный бизнес, — думал Келли, — только продают здесь труд, а если цена не удовлетворяет продавца, он устраивает забастовку, то есть уходит с рынка до той поры, пока возросший спрос не повысит рентабельность производства».

На двенадцатом этаже пол устилал ковер, а пластиковые панели стен отдаленно напоминали орех. Их встретила другая секретарша, такая миловидная, что с успехом могла бы попробовать свои силы в каком-нибудь рекламном агентстве. Обворожительно улыбнувшись, она спросила, чем может им помочь?

— Где тут мужской туалет? — осведомился Каббин.

— У вас есть договоренность о встрече? — спросила девушка.

— Не с туалетом, милая. С Барнеттом. Но, если я не загляну в туалет, мне придется помочиться на его роскошный ковер.

— Туалет по коридору налево.

— Пошли, парень, — Каббин двинулся в указанном направлении.

Келли подмигнул девушке.

— Можете представить себе, это мой отец.

— Счастливчик.

— Пошли, Келли, — позвал сына Каббин.

— На следующей неделе он уже сможет все делать сам.

В туалете Каббин приложил палец к губам, а затем наклонился, чтобы заглянуть под двери кабинок. Когда он разогнулся, Келли уже открыл бутылку.

— Держи, чиф. На дорожку.

Каббин выпил, глубоко вдохнул, вернул бутылку.

— Раз уж мы здесь, воспользуемся предложенными услугами. Чего таскать в себе лишнее.

Отец и сын встали у писсуаров.

Каббин-старший хохотнул.

Келли повернулся к отцу.

— Мне вспомнился Барнетт.

— И что?

— Писать он всегда уходил в кабинку.

— Стеснялся, наверное.

— Таким доверять нельзя.

— Почему?

— Те, кто прячется по кабинкам, обычно «голубые».

— Я еще не слышал о «голубых» с девятью детьми.

Джек Барнетт что-то писал, когда Каббин и Келли вошли в кабинет. На секунду поднял голову, чтобы взглянуть на них, вновь вернулся к прерванному занятию.

— Чего тебе надо? Привет, Келли.

— Привет, Джек, — ответил Келли.

— Присядьте, — Барнетт продолжал писать.

Келли выбрал себе кресло перед столом Барнетта, Каббин устроился подальше, в стороне, чтобы Барнетту, разговаривая с ним, пришлось бы повернуться.

Келли многократно бывал дома у Барнетта, поскольку трое из его детей были практически его ровесниками. Даже в середине пятидесятых, когда Барнетт помогал сопернику Каббина и их вражда достигла пика, на детях это никак не отразилось. С кем дружить, определяли они сами, без подсказки отцов.

Но в кабинете Барнетта побывать Келли еще не довелось, и, оглядевшись, он решил, что такой кабинет годится как для президента большого профсоюза, так и для руководителя процветающей компании, производящей корм для собак. Кабинет словно говорил: «Эй, ты, посмотри, куда попал!» Толстый ковер на полу, стены, отделанные панелями настоящего орехового дерева, большой стол, многоканальный телефон, коричневый кожаный диван, удобные кожаные кресла, кофейный столик, на стенах два десятка фотографий в рамках, запечатлевших Барнетта с известными политиками стран, как до сих пор говорил Барнетт, свободного мира.

Каббин молчал, пока Барнетт не закончил писать и не повернулся к нему.

— Ну? — буркнул он.

— Я хочу, чтобы ты не совал свой вонючий нос в дела моего профсоюза, — прорычал Каббин, не повышая голоса.

— Дерьмо собачье, — Барнетт бросил ручку, естественно, «паркер», на стол, посмотрел на Келли.

— Он опять набрался? Я понимаю, он — твой отец и еще только одиннадцать, но я знаю, что он, случалось, прикладывался к бутылке и раньше.

— Он не набрался, Джек.

— Если ты не перестанешь совать свой вонючий нос в дела моего профсоюза и вообще не будешь держаться от него подальше, я надеру тебе задницу, — в голосе Каббина все явственнее зазвучала угроза.

Чувствовалось, что разговор с Барнеттом ему нравится, поскольку он мог не сомневаться в том, что правда на его стороне.

— Я не понимаю, о чем ты, черт побери, говоришь.

— Ты паршивый лгун.

— Кого ты назвал лгуном?

— Тебя, самодовольный говнюк, — проревел Каббин.

Барнетт вскочил, наклонился через стол к Каббину. Левую руку простер к двери, правой оперся на телефонный аппарат.

— Вон! — завопил он. — Даю тебе десять секунд.

— Пускай пленку, Келли, — Каббин плотоядно улыбнулся. — Ему это понравится.

— Вон! — вопил Барнетт. — Убирайся из моего кабинета!

— Вам лучше прослушать пленку, Джек, — Келли достал из «дипломата» портативный магнитофон, поставил его на стол.

— Какую пленку?

— Ты послушай и все поймешь, — пояснил Каббин.

Келли нажал на клавишу, и бобины начали вращаться. Барнетт стоял, когда из динамика донесся шум работающего ксерокса. И уже сидел, сложив руки на столе, глядя прямо перед собой, когда запись кончилась.

— Покажи ему все остальное, Келли, — прервал тишину Каббин.

Келли выложил перед Барнеттом фотографии, сделанные Тедом Лоусоном в номере мотеля, снимки работающих там двух мужчин, образцы их продукции. Барнетт смотрел на вещественные улики, не прикасаясь к ним. Затем взял костяной нож для вскрытия писем, отодвинул им фотографии, придвинул листовки, чтобы получше рассмотреть их.

— Второй раз прослушать не хотите? — Келли указал на магнитофон.

Барнетт покачал головой, и Келли убрал магнитофон в «дипломат».

— Прочее дерьмо можешь оставить на память, — процедил Каббин.

Барнетт собрал фотографии и листовки и бросил в корзинку для мусора. Медленно повернулся к Каббину.

— И что?

— Немедленно отзови их.

Барнетт вроде бы задумался над требованием Каббина. Затем пожал плечами и улыбнулся. Улыбнулся неприятно, как человек, нашедший способ крепко задеть собеседника.

— Тебе-то что, отзову я их или нет. Твоя песенка спета.

— Это говорит твоя задница, приятель, — рыкнул Каббин. — А на лице у тебя написано другое.

— Через три недели ты станешь никто. Ты будешь экс-президентом Каббином.

— Если я поймаю тебя еще раз, то затаскаю по судам.

— Ты уже бывший, Каббин. Тебя пустили в распыл! И не тебе меня пугать! — он уже орал, вскочив на ноги, наклонившись над столом.

Поднялся и Каббин.

— Если я рухну, то утащу тебя с собой.

— Нечего угрожать мне, сукин ты сын!

— Я тебе не угрожаю, членосос паршивый! — проорал Каббин. — Я тебе говорю!

Для своих шестидесяти лет Барнетт двигался на удивление быстро. Он обогнул стол и ударил правой рукой, целя Каббину в челюсть. Тот отпрянул, но нога его зацепилась за кресло, и он оказался на ковре. Ушибиться он не ушибся, но разозлился изрядно.

— Сволочь!

— Поднимайся, старый козел, я еще раз отправлю тебя на ковер.

Каббин отпихнул кресло, встал, закрыл глаза и двинул правой рукой в сторону подбородка Барнетта. Открыл он глаза, когда его кулак столкнулся с чем-то твердым, как оказалось, левой скулой Барнетта. Барнетт отступил на шаг.

— Отлично, чиф, — Келли отодвинул кресло, чтобы лучше видеть.

Старики подняли руки, изображая боксерскую стойку. Барнетт был в куда лучшей форме, а потому начал кружить вокруг Каббина. Тот медленно поворачивался вслед за противником.

— В чем дело, говноед? Или тебя так учили драться?

Барнетт вновь выбросил правую, Каббин попытался уйти нырком, но кулак угодил в лоб. Каббин взревел и бросился на Барнетта. Тот успел заблокировать удар правой, но забыл про левую руку Каббина. А вот она-то сочно шмякнула его по носу. Кровь брызнула из обеих ноздрей Барнетта, перепачкав белую рубашку Каббина. При виде крови оба на мгновение прекратили драку.

— Ты сломал мне нос! — заверещал Барнетт и правой ударил Каббина в плечо. Каббин отшатнулся, а потом старики начали беспорядочно махать кулаками.

— Держи левую выше, чиф, — посоветовал Келли отцу после того, как его правый глаз натолкнулся на левый кулак Барнетта. Каббин заметно устал, а потому вложил всю оставшуюся силу в один удар, который вполне подошел бы под определение «левый хук».²³ Пришелся он в подбородок Барнетта и привел к тому, что Каббин сломал третий палец. Барнетт же отступил на шаг, затем ноги его подогнулись и он тяжело сел на ковер. Из носа Барнетта по-прежнему хлестала кровь.

— О Господи, моя рука! — вскричал Каббин.

В этот самый момент дверь распахнулась и в кабинет влетели двое мужчин. Келли уже поднялся с кресла.

— Выбросьте этого сукиного сына! — крикнул Барнетт, прижимая к носу платок.

— Не надо этого делать, — Келли преградил мужчинам путь к отцу, который сосал сломанный палец. — Мы уже уходим. Пошли, чиф.

Мужчины смерили Келли оценивающими взглядами. Молодые, лет по тридцать с небольшим, мускулистые, хладнокровные, чуть расслабленные, как и положено телохранителям.

— Что тут происходит? — спросил один.

— Мой старик только что врезал вашему боссу.

Задавший вопрос телохранитель посмотрел на Каббина.

— Ему тоже досталось.

— Зато ваш босс на полу, — он подошел к Барнетту. — Давайте я помогу вам встать, Джек.

— Ему просто повезло с этим ударом, — Барнетт поднялся, прижимая платок к кровоточащему носу.

Каббин вытащил сломанный палец изо рта, чтобы сказать:

— Я тебя предупредил, не суй нос в чужие дела.

— Ты уже покойник, — огрызнулся Барнетт. — Тебя только забыли похоронить.

— Пошли, чемпион, — Келли потянул отца к выходу.

— Из-за чего они подрались? — спросил один из телохранителей, когда они проходили мимо.

— Из-за женщины, — подмигнул им Келли.

²³ То есть удар снизу вверх левой рукой.

Глава 23

Надев платье, Сэйди Каббин повернулась к Фреду.

— Тебе следовало пойти с ним.

Мур потянулся на сбитых простынях.

— Он мне не разрешил. Я хотел пойти с ним, но он велел мне остаться в машине.

— Просто чудо, что они не убили друг друга.

— Два старых козла?

— Дон сломал палец.

— Это послужит ему уроком.

— Ты же должен охранять его.

— Слушай, я все тебе объяснил.

— Тебе следовало пойти с ним.

— С ним был Келли.

— Не следовало мне уходить, — Сэйди закурила.

— Ты же сказала, что он спит.

— Он может проснуться и начнет гадать, где я.

— Там Келли.

— Я думаю, Келли уже догадывается.

— Насчет чего?

— Насчет Дона и меня.

— Но не о наших отношениях?

— Он додумается и до этого, если все будет продолжаться.

— Келли — хороший парень.

— Потому я и не хочу, чтобы он все узнал. — Мур вновь зевнул, подкатился к краю кровати.

— Ты отсутствовала какой-то час.

— Посмотри на меня, Фред.

Мур приподнял голову.

— Ты отлично выглядишь.

— Это важно.

— Что?

— То, что сейчас тебе скажу.

— Хорошо, я слушаю.

— Это было в последний раз. Все кончено.

Фред Мур легко прыгнул с кровати, подошел к Сэйди. Он знал, какой эффект производит на нее его обнаженное тело.

— Ничего не кончено. Все только начинается.

— Нет.

— Я говорил тебе, почему так и не женился.

— Все кончено.

— Я не женился, потому что прежде мне не довелось встретить такую, как ты. А теперь вот встретил. Тебя. И никуда тебе от этого не деться.

— Черт побери, Фред, я же втолковываю тебе, что между нами все кончено. Больше этого не случится. Никогда.

Фред Мур покачал головой.

— Мы поженимся, Сэйди.
— А как же Дон?
— Ты с ним разведешься, как мы и говорили.
— Мы не говорили насчет того, что я с ним разведусь. Я лишь объясняла тебе, почему это невозможно.
— Теперь возможно. У тебя есть для этого основания.
— Я не собираюсь разводиться с ним, Фред.
— Так соберешься.
— Фред, ты отличный парень. В постели ты лучше всех. Но с Доном я не разведусь. Мне нравится Дон. Мне нравится быть его женой. Кто знает, может, я даже люблю его.
— Он уже ничего не может.
— После выборов все наладится. Он бросит пить, и все образуется.
— Сэйди, ты знаешь, что пить он не бросит.
— Раньше-то бросал.
— Он никогда не пил так много.
— Я не хочу с тобой спорить. Лишь говорю тебе, что все кончено.
— Ты мне говорила это и раньше.
— На этот раз это не просто слова.
Фред Мур попытался обнять Сэйди, но та выскользнула из его объятий.
— Нет. Хватит гостиничной романтики. Баста.
— Тебе же это нравилось больше всего. Когда он храпел в соседней кровати.
Сэйди взяла с комода сумочку.
— Фред, я хочу, чтобы ты выслушал меня. Внимательно выслушал.
— Говори.
— Я не собираюсь разводиться с Доном. Я не собираюсь выходить за тебя замуж. Я не собираюсь более спать с тобой. Теперь ты понимаешь?
— Через два дня ты передумаешь, — Мур улыбнулся. — Готов спорить, ты не выдержишь и двух дней.
— Нет. На этот раз нет. Все кончено. Действительно кончено.
— Хорошо, тогда позволь мне задать вопрос.
— Какой?
— Почему?
— Почему все кончено?
— Да.
— Потому что это опасно. Слишком опасно для тебя, для меня, а особенно для Дона. Наши отношения могут использовать против него.
— Перестань, Сэйди, этому уже никто не придает ни малейшего значения.
— Я не хочу рисковать.
— Тогда позволь задать еще один вопрос.
— Когда же ты, наконец, поймешь, что все кончено?
— Хорошо, хорошо. Я понял. А если Дон разведется с тобой... если он узнает про нас и разведется с тобой, тогда ты выйдешь за меня замуж?
— Ты же не угрожаешь мне, Фред?
— Нет. Я лишь задаю вопрос. Ты выйдешь за меня, если Дон разведется с тобой?
Сэйди пожала плечами.
— Возможно, но он не разведется.

- С чего такая уверенность? Если узнает про нас, может и развестись.
Сэйди подошла к Фреду, коснулась его щеки.
- Ты не очень-то умен, не так ли, Фред?
- Но я и не глуп.
- Будь поумнее, ты бы все понял.
- Понял что?
- Дон никогда не разведется со мной.
- Если узнает про нас, то может и развестись.
Она покачала головой.
- Не разведется даже в этом случае.
- Почему?
- Потому что он уже все знает.

Глава 24

Восьмого октября²⁴ началась последняя неделя избирательной кампании. К семи утра первого рабочего дня ночная смена должна была уйти с завода, а утренняя занять ее место. Без четверти семь Дональд Каббин появился у проходной номер пять, и камеры всех трех национальных телекомпаний усердно фиксировали на пленку бесконечную цепь его рукопожатий с выходящими и входящими в проходную рабочими.

Рядом кучковались Чарлз Гуэйн, специалист по контактам с общественностью Оскар Имбер, руководитель предвыборной кампании, и Фред Мур, телохранитель, личный слуга, виночерпий и прочее. Келли Каббин стоял футах в двадцати, за кадром.

Тут же крутились и функционеры местного отделения профсоюза, побуждая рабочих «подойти и пожать руку президенту Каббину». Фразу эту они уже повторяли, как заведенные, видя в этом свое участие в проходящем действе.

У всех, кроме телевизионщиков, спектакль этот вызывал чувство неловкости. У рабочих — потому что президент явился в столь ранний час лишь ради того, чтобы получить их голоса на выборах. У Каббина — потому что он не без основания полагал, что рядовые члены профсоюза считают его дураком. У Оскара Имбера, который не раз слышал, как рабочие спрашивали друг друга: «А что это за хрен?» У Чарлза Гуэйна, потому что статичность сцены не позволяла рассчитывать на экранное время. У Келли Каббина, который видел, что отец выглядит полным идиотом, пожимая руки неизвестно кому. У Фреда Мура, который никак не мог взять в толк, чем недовольны все остальные, а спрашивать не хотел.

— Привет, приятель, рад тебя видеть, — говорил Каббин.

Актер он был превосходный, все время менял интонации, так что одна и та же фраза каждый раз звучала по-разному, словно предназначалась непосредственно тому, кто в этот момент с ним ручкался.

— Ты будешь голосовать за него? — спросил Мелвин Гомес, сборщик вспомогательного конвейера, заработавший в прошлом году десять тысяч триста пятьдесят семь долларов.

Обращался он к своему соседу, Виктору Вурлу, литейщику, чей заработок за прошлый год составил двенадцать тысяч триста девяносто один доллар.

²⁴ В Америке первым днем недели считается воскресенье.

— За кого?
— За этого Каббина.
— Не знаю, возможно.
— А я думаю проголосовать за другого, как его, Хэнкс, что ли?
— Да. Хэнкс.
— Наверное, проголосую за него.
— Почему?
— Не знаю. А почему ты хочешь голосовать за Каббина?
— Не знаю. Думаю, нам без разницы, за кого голосовать. Все равно наверху будет дерьмо.

— Да уж, в этом ты не ошибся.
Десять минут восьмого телевизионщики начали собираться. Каббин повернулся к Оскару Имберу.

— Пошли отсюда. Я замерз.
— Нет возражений.
— Что еще у нас утром? — спросил Каббин Чарлза Гуэйна.
— Вы участвуете в радиопередаче в одиннадцать часов.
— Какой радиопередаче?
— «Утро с Филлис».
— Господи, да кто ее слушает?
Гуэйн пожал плечами.
— Не знаю. Может, те, кто на больничном.

В двух тысячах милях от завода, где на ветру мерз Каббин, в Вашингтоне, округ Колумбия, часы показывали десять, когда Микки Делла вошел в штаб-квартиру избирательного комитета Сэмми Хэнкса и швырнул на его стол листовку размером восемь с половиной на одиннадцать дюймов.²⁵

— Где они это взяли? — рявкнул Делла.
Хэнкс взял листовку.
— Боже мой, — вырвалось у него.

Большую часть листовки занимала фотография Хэнкса в полной теннисной экипировке, с ракеткой в руках и глупой улыбкой на лице. Стоял он под большим солнцезащитным зонтиком, на фоне теннисных кортов и здания, более всего напоминающего загородный клуб. Подпись под фотографией гласила:

**«А НЕ ПОИГРАТЬ ЛИ НАМ В ТЕННИС?
ТАК ЧТО ТЫ ТАМ БУЛЬКАЛ НАСЧЕТ КЛУБНОГО
ПРОФСОЮЗА, СЭММИ?»**

Из текста следовало, что Сэмми Хэнкс, конечно, может уличать своего соперника в принадлежности к клубному профсоюзу. Но избирателям надо бы поинтересоваться, а в каких фешенебельных загородных клубах состоит сам Хэнкс. Разумеется, текст не блистал остроумием, но бил, по мнению Деллы, наотмашь.

— Где они взяли эту фотографию? — повторил Делла.
— Меня фотографировала жена. Пять лет тому назад, когда она пыталась научить

²⁵ Примерно с лист писчей бумаги.

меня играть в теннис.

— В загородном клубе?

— Совершенно верно, черт побери, в загородном клубе. В Коннектикуте.

— И где теперь эта фотография?

— В ее альбоме.

— Она дома?

— Дома.

— Позвони ей. Спроси, на месте ли фотография.

Хэнкс подождал, пока жена заглянет в альбом. Наконец, она вернулась, доложила результаты проведенного расследования.

— Спасибо, дорогая. Я тебе еще позвоню, — и он положил трубку. Посмотрел на Деллу. — Фотография на месте.

— Они ее пересняли, — Делла и не пытался изгнать из голоса нотки восхищения. — Они забрались в твой дом, утащили фотографию, пересняли ее и забрались вновь, чтобы вернуть на место. Ловко. Очень ловко.

Хэнкс с трудом сдерживал закипающую в нем злость.

— Ты хочешь сказать, что кто-то побывал в моем доме?

— Именно так.

— И они это распространят? — спросил он, указывая на листовку.

— Миллион экземпляров они напечатали наверняка. Уж я-то знаю.

— И что же нам делать?

Микки Делла усмехнулся.

— Не волнуйся, Сэмми. Пару сюрпризов я припас.

— Каких?

Делла вновь улыбнулся.

— Обычных, Сэмми. Из тех, что зовутся ударом ниже пояса.

Это была жесткая, грязная кампания, но последняя неделя обещала быть еще более грязной. Издательская служба, базирующаяся в Вашингтоне и предлагавшая передовицы тем из своих клиентов, кому не хватало ума или времени для написания собственных, в очередной статье крепко приложила Сэмми Хэнкса за то, что он использовал грязные политические методы во внутрипрофсоюзной борьбе. Статью эту напечатали на первой полосе двадцать девять газет. Теду Лоусону и соответственно фирме «Уолтер Пенри и помощники» сия публикация обошлась в пять тысяч долларов. Владелец издательской службы в свое время выдвигался на Пулитцеровскую премию. Теперь он писал для тех, кто платил деньги, и, если бы Сэмми Хэнкс первым принес ему пять тысяч баксов, в той самой передовице он бы с радостью размазал по стенке Дональда Каббина.

За исключением коротких сообщений и видеосюжетов в телевизионных выпусках новостей, предвыборная кампания велась на страницах печатных изданий и с помощью листовок. Тон ей задал Микки Делла своей первой листовкой с фотографией Каббина на поле для гольфа. Окаймляла листовку черная траурная рамка, еще одно изобретение Деллы. Подпись под фотографией гласила:

«НА КАКОЙ ЛУНКЕ ЭТОТ ЧЕЛОВЕК ПРОДАСТ ВАШИ
ИНТЕРЕСЫ СВОИМ ДРУЖКАМ ИЗ БОЛЬШОГО БИЗНЕСА?»

В нижеследовавшей статье Делла ясно и доходчиво расписывал усилия Дональда

Каббина, предпринятые последним ради членства в «Федералист-Клаб». Далее рядовые члены профсоюза предупреждались, что такой президент плюнет на всех ради удовлетворения собственных честолюбивых замыслов.

Эта листовка нравилась Делле, но вторую он ставил значительно выше. На ней изображалась физиономия симпатичного негра в игриво сдвинутой набок шляпе. Подпись вопрошала:

«НУ ЧЕМ ЭТОТ ЧЕЛОВЕК НЕ ПОНРАВИЛСЯ ДОНАЛЬДУ
КАББИНУ?»

Далее Делла клеймил Каббина за то, что тот не ушел из «Федералист-Клаб» после того, как туда не приняли черного. Микки так понравились обе листовки, что он отпечатал каждую миллионным тиражом.

Поначалу Чарлз Гуэйн пытался игнорировать наскоки Деллы. Он выпустил восьмистраничную газету, которую разослал каждому из девятисот девяноста тысяч членов профсоюза. В газете, любовно оформленной, с многочисленными фотографиями, приводились все многочисленные деяния Каббина, совершенные во благо профсоюза. Но хвала не так интересна, как ругань, а потому Гуэйн подозревал, что никто его газету и не читал.

Как же недоставало Гуэйну телевидения. Одной минуты хватило бы ему на то, чтобы подрубить под корень всю предвыборную кампанию соперника. Еще двадцать секунд потребовалось бы, чтобы убедить избирателей голосовать за его кандидата. Он привык думать сценами, длящимися секунды, но оставляющими незабываемое впечатление. И в два часа ночи, после того, как ему на стол легла вторая листовка Микки, Гуэйн решился. Снял телефонную трубку и позвонил Питеру Мэджари, работающему в фирме «Уолтер Пенри и помощники».

— Я думаю, нам надо встретиться, — прямо заявил он.

— Да, полагаю, польза будет обоюдной, — ответил Мэджари. — Где вы сейчас?

— В Питтсбурге. В «Хилтоне».

— Мы с Тедом Лоусоном будем у вас в десять утра. Вас не затруднит заказать нам завтрак?

Встреча длилась час, но для Гуэйна она равнялась пятилетнему опыту политических кампаний. Он узнал много такого, о чем не имел ни малейшего представления.

Прежде всего Питер Мэджари протянул ему фотографию Сэмми Хэнкса в белых шортах и тенниске, с ракеткой в руке.

— Мы подумали, что вы сможете это использовать.

— Господи, — выдохнул Гуэйн. — Где вы взяли эту фотографию?

— Тед где-то ее раскопал.

— Скажи ему, — усмехнулся Тед Лоусон. — Пусть учится.

Мэджари пригладил волосы.

— Тед заплатил знакомому квартирному вору пятьсот долларов, чтобы тот украл фотографию. А когда мы перефотографировали ее, еще пятьсот, чтобы он положил фотографию на место.

— Мы тут придумали еще один пустячок, — добавил Лоусон. — Наклейку на бампер. Напечатали их не так уж и много, но я позаботился о том, чтобы Сэмми Хэнкс, садясь в машину, видел ее на бампере соседней и думал, что их миллионы.

И протянул Гуэйн ярко-желтую наклейку с красной надписью:

«СЭММИ ХЭНКС СОСЕТ».

— Боже ты мой, — простонал Гуэйн.

— Для Сэмми это легкий укол, но мы подумали, что вас это позабавит.

— Есть у нас кое-что посерьезнее, — продолжил Питер Мэджари. — Мы сделали выборку высказываний Сэмми Хэнкса, в которых он взхлеб хвалит Каббина, — он достал из большого конверта лист бумаги. — К примеру, двадцать первого октября шестьдесят девятого года он назвал Каббина, цитирую, «величайшим деятелем американского рабочего движения». А двадцатого февраля шестьдесят седьмого года сказал в Лос-Анджелесе, что он «уважает и любит Каббина, а самое главное, безгранично ему предан». И далее в том же духе. Как вы думаете, вы сможете это использовать?

— Еще бы, только выставляете меня полным дилетантом.

— Там вы найдете много интересного, — Лоусон указал на конверт.

— Вам нет нужды чувствовать себя дилетантом, Чарлз, — заметил Мэджари. — Будь это обычная избирательная кампания и вы могли бы воспользоваться привычными вам средствами, включая телевидение, вы бы могли бороться с Микки Деллой на равных. Но в печатной кампании Делле соперников нет, за исключением меня и Теда. Я думаю, мы дали вам достаточно материалов для завершения кампании. Если же возникнут проблемы, обязательно звоните.

— Разумеется, позвоню, — заверил их Гуэйн, решив, что лучше работать с теми, кому принадлежит болото, чем самому возиться в грязи.

В четыре часа того же дня Питер Мэджари и Тед Лоусон уже сидели в кабинете Уолтера Пенри.

— Я думаю, теперь дела у Гуэйна пойдут на лад, — докладывал Питер. — Как только он понял, что соперник ему не по зубам, он обратился к нам. Это указывает на его значительный потенциал.

— Хорошо, — кивнул Пенри. — Можем мы предпринять что-нибудь еще?

— Мне надо обязательно решить вопрос с Чикаго. Я до сих пор не могу выяснить, каким образом они собираются подтасовать результаты выборов.

— Продолжай разрабатывать это направление.

— Я-то продолжаю, но нужны деньги.

— Сколько мы уже потратили?

— Почти сто пятьдесят тысяч, — ответил Тед Лоусон.

— А сколько мы дали Каббину?

— Четыреста пятьдесят.

— То есть у нас осталось около пятидесяти тысяч?

— Да.

— Этого хватит?

— Я... — замаялся Мэджари, — думаю, да. Этот репортер требует десять тысяч.

— За один вопрос?

— Это очень важный вопрос.

— Хорошо, заплати ему. Когда они объявят о передаче?

— Завтра. Обычно они объявляют о передаче за две недели, чтобы подогреть к ней интерес.

— Ты уверен, что Хэнкс согласится принять в ней участие?

— О, да, — кивнул Мэджари. — Он просто мечтает о дебатах с Каббином.

— Но дебатов не будет? — спросил Пенри.

Мэджари покачал головой.

— Нет.

— Хорошо. Значит, в воскресенье, пятнадцатого октября, Каббин и Хэнкс примут участие в... Господи, ну никак не могу запомнить название этой чертовой передачи...

— «Весь мир смотрит», — подсказал Мэджари.

— Не удивительно, что я не могу это запомнить. Хорошо, они появятся там, чтобы многоуважаемые журналисты задали им несколько вопросов. Команды кандидатов и телекомпания постараются провести рекламу передачи, потому что Каббин и Хэнкс в первый и последний раз предстанут перед зрителями вместе. И эта программа должна поставить крест на переизбрании Каббина или решить исход голосования в его пользу.

— Если только они не подтасуют результаты выборов в Чикаго, — напомнил Тед Лоусон.

— Да, — Пенри посмотрел на Мэджари, — если они не подтасуют результаты выборов в Чикаго.

Мэджари улыбнулся и вновь пригладил волосы.

— У меня есть основания предполагать, что им это не удастся.

Глава 25

Какими бы причинами ни объяснялась популярность передачи «Весь мир смотрит», главная заключалась в том, что в эфир она выходила аккуратно перед воскресной трансляцией матчей профессиональной футбольной лиги.

Впрочем, были у передачи и свои плюсы. Для обсуждения выбирались темы, имеющие как сторонников, так и противников, причем приглашались одновременно обе стороны. Ведущему помогала четверка репортеров, известных своими каверзными вопросами, так что гости часто срывались на крик, к радости футбольных болельщиков, у которых возникало приятное чувство сопричастности с проблемами общества. Тем более приятное, что ради этих проблем им не приходилось жертвовать ни минутой футбольного времени.

Вел передачу Нил Джеймс, главный «провокаатор», политическая колонка которого перепечатывалась многими газетами. Он частенько потчевал публику «жареными» фактами, так что сумма предъявленных ему судебных исков обычно превосходила двадцать миллионов долларов. Особенно жаловал Джеймс жаркие дискуссии, а если передача никак не могла набрать ход, он любил подбросить вопрос, после которого гости передачи раздражались гневной тирадой. В трех случаях в ход пошли даже кулаки, отчего зрителей у передачи только прибавлялось.

Воскресным утром пятнадцатого октября, в своем номере отеля «Мэдисон» в Вашингтоне, Дональд Каббин выдержал двухчасовой допрос команды экспертов, возглавляемой Питером Мэджари. Ему помогали Чарлз Гуэйн, Оскар Имбер, два профсоюзных экономиста и очень высокооплачиваемый юрисконсульт профсоюза, который в последний момент решил сменить нейтралитет на поддержку Каббина.

Вопросы сыпались один за другим. Если ответ им не нравился, они подсказывали лучший. Прошлись по истории с «Федералист-Клуб», его пьянству, политическим взглядам, религиозным убеждениям, действиям на посту президента в прошлом,

настоящем и будущем. Не оставили без внимания и один из самых щекотливых вопросов: почему такой старик, как он, цепляется за власть? Вопросы были жесткие, циничные, въедливые, но Каббин на удивление хорошо справился с большинством из них.

В штаб-квартире «Комитета ради прогресса» в отеле, на углу Четырнадцатой улицы и Кей-стрит, Микки Делла подверг Хэнкса той же экзекуции, разве что вопросы были еще более циничными. Два часа спустя он кивнул.

— Годится.

Похвала редко слетала с губ Микки.

Без четверти час Койн Кенсингтон курсировал между кухонькой и кофейным столиком, выставляя на него еду, которая помогла бы ему продержаться в течение часовой передачи «Весь мир смотрит» и последующей трансляции футбольных матчей. Кенсингтон не хотел, чтобы голод помешал ему наслаждаться происходящим на телеэкране.

Поэтому на кофейном столике с трудом разместились полфунта салями, фунтовая коробочка крекеров, три полфунтовых кусочка сыра: швейцарского, чеддера и «монтери джек», два шоколадных торта с орехами, банка с оливками, огромный пакет картофельных чипсов, банка орешков, нарезанная ломтями буханка ржаного хлеба, тарелка с жареными цыплятами и миска картофельного салата. Последнее путешествие Кенсингтона к холодильнику добавило ко всему этому кварту топленого молока и большую банку маринованных огурчиков.

Без десяти час в дверь позвонили. Когда Кенсингтон открыл дверь, перед ним предстал Уолтер Пенри, в синем двубортном кашемировом пиджаке, темно-серых брюках и белой рубашке.

— Заходи, — Кенсингтон отступил в сторону. — Я уже начал волноваться, что ты опоздаешь.

— Никогда в жизни.

— Если ты голоден, можешь перекусить, — Кенсингтон указал на кофейный столик.

— Нет, благодарю.

— В холодильнике есть пиво.

— От пива не откажусь.

— Если тебе не трудно, возьми его сам. А то я целый день на ногах.

— Конечно, конечно, — Пенри достал банку пива, стакан решил не брать, зная, что старик любит смотреть, как он пьет из банки.

Глотнул пива, наблюдая, как толстяк устраивается на диване, чтобы легко дотянуться до кофейного столика.

— Прибавь громкость и садись.

Пенри шагнул к цветному телевизору с большим, двадцать четыре дюйма по диагонали, экрану, повернул верньер звука, а затем устроился в удобном кресле.

— Так ты думаешь, передача будет интересной?

— Должна быть, — ответил Пенри. — На это мы потратили десять тысяч долларов.

* * *

В своей гостиной в Балтиморе Трумен Гофф включил телевизор и вернулся к

статье в «Нью-Йорк таймс», живописующей перипетии борьбы между Каббином и Хэнксом. В последнем абзаце указывалось, что Каббин будет голосовать в отделении номер один в Питтсбурге, членом которого состоял с самого начала, а Хэнкс — в штаб-квартире профсоюза в Вашингтоне. Гофф вырезал статью из газеты и положил в бумажник.

Из кухни появилась его жена с двумя банками пива. Одну дала Гоффу.

— Хочешь послушать эту болтовню?

— Собираюсь.

— Они только и делают, что кричат друг на друга.

— Иногда доходит до драки.

— Когда ты завтра уезжаешь?

— Точно не знаю. Около десяти.

— По приезде в Линчберг не забудь передать матери привет от меня.

— Хорошо. Деньги тебе нужны?

— Нет. Хватит тех, что ты мне уже дал.

В студию, что располагалась в северо-западной части Вашингтона, Дональд Каббин прибыл в лимузине, принадлежащем профсоюзу. За рулем сидел Фред Мур, рядом с ним — Келли Каббин. Его отец расположился сзади, между Оскаром Имбером и Чарлзом Гуэйном. Откидные сиденья заняли Питер Мэджари и Тед Лоусон.

Сэмми Хэнкса подбросил к студии Микки Делла в своем «форд-галакси», купленном им пять лет тому назад.

— Пусть все видят, как Каббин, в отличие от тебя, сорит профсоюзными денежками, приводя с собой целую толпу, — пояснил он Хэнксу свое решение.

Впервые за два месяца Хэнкс и Каббин столкнулись лицом к лицу у дверей студии. Подозрительно оглядели друг друга, словно гадая, не выхватит ли кто спрятанный в кармане нож. Наконец Каббин буркнул:

— Привет, Сэмми.

— Добрый день, Дон.

— На кого ты ставишь?

Хэнкс изумленно воззрился на Каббина.

— Разумеется, на себя, — торопливо ответил он.

— Я про футбол, дурачок, — и Каббин проследовал в студию.

Микки Делла пристроился к Питеру Мэджари.

— Я удивлен, что ты решился выползти из чащобы на свет божий.

— Ах, Майкл, как приятно тебя видеть, — последовал ответ. — Мне-то говорили, что тебя отправили в дом престарелых.

Нил Джеймс радушно встретил гостей, пожал им руки и отправил гримироваться. Девушка, что работала с Каббином, сказала, что выглядит он, как актер. Та, которой достался Сэмми Хэнкс, в отчаянии прикусила губу.

— Может, наденем на меня бумажный пакет? — предложил Сэмми.

Когда Дональд Каббин вышел из гримерной, Чарлз Гуэйн отвел его в сторону.

— Один совет, Дон. Отвечайте покороче и не вступайте с ними в перепалку.

— Как насчет милой шутки после того, как меня представят? Раз уже столько говорили о моих городских клубах, может, мне сразу добавить к ним и мои гольф-клубы?

Гуэйна аж перекошило.

— Пожалуйста, Дон, не надо. Никаких шуток. Держитесь с чувством собственного достоинства.

— По-вашему, в этом нет ничего забавного?

— Нет.

— Как скажете, — ответил Каббин, решив про себя, что от шутки не откажется, если подвернется благоприятный момент. Шутки снимают напряжение, подумал он.

Питер Мэджари увел его от Гуэйна.

— Будьте добры к Сэмми, Дон, — прошептал он. — Не слишком напирайте на него.

— Что значит не напирайте? Я просто обязан как следует приложить этого сукиного сына.

Мэджари печально улыбнулся.

— Просто запомните мои слова, Дон. Пожалуйста. Проявите доброту. Сострадание.

— О чем, собственно, речь?

Мэджари пожал плечами и вновь печально улыбнулся.

— Запомните мои слова, — повторил он.

После того, как Каббина увели на съемочную площадку, Тед Лоусон подошел к Питеру Мэджари.

— Ты ему сказал?

— Во всяком случае, намекнул.

— Рискованная затея, — в голосе Лоусона слышались нотки сомнения.

— Все получится, — ответил Мэджари. По тону чувствовалось, что он хочет убедить в этом и себя. — Я думаю, все получится.

Келли Каббин сидел рядом с Фредом Муром, наблюдая по экрану монитора, как гости и репортеры занимают свои места.

— Старина Дон отлично смотрится по ти-ви, не так ли, Келли? — спросил Мур.

— Ты абсолютно прав.

— Сегодня он лишь дважды приложился к бутылке. Я предложил ему промочить горло, когда мы подъезжали к студии, но он отказался.

— Ты сама доброта, Фред.

На съемочной площадке четверка репортеров, прозванных Живоглотами, расселась за полукруглым столом, установленным на возвышении. На гостей, а скорее, жертв, как называл их Нил Джеймс, они смотрели сверху вниз. Гости усадили на простые стулья с прямой спинкой. Руки они могли положить только на колени, что придавало им испуганный вид. Каббин, однако, знал, что делать с руками. Сидел он, расправив плечи, вскинув подбородок, положив ногу на ногу. Правая его рука покоилась на левой ноге, а левой он сжимал запястье правой. Зрители сразу понимали, что перед камерой сидит уверенный в себе человек, с хорошо развитым чувством собственного достоинства.

Сэмми Хэнксу оставалось воспользоваться единственным оружием, оставшимся в его распоряжении: обаятельной улыбкой. Так что она не сходила с его лица, за исключением моментов, требующих серьезности. Что же касается рук, то он держал их прижатыми к бокам. Микки Делла подумал, что Сэмми похож на человека, ожидающего, что его вот-вот привяжут к электрическому стулу.

Нил Джеймс расположился за маленьким столиком, стоявшим на возвышении между гостями. Благодаря круглой, как у херувима, физиономии выглядел он гораздо моложе своих сорока шести лет. Он тоже часто улыбался. И обычно за сладчайшей из

улыбок следовал наиболее коварный вопрос.

Репортеров Джеймс отбирал не столько за их внешность или журналистский талант, но за умение не стесняться в вопросах. До того, как они начали регулярно появляться в его передаче, все четверо занимали крохотные пенальчики в Национальном доме прессы и писали для провинциальных газет Луизианы, Техаса, Айдахо и Небраски. Теперь двое из них, Рэй Соллман и Роджер Крим, вели собственные колонки, перепечатываемые десятками газет по всей стране, а двум другим, Френку Феликсу и Арнольду Тиммонсу, заказывали статьи такие журналы, как «Плейбой» и «Эсквайр», хотя Тиммонс полагал, что он заслуживает и большего.

Все они понимали, что пришедшие к ним престиж и популярность целиком зависят от их появления в передаче «Весь мир смотрит». Знали они и то, что Нил Джеймс будет приглашать их и платить по пятьсот долларов лишь в том случае, если они будут набрасываться на гостей, как цепные псы. Они и набрасывались, и даже соревновались друг с другом в том, кто задаст самый неудобоваримый вопрос.

Передача, кстати, отточила их мастерство, ибо за бьющими в цель вопросами стояла огромная черновая работа, которой ранее они себя не утруждали. Но они также поняли, что с ростом их престижа поднимался и уровень их источников информации, так что теперь они по праву числились среди наиболее осведомленных репортеров Вашингтона.

Передача, как обычно, началась с представления гостей. Первый вопрос задал Нил Джеймс, мило улыбнувшись Сэмми Хэнксу.

— Мистер Хэнкс, давно ли вам известно о том, что мистер Каббин, ваш соперник, — алкоголик?

— Уже несколько лет, — ответил Хэнкс, подумав: «Боже ты мой, я такого не ожидал. Делла меня предупреждал, но это уж чересчур».

— И вы решили выступить против него, потому что подумали, что сможете одолеть больного человека?

Двадцать две минуты вопросы сыпались градом, сначала на Хэнкса, потом на Каббина. Десять минут спустя в ответах Хэнкс уже срывался на крик. Каббин, используя актерские навыки, сумел сохранить внешнее хладнокровие, но и он однажды рывкнул на Нила Джеймса.

— Не буду я отвечать на этот вопрос.

— Почему?

— Потому что он чертовски глуп.

— Тогда, возможно, за вас ответит ваш оппонент, мистер Хэнкс?

— Конечно, — улыбнулся Хэнкс. — С удовольствием отвечу.

На двадцать третьей минуте Арнольд Тиммонс глубоко вздохнул, еще раз вспомнил о десяти тысячах долларов, которые накануне вручил ему наличными Питер Мэджари и повернулся к Хэнксу.

— Хочу задать вам следующий вопрос.

Тиммонс выдержал паузу. Хэнкс посмотрел на него и лучезарно улыбнулся.

— Валийте. Едва ли он окажется круче тех, на которые я уже ответил.

— Ваш отец был выпускником Принстонского университета, мистер Хэнкс, однако вы с трудом закончили школу...

Никто так и не узнал суть вопроса, который намеревался задать Тиммонс, потому что упоминание об отце буквально сорвало Хэнкса со стула.

— Ты? — заорал он, рука его протянулась к Тиммонсу. — Сволочь! Мразь! Какая

же ты мразь!

Хэнкс уже стоял между Нилом Джеймсом и столиком, за которым расположились репортеры. Указательный палец его вытянутой руки по-прежнему целился в грудь Тиммонса.

— Я до тебя доберусь! — вопил Хэнкс. — Я до тебя доберусь! Ты еще пожалеешь об этом!

В пультовой режиссер подпрыгивал от восторга, командуя оператором, работавшим на третьей камере.

— Превосходно! Превосходно! Держи его в кадре, даже если он решит выпрыгнуть в окно!

А Сэмми Хэнкс уже упал на колени и барабанил кулаками по полу, раз за разом выкрикивая что-то нечленораздельное, похожее на «гад!». Потом он посмотрел на Тиммонса, и сорок миллионов телезрителей увидели крупным планом его уродливое лицо, с ощерившимися зубами, появляющимся и исчезающим в глубине рта языком, текущей по подбородку слюной. Сэмми Хэнкс полз по полу к Арнольду Тиммонсу, колотя кулаками по полу и исходя криком, а камера неотступно следовала за ним.

Ни один человек не заслуживает такого, подумал Дональд Каббин, даже Сэмми. Он поднялся, подошел к Хэнксу, постоял над ним, высокий, красивый, седоволосый, с выражением безмерного сострадания на лице, лишь наполовину наигранного.

В пультовой режиссер кричал в микрофон:

— Третья камера — Каббина крупным планом. Теперь вторая дает Хэнкса. Снова третья на Каббина. Сэмми, бэби, поплачь немного для нас. Господи, какая прелесть.

Хэнкс все еще полз, выкрикивая все то же слово, когда Каббин наклонился над ним.

— Вставай, Сэмми, и давай уйдем отсюда.

Хэнкс посмотрел на него и в объектив третьей камеры.

— Гад! — сорвалось с его губ, а слезы текли по щекам, смешиваясь на подбородке со слюной.

Каббин помог Хэнксу подняться и повел его прочь.

— Вы думаете, что этим добавите себе голосов, мистер Каббин? — крикнул вслед Нил Джеймс.

Каббин обернулся, пронзил взглядом Джеймса. Многое вложил он в этот взгляд: презрение, ненависть, чуть-чуть обиды. Камера все это зафиксировала, а микрофон разнес по студии зычный баритон Каббина.

— Я думаю не о голосах. Я думаю, что нельзя так относиться к человеку.

Микки Делла смотрел, как на экране монитора Каббин уводил плачущего Хэнкса со съемочной площадки. Он вытащил изо рта окурки, загасил его о ковер, поднялся с кресла, вышел в холл и зашагал к выходу. Микки Делла не переносил плакс.

В номере отеля Койн Кенсингтон отправил в рот ложку картофельного салата, глаза его не отрывались от телевизора.

— Господи, это отвратительно, — пробормотал он с набитым ртом. — Просто отвратительно.

— За это мы и заплатили десять тысяч долларов, — пояснил Пенри.

— Да, я знаю, но как же это отвратительно.

— Этого, однако, недостаточно для переизбрания Каббина.

Старик Кенсингтон коротко глянул на Пенри.

— Во всяком случае, голосов эта передача у него не отнимет.

Каббин вывел плачущего Хэнкса в холл, огляделся.

— Кто им займется? Я же ему не нянька.

— Делла уехал, — ответил Мэджари.

Келли Каббин подошел к отцу.

— Я позабочусь о нем, чиф.

— А может, поручим это кому-нибудь еще?

— Сэмми, я отвезу тебя домой, — Келли повернулся к Муру. — Дай мне ключи, Фред.

— А как же мы доберемся домой? — спросил Дональд Каббин.

— Что-нибудь придумаете, — и Келли увлек Сэмми Хэнкса к выходу.

— Вы поступили благородно, Дон, — воскликнул Оскар Имбер. — Чертовски благородно.

— Голосов вы сегодня не потеряли, — добавил Чарлз Гуэйн.

— Вы думаете, я все сделал правильно, да? — спросил Дональд Каббин.

— Вы были великолепны, Дон. Видели бы вы себя на мониторе. Телевидение — это чудо. Просто чудо.

— Может, мы сможем достать пленку, чтобы иногда просматривать ее?

— Господи, вы превзошли себя, — Тед Лоусон хлопнул Каббина по плечу.

— Хорошо, очень хорошо, — согласился с коллегой Питер Мэджари.

Каббин подмигнул ему.

— Я выказал достаточно сострадания, Пит?

— Сколько надо, а может, и чуть больше.

Вдохновленный не столько неудачей Сэмми Хэнкса, как собственным благородством, Каббин повернулся к Фреду Муру.

— Давай-ка найдем сортир, Фред.

— Конечно, Дон.

В туалете Каббин сначала убедился, что в кабинках никого нет, а потом взял из рук Фреда полпинтовую бутылку. Глотнул бербона, закрыл глаза, вздохнул.

— Вы выглядели потрясающе, Дон. Потрясающе.

Каббин открыл глаза, посмотрел на Мура.

— Фред...

— Да?

— Я хочу попросить тебя об одной услуге.

— Конечно, Дон. О чем же?

— Перестань трахать мою жену.

Глава 26

В день выборов, семнадцатого октября, во вторник, два копа заявили в дом Марвина Хармса в семь утра. Лейтенант Клайд Бауэр, лысый и толстый, и его напарник, тридцативосьмилетний рыжеволосый сержант Теодор Ростковски, которого все звали Кирпич, из бюро детективов чикагской полиции.

Лейтенант Бауэр первым делом сообщил Марвину Хармсу, что он арестован, затем зачитал ему его права и показал два ордера, один на арест, второй — на обыск.

— И что же намереваетесь найти? — любопытно спросил Хармс.

Бауэр пожал плечами.

— Немного «травки», может, даже героин.

— Так ищите.

— Уже нашли, — улыбнулся Бауэр. — Боюсь, вам придется проехать с нами в участок, мистер Хармс.

— Кто меня подставил?

Бауэр устало улыбнулся. В такую ситуацию он попадал далеко не впервые.

— Одевайтесь, мистер Хармс.

— Могу я позвонить?

Бауэр взглянул на Ростковски. Тот пожал плечами.

— Звоните.

Хармс повернулся к жене, дрожащей в одном халатике и отнюдь не от холода.

— Не волнуйся. Поднимись к детям. Я все улажу.

Она поднялась на второй этаж, а Хармс набрал номер. Не адвоката, так так понимал, что адвокаты тут не помогут. Он звонил Индиго Буну.

Когда заспанный Бун наконец-то взял трубку, Хармс сразу ввел его в курс дела.

— Это Хармс. Ко мне заявили двое копов, чтобы арестовать за хранение наркотиков. Сегодня-то мне никак нельзя в тюрьму.

— Да, сегодня все и должно быть.

— В том-то и дело.

— А без тебя ничего не получится.

— Знаю. Потому и звоню.

— Я рад, что ты позвонил мне. Адвокаты тебе сегодня не помогут.

— Думаете, вы сможете что-нибудь сделать?

— Уже делаю, — и Индиго Бун положил трубку.

Хармс поднялся наверх, оделся, велел жене позвонить адвокату, а всем остальным говорить, что она не знает, где он. Шагая между двух детективов к черному «форду», он повернулся к Бауэру.

— Кому-то этот арест обошелся в кругленькую сумму. Не знаете, в какую именно?

В глазах Бауэра на мгновение мелькнула злость. А потом он снова заулыбался.

— Возможно, вы правы, мистер Хармс, этот арест мог дорогого стоить, но я могу кое-что вам сказать, если вам это интересно.

— Скажите.

— Если и платили, то не деньгами.

Индиго Бун положил трубку, подошел к окну, посмотрел на Мидуэй, на серые здания Чикагского университета. После звонка Марвина Хармса он звонил уже третий раз и понял, что звонить кому-то еще не имеет смысла. Тот, кто организовал этот арест, подготовил его более чем основательно, так что этому мальчику он ничем помочь не мог. До семи вечера сам Господь Бог не вытащил бы его из тюрьмы. А в семь его отпустят и так. После того, как закроются избирательные участки.

В вашингтонском кабинете Уолтера Пенри телефон зазвонил в половине девятого. Уолтер взял трубку после первого звонка. Поздоровался, затем кивнул Питеру Мэджари, сидевшему у его стола. Послушал, потом заговорил сам.

— Я высоко ценю твое содействие, Рон. И скажи боссу, что я ему очень благодарен. И еще, если представится случай, скажи ему, что в следующем месяце я

хотел бы угостить его обедом, если ему удастся выкроить время. Еще раз спасибо. Я тебе позвоню.

Пенри положил трубку и улыбнулся.

— Они арестовали Хармса полтора часа тому назад. И продержат его за решеткой до семи вечера.

— Что ж, значит, в Чикаго они не подтасуют результаты выборов. Без Хармса у них ничего не получится.

Пенри кивнул.

— Возможны ли другие неприятности, не предусмотренные нами?

Мэджари покачал головой.

— Нет, по-моему мы учли все, что могли.

Утром семнадцатого октября Дональд Каббин проснулся в номере отеля «Хилтон» в Питтсбурге безо всякого похмелья. Бреясь, он даже поймал себя на том, что посвистывает, чего не случалось с ним давным-давно. В понедельник он только дважды прикладывался к спиртному, в воскресенье — трижды. Даже сломанный палец не беспокоил его. Может, я вообще брошу пить, думал он, втирая в кожу лосьон после бритья. Зачем оно нужно, это спиртное.

Добавили Каббину хорошего настроения и опросы, проведенные среди членов профсоюза после воскресной телепередачи. Его рейтинг существенно возрос. Завязывая галстук, Каббин всмотрелся в зеркало. Увиденное приятно удивило его. «Да, ты этого хочешь, — сказал он себе. — Все еще хочешь почета, уважения, комфорта, ждущих тебя лифтов, всей этой суеты. Более того, тебе нравится, когда люди сидят и ждут, что же ты скажешь, да или нет, потому что именно у тебя есть на это право. И люди эти зачастую умнее тебя и несравненно богаче, но последнее слово остается за тобой, а не за ними. А тебя это или вдохновляет или пугает до смерти, так пугает, что ты ищешь убежища в бутылке. Что ж, — думал Каббин, разглядывая себя в зеркале, — больше мне прятаться незачем».

Ему нравились эти мысли, но еще больше нравились воспоминания о прошлой ночи. Впервые за последние месяцы у него все получилось, так что сегодня он не собирался пить, чтобы повторить пройденное и в ночь грядущую. «В ней вся причина, — думал он, — в выпивке. А у него-то все в порядке. Прошлую ночь он отработал неплохо, во всяком случае, для шестидесятидвухлетнего старикана. Черт, почти что шестидесятитрехлетнего, — поправил он себя. — Пора быть честным, хотя бы наедине с собой».

Из ванной, где одевался, он вышел тихонько, чтобы не разбудить Сэйди. Раньше он даже не подумал бы об этом. Она, однако, уже проснулась, но лежала в кровати, улыбалась.

— Доброе утро, милый.

— Как ты, дорогая?

— Отлично. Просто отлично. Еще две такие ночи, как прошлая, и я не выпущу тебя из кровати.

— Посмотрим, как пройдет следующая, — подмигнул ей Каббин.

— Ты обещаешь, что она будет не хуже?

— Обещаю.

— Тогда поцелуй меня.

Каббин наклонился и поцеловал ее в теплые, мягкие губы.

- Ты должен идти?
- Я должен проголосовать.
- Да, конечно. Я совсем об этом забыла.
- К ленчу вернусь.
- Хорошо, дорогой. До встречи.
- До встречи.

В гостиной Каббина ждали четверо мужчин. Оглядев их, Каббин подумал, что более ему ни к чему держать их при себе. Разве что Келли. Келли — отличный мальчик. Но не Фред Мур. Фреда завтра здесь не будет. А Имбер и Гуэйн уплывут сами, при любом исходе голосования.

— А теперь, — Каббин хлопнул в ладоши и широко улыбнулся, — поедем голосовать за достойного кандидата.

— Подождите пару минут, Дон, — остановил его Фред Мур. — Я разберусь с лифтом.

От «Хилтона» они поехали на юг, а потом на запад. Каббин сидел на заднем сиденье, между Имбером и Гуэйном. Машину вел Фред Мур. Келли устроился рядом с ним.

— Видите это новое здание? — указал Каббин, когда они проехали несколько кварталов. — Здесь раньше находилась «Школа бизнеса» старика Петтигрю. Он устроил меня на работу в профсоюз. Его руководство часто пользовалось ненормативной лексикой и не желало брать в секретари девушку.

Они миновали еще три или четыре квартала.

— А на месте этой автостоянки был завод Сэмпсона. Летом тридцать восьмого года я провел там сорок один день. Господи, какая же тогда стояла жара. А питались мы лишь запеченными в тесте котлетками да консервированной фасолью, которые нам передавали через окно в корзине. Рабочие проводили сидячую забастовку, и старик послал меня к ним для поддержания духа. Наверное, это были самые ужасные дни в моей жизни. Я помню, что поначалу ночью к нам приходили две девчушки, которые ублажали каждого, у кого находился четвертак. Несколько дней спустя они снизили таксу до пятнадцати центов. Господи, какие же это были уродины.

Каббин несколько минут помолчал.

- Питтсбург меняется. Раньше он был куда более грязный.
- Там, куда мы едем, он и остался грязным.
- То есть за рекой?
- Да.
- Ты, конечно, прав.

Зеленый «олдсмобил» пересек Мононгахелу. Теперь они ехали по серым, мрачным улицам. Когда они остановились на красный сигнал светофора, какая-то женщина, в бесформенном коричневом пальто, с коробкой в руках, заполненной банками пива, всмотрелась в сидящих на заднем сиденье. Внезапная улыбка осветила ее морщинистое лицо. Она помахала Каббину рукой.

— Привет, Дон.

Каббин заулыбался, опустил стекло, перегнулся через Имбера.

- Привет, подруга.
- Сегодня я проголосую за тебя.
- Хорошо, мне дорог каждый голос.
- Все равно ты победишь.

— Надеюсь на это.

Красный свет сменился зеленым, и «олдсмобил» набрал ход.

— Кто это? — спросил Имбер.

Каббин радостно рассмеялся.

— Понятия не имею.

Здание первого отделения располагалось на боковой улочке, напротив квартала двухэтажных домов, первые этажи которых занимали магазины, а на втором жили их владельцы. По зданию, построенному из красного кирпича, чувствовалось, что заказчики хотели обойтись минимальными средствами.

На тротуаре их уже поджидали съемочные группы всех трех телекомпаний. На лестнице, ведущей к дверям, собрались функционеры первого отделения, мимо которых шествовали рядовые члены профсоюза, одни к избирательным урнам, другие — в противоположном направлении, уже выполнив свой долг. Голосование проходило активно, потому что, согласно контракту, каждому члену профсоюза оплачивалось три часа за участие во внутривнутрипрофсоюзных выборах, проходящих каждые два года.

Камеры сопровождали Каббина от автомобиля до лестницы, где он остановился, чтобы пожать руку местным профсоюзным боссам. Покончив с этим, Каббин повернулся, чтобы идти дальше, но тут к нему подскочил старичок лет семидесяти, с бакенбардами и в потрепанном сером пальто. Обнял Каббина, чмокнул его в щеку и срывающимся голосом воскликнул: «Благослови тебя Бог, Дон Каббин, потому что ты — хороший человек».

Каббин не смог сдержать слез, навернувшихся на его глаза. Он смахнул их левой рукой, а правой пожал руку старика.

— Спасибо тебе, приятель. Большое спасибо.

— Сколько это тебе стоило, Чарли? — спросил Гуэйна репортер Эн-би-си.

— Пятьдесят баксов, — ответил Гуэйн.

— Отличный кадр, мы его обязательно используем.

Келли Каббин и Фред Мур дожидались снаружи, пока Каббин проголосует. Оскар Имбер и Чарльз Гуэйн болтали с тележурналистами, которые решили запечатлеть Каббина и после голосования.

— Хочу тебя кое о чем спросить, Келли, — обратился к Каббину-младшему Фред Мур.

— Слушаю.

— Твой отец сердится на меня?

— Понятия не имею. А что?

— Последние пару дней он ведет себя как-то странно.

— В каком смысле?

— Ну, он практически перестал пить.

— Так, может, это и к лучшему?

— Да, наверное, но мне кажется, он сам не свой.

— Я этого не заметил.

— А может, я и ошибаюсь.

Келли широко улыбнулся.

— Вполне возможно, Фред.

В здании первого отделения Каббин без колебания проголосовал за себя и предложенную им кандидатуру секретаря-казначей, пожал руки рядовых членов профсоюза, дал кому-то автограф и направился к выходу. Задержался на верхней

ступеньке, чтобы помахать рукой всем трем камерам, и начал неспешно спускаться по лестнице.

Первая пуля ударила ему в плечо, вторая, мгновением позже — в живот, отрикошетила и угодила в правое легкое. Каббин чуть не упал, но нашел в себе силы шагнуть на следующую ступеньку, думая: «Такого не может быть. Во всяком случае, со мной».

Тут он уже понял, что падение неизбежно. И голову пронзила мысль: «Сделай это, как полагается. Как Кагни в его фильмах». Но боль оказалась сильнее, и он покатился вниз по ступенькам, чтобы застыть на тротуаре лицом вверх, глядя в нацеленные на него камеры.

Келли подбежал к нему первым. Каббин всмотрелся в его перепуганное лицо, понял, что должен что-то сказать, как-то успокоить сына, но с губ его сорвались лишь два слова, имя и фамилия человека, олицетворяющие мир, о котором он мечтал сорок лет, который так и не стал явью для Дональда Каббина.

— Берни... Линг, — и он умер.

Уже началась паника. Кто-то кричал, кто-то стремился пробиться поближе к Каббину, а Келли, ничего не видя, плакал над телом отца, пока Оскар Имбер не помог ему встать.

— Он мертв, Келли?

— Да.

— Он что-то сказал... в самом конце?

Микрофоны уже застыли перед лицом Келли, камеры впитывали горе, переполнявшее его глаза.

— Что сказал ваш отец? — спросил кто-то из телевизионщиков. — Назвал чью-то фамилию?

Келли кивнул.

— Скорее, имя.

— Вы можете повторить нам его?

— Конечно, — Келли проглотил слезы. — Роузбад.

Глава 27

При звуке первого выстрела Фред Мур оглядел улицу, но ничего не заметил. А при втором уловил движение на крыше одного из двухэтажных домов на противоположной стороне.

Он чувствовал, что от него ждут действия, а потому метнулся через мостовую, на ходу выхватив из кармана «чифс спешэл» тридцать восьмого калибра.²⁶ И едва не угодил под машину. Водитель резко нажал на педаль тормоза, но все равно задел бампером ногу Мура. Побледневший водитель нажал на клаксон, выкрикнув: «Идиот!» Но Мур его не слышал. Он даже не заметил удара.

Справа от себя он увидел узкий проулок, в котором стояли мусорные баки. Он уходил меж двух домов и упирался в улицу за домами. Интуиция подсказала Муру, что он на правильном пути. По проулку он добежал до угла дома, осторожно выглянул из-за него. В руке он держал револьвер, который таскал с собой три года, а стрелял из него максимум раз десять, да и то по банкам из-под пива. Каббин всегда подзуживал

²⁶ Один из револьверов фирмы «Смит и Вессон» под патрон диаметром 0,38 дюйма.

его насчет револьвера, а однажды, крепко напившись, хотел отнять его и запереть в своем столе. «Сегодня он не стал бы меня подзуживать», — подумал Мур.

Он увидел багажник синего «торонадо» с номерами штата Мэриленд. Автомобиль стоял рядом с пожарной лестницей. Двигатель «торонадо» работал, и синий дымок вился над выхлопной трубой. Уходя, водитель оставил открытой левую переднюю дверцу.

Сверху донесся какой-то звук. Мур прижался к стене дома. Какой-то мужчина в белых резиновых перчатках быстро спускался по пожарной лестнице. С ружьем в левой руке.

«Я его уже видел, — подумал Мур. — Я где-то видел его и Дона». У Мура была феноменальная память на лица, номера домов, даты, адреса и телефоны, но едва ли он мог вспомнить, шел ли вчера дождь или светило солнце: бесполезную информацию он забывал сразу.

«В Чикаго, — вспомнил он, — в вестибюле отеля „Шератон-Блэкстоун“, после ужина у Джино, обошедшегося в сорок три доллара восемьдесят пять центов». Этот востроносенький сидел в вестибюле, и Дон сказал ему: «Привет, приятель», на что тот ответил: «Привет».

Спускаясь по пожарной лестнице, Трумен Гофф продумывал свои следующие шаги. Ружье в багажник, самому в машину, вперед до первого поворота направо, два квартала, поворот налево, потом только прямо. Через пять, максимум через пять с половиной минут он будет на автостраде, ведущей в Уилинг, что в Западной Виргинии.

«Первая пуля попала выше, — напомнил себе Гофф, — так что пришлось стрелять второй раз». «Ремингтон» он украл в Майами из багажника автомобиля. Но второй выстрел удался. Отправил Каббина на тот свет. Шестое чувство всегда подсказывало Гоффу, какой из его выстрелов был смертельным.

Гофф обежал «торонадо», открыл багажник, сунул ружье под старое одеяло, захлопнул багажник и застыл, услышав за спиной мужской голос: «Эй, ты».

«Он вооружен, — подумал Гофф. — Наверняка вооружен. Тебе остается или попытаться прыгнуть в машину, или сначала разобраться с ним». Правая рука Гоффа скользнула за пояс. Мгновение спустя пальцы крепко сжимали рукоять пистолета «кольт командер» тридцать восьмого калибра.²⁷

«Пора», — приказал он себе и начал поворачиваться. Но прежде чем он оказался лицом к лицу с противником, пуля пробила его правое бедро и отбросила на багажник «торонадо».

«Почему он не падает? — думал Мур, видя, как этот худощавый мужчина медленно поднимает пистолет. — Почему он не падает? Я же его ранил. Когда человека ранят, он должен падать».

Гофф не узнал того, кто стрелял в него с десяти футов. Он чувствовал боль в ноге, но не обращал на нее внимания. Трумен Гофф игнорировал боль, точно так же, как некоторые игнорировали Рождество. Он поднял пистолет и уже нажал на спусковой крючок, когда вторая пуля Мура ударила в правое плечо Гоффа, сбив ему прицел. Мур выстрелил вновь, и на этот раз Гофф упал на колени: пуля вошла в грудь, чуть ниже сердца. Гофф все еще пытался поднять пистолет, чтобы прицелиться и еще раз

²⁷ Один из пистолетов фирмы «Кольт».

выстрелить в этого человека, но рука не подчинялась ему. Он смог лишь поднять голову и встретиться взглядом с медленно приближающимся к нему Фредом Муром.

Фред Мур и Трумен Гофф смотрели друг на друга долгих десять секунд. За это время они обменялись историями своей жизни, пришли к согласию по одной важной философской проблеме и, к обоюдному сожалению, решили, что им надо расстаться.

Трумен Гофф склонил голову, и Фред Мур всадил в нее две пули.

Глава 28

Через три дня после выборов министерство труда Соединенных Штатов поручило Ассоциации честных выборов подвести итоги борьбы между Дональдом Каббином и Сэмюэлем Морзом Хэнксом.

В голосовании приняли участие примерно шестьдесят пять процентов членов профсоюза, и двадцать третьего октября, в понедельник, министр труда обнародовал результаты голосования: Каббин — триста шестнадцать тысяч пятьсот восемьдесят семь бюллетеней, Хэнкс — триста семнадцать тысяч сто тридцать два бюллетеня, пять тысяч сорок один бюллетень признаны недействительными. Министерские остряки сошлись во мнении, что Войд²⁸ мог бы получить больше голосов, если б активнее проводил предвыборную кампанию.

ФБР занялось расследованием убийства Каббина, поскольку возникли подозрения, что оно напрямую связано с выборами. Питтсбургская полиция признала в Трумене Гоффе убийцу, благо она располагала неопровержимыми уликами вины последнего, и закрыла дело. Обвинения против Фреда Мура не выдвигались.

Через день после объявления результатов голосования Сэмми Хэнкс занял кабинет Каббина и первым своим приказом назначил Марвина Хармса «специальным помощником президента». Сие означало, что годовое жалованье Хармса увеличилось с тридцати тысяч до тридцати семи тысяч пятисот долларов.

Став президентом, Хэнкс решил, что ему не с руки знакомиться с подробностями того, как Хармсу удалось подтасовать результаты выборов в Чикаго. Поэтому никаких вопросов он не задавал, а Хармс решил, что ему нет нужды признаваться в провале своей миссии.

Вторым приказом Хэнкс уволил Оскара Имбера. На следующий день тот уже работал у Тимстеров.²⁹

Через двадцать минут после увольнения Имбера Хэнкс вызвал Фреда Мура, чтобы сообщить, что в профсоюзе ему делать нечего. Фред позвонил Сэйди, но та отказалась говорить с ним.

Чарлз Гуэйн, получивший последнюю часть причитающегося ему вознаграждения за неделю до убийства Каббина, загрузил жену в машину, вместе с двумя ящиками шотландского, и отбыл во Флориду, к своей яхте.

Узнав о новой должности Марвина Хармса, Индиго Бун по телефону застраховал его жизнь на сто тысяч долларов. О выборах в разговоре не упоминалось, но Марвин решил, что не след ему отказываться от страховки.

Через два дня после смерти Каббина Уолтер Пенри получил кусок салфетки, на

²⁸ От англ. Void — недействительный.

²⁹ Тимстеры — профсоюз водителей грузового транспорта.

которой его очень богатый, но эксцентричный клиент сообщал, что более не нуждается в услугах фирмы «Уолтер Пенри и помощники».

Через день после объявления Хэнкса победителем Микки Делла послал ему счет на недоплаченные двадцать одну тысячу триста двенадцать долларов и пятьдесят семь центов. Хэнкс тут же переправил счет в корзинку для мусора.

В газетах отмечалось, что смерть Каббина являет собой закат старой эры, а победа Хэнкса свидетельствует о приходе нового поколения профсоюзных лидеров.

Двадцать седьмого октября, через десять дней после смерти отца, Келли Каббин пришел к Койну Кенсингтону.

Толстяк открыл дверь. Келли сразу ему понравился. Красивый парень, весь в отца, но, похоже, порешительнее.

— Заходи, сынок. Я тебя ждал.

— Благодарю, — ответил Келли.

— Хочешь что-нибудь выпить?

— Нет.

— Тогда могу предложить прохладительный коктейль собственного изобретения. Кока-колу с шоколадным сиропом и ванильным мороженым.

— По-моему, это вкусно.

— Хотите попробовать?

— Конечно.

Кенсингтон прикинул, сколько у него в холодильнике мороженого, решил, что достаточно, и поспешил на кухню.

— Присядь, сынок. Уолтер Пенри сказал, что ты хочешь повидаться со мной.

— Он назвал причину?

— Сказал, что в связи со смертью твоего отца.

— Совершенно верно.

Кенсингтон вернулся с двумя полными вазочками.

— Думаю, тебе понравится, — и протянул одну Келли.

Тот попробовал.

— Вкусно. Никогда не добавлял к мороженому шоколадный сироп.

— Должен признаться, сынок, шоколад для меня что наркотик. Поверишь ли, благодаря шоколаду я стал лучше понимать алкоголиков и курильщиков. Несколько раз пытался отказаться от него, иногда мне казалось, что я победил, а потом вцеплялся губами в шоколадный батончик и все возвращалось на круги своя.

За разговором Кенсингтон не забывал про свою стряпню, так что вазочка быстро пустела. «Наверное, обжорство — это единственное оставшееся для него удовольствие, — подумал Келли, — обжорство да еще власть над людьми, возможность манипулировать ими по своему усмотрению. Это я понять могу, потому что стремился к тому же, когда хотел стать деревенским мудрецом. Может, он и был таковым, только на более высоком уровне. Мудрец всей страны, а не одной деревни».

— Я очень сожалею о смерти твоего отца, — Кенсингтон добил мороженое.

— Вы его знали?

— Лично — нет, но я много о нем слышал и читал. Не буду говорить, что он был великим человеком, но я знаю, что он бы мне понравился, будь мы знакомы.

— Насколько мне известно, он многим нравился.

— Так что привело тебя ко мне?

— Я хочу выяснить, кто его убил.

— Ага, — Кенсингтон сразу подобрался. Может, подумал он, парень что-то знает, и эти сведения помогут связать все еще болтающиеся свободные концы. — Копы говорят, что его убил Гофф, — осторожно добавил он.

— Он лишь нажал на спусковой крючок, получив за это деньги. Я хочу выяснить, кто ему заплатил.

— Пенри говорил мне, что чуть ли не сотня агентов ФБР шерстят прошлое Гоффа.

— Я знаю. Я сам работал в полиции.

— Тебе нравилась эта работа?

— Мне — да, но мои начальники сочли, что я слишком для нее мягок.

— Так у тебя есть версия?

Келли кивнул.

— Совершенно верно. У меня есть версия.

— И ты собираешься поделиться ею со мной, потому что считаешь, что я могу иметь к ней определенное отношение?

— Именно так.

— Слушаю тебя, сынок.

— Мне придется отнять у вас несколько минут.

— Не волнуйся, времени у меня много.

— У Гоффа не было мотива. Абсолютно никакого мотива. Я навел справки и выяснил, что интересовала его лишь работа в одном из балтиморских супермаркетов да вестерны. Я не говорю, что поработал так же основательно, как ФБР, но знаю наверняка, что Гофф не сумасшедший. Значит, он убил отца за деньги.

— И кто заплатил ему?

— Я думаю, фэбээровцы выяснят, что Гофф был профессиональным наемным убийцей. Но едва ли они найдут того, кто ему заплатил, потому что таких вот профессиональных маклеров, берущих заказы на убийство, поймать практически невозможно.

— Сколько, по-вашему, ему заплатили?

— В Нью-Йорке такое убийство стоит порядка семи-восьми тысяч долларов. В Вашингтоне оно обходится тысяч в десять-одиннадцать.

— А сколько стоит в Нью-Йорке убийство обычного человека? — спросил Кенсингтон, которого всегда интересовали подробности.

— От двухсот пятидесяти до трех тысяч долларов.

— Дешево, однако, ценится жизнь.

— В других странах она еще дешевле.

— Полагаю, у вас есть подозреваемый?

— Двое.

— И кто же?

— Один из них — вы.

— Так я и думал. Почему?

— Биржа. На следующий день после смерти моего отца акции компаний, имеющих контракт с его профсоюзом, начали падать в цене. И падали три дня, потому что никто не знал, будет забастовка или нет. Акции двух компаний падали столь стремительно, что по ним прекратили торги.

— Я это знаю.

— Тот, кто знал, что моего отца должны убить и разбирался в тонкостях биржевой игры, мог продать акции и сорвать крупный куш. Вы продали акции, мистер

Кенсингтон.

— И сколько я заработал?

— Три миллиона плюс-минус двести тысяч.

— Я заработал четыре миллиона двести тысяч, но ты выполнил домашнюю работу на «отлично».

— А как вам моя версия?

— Хорошая версия, но ты не прав. Я продал акции потому, что полагался на собственное суждение. Видишь ли, я не сомневался, что Сэмми Хэнкс побьет твоего отца. Даже после телевизионного фиаско я по-прежнему думал, что Сэмми победит. Никакой дополнительной информации у меня не было, но я мог проследить наметившуюся тенденцию, а состояла она в том, что в последние годы в профсоюзах активно пошла смена поколений: молодежь вышибала стариков. Вот я и решил, что Сэмми выиграет, а его угрозы прибегнуть к забастовке напугают биржу. После той телепередачи никакой реакции не последовало, потому что все думали, что твой отец победит. А когда его убили, а подсчет голосов показал, что этот припадочный стал президентом, многие запаниковали и начали сбрасывать акции. Потому-то я и оказался в большом плюсе. Твое дело, сынок, поверить мне или нет, но все было именно так.

После короткого раздумья Келли кивнул.

— Я вам верю.

— Хорошо. А кто же второй подозреваемый?

— Прежде чем я назову его вам, я хочу выяснить, сделаете ли вы то, о чем я вас попрошу. Короче, мне нужна ваша помощь. Я пошел к Пенри, но он сказал, что без вашего указания у него связаны руки.

— Пенри работает на меня. Если тебе нужно, чтобы он что-то сделал, и я сочту, что это действительно нужно, руки у него тотчас же развяжутся.

— Я хочу узнать движение денег по банковскому счету одного человека. Раздобыть эти сведения мне не под силу.

— Большие суммы?

— Да.

— Поступление на счет или снятие?

— Снятие.

— Ты не думаешь, что это может сделать ФБР?

— Боюсь, у них уйдет на это слишком много времени и они опоздают.

— Назови мне фамилию, и через пятнадцать минут, максимум через полчаса, ты все получишь.

Полчаса спустя Койн Кенсингтон открыл Келли дверь. Тот протянул руку.

— Благодарю вас, мистер Кенсингтон. Я буду держать вас в курсе.

Кенсингтон кивнул, потом почесал лысину.

— Твой отец оставил тебе деньги, сынок?

— Да, немного оставил.

— Ты не хотел бы изучать их вместе со мной?

— Изучать деньги?

— Естественно. Это процесс бесконечный, и научиться можно очень многому, если на то есть желание.

Келли всмотрелся в толстого старика. «Он тоже одинок, — подумал Келли. — Мудрец нации одинок, как и любой другой мудрец».

— Что есть деньги, мистер Кенсингтон?

Старик просиял.

— Ты вернешься. Ты вернешься, когда разберешься с этим, и тогда я тебе все расскажу.

Келли широко улыбнулся.

— Скорее всего вернусь.

Койн Кенсингтон пристально посмотрел на Келли и помрачнел.

— Нет, ты не вернешься.

— Почему?

— Потому что, сынок, чтобы изучать деньги, надо быть жестким человеком, а... — Кенсингтон запнулся.

— Что а?

— А вот жесткости-то тебе и не хватает.

В тот же день, в три часа пополудни, Келли постучался в дверь квартиры шестьсот двенадцать, находящейся в доме, построенном три года тому назад в юго-западном секторе Вашингтона. Дверь открыл мужчина, не брившийся как минимум три дня. Он долго смотрел на Келли, прежде чем пробормотать:

— Тебе следовало позвонить.

— Я решил рискнуть. Понадеялся на то, что застану тебя. Ты занят?

Мужчина покачал головой.

— Нет, я не занят.

— Могу я зайти?

— У меня не прибрано.

— Мне без разницы.

Мужчина пожал плечами.

— Заходи.

В гостиной Келли увидел кофейный столик, на котором, кроме двух пустых водочных бутылок и третьей, заполненной наполовину, четырех смятых пачек из-под «Лаки страйк», двух пепельниц с окурками и трех грязных стаканов, лежал револьвер тридцать восьмого калибра. Мужчина сел рядом с недопитой водочной бутылкой и пистолетом.

— Хочешь выпить? — спросил он, и только тут Келли заметил, что у него заплетается язык.

— Нет, благодарю.

— Ты никогда не любил меня, не так ли, Келли?

— К выпивке это не имеет никакого отношения.

— Ты никогда не любил меня, и твой папашка никогда меня не любил.

— Почему ты это сделал?

— Сделал что?

— Почему ты заказал убийство чифа, Фред?

Рука Фреда Мура метнулась вперед, пальцы сомкнулись на рукояти револьвера. Он положил револьвер себе на колени.

— Я любил его, Келли, — его лицо исказила гримаса. — Я любил его, как...

— Любил, как сын, Фред.

— Зря ты это сказал.

— Сколько это тебе стоило, Фред? Двенадцать тысяч долларов? Именно такую сумму ты снял со своего счета двадцать пятого июля.

— Сэйди собиралась выйти за меня замуж. Мы собирались пожениться.
— Сэйди ничего такого тебе не говорила.
— Не говорила. Но я знал. Я чувствовал.
— То есть ты несколько раз оказался в ее постели, когда у чифа ничего не вставало, и решил, что это любовь? Черт, да чиф все это знал, и Сэйди знала, что ему все известно.
— Он сказал мне... — Мур замолчал. — Он сказал мне...
— И что он сказал тебе, Фред?
Глаза Мура вылезли из орбит, рот перекосясь.
— Он сказал, чтобы я прекратил трахать его жену! — выкрикнул Мур.
— И что говорит Сэйди теперь, после его смерти?
— Она не хочет меня видеть. Не хочет говорить со мной.
— Господи, — Келли вытер вспотевшие ладони о брюки. — К кому ты обращался, Фред? Кому заплатил деньги?
— Гоффу, — ответил Мур. — Трумену Гоффу.
— Это имя ты узнал из газет. Кто нашел его для тебя?
— Я убил Гоффа, — в голосе Мура зазвучала гордость. — Я убил его после того, как он убил Дона. Я убил убийцу Дона.
— Дерьмо ты последнее, — рявкнул Келли. — К кому ты обращался, Фред? Кому платил деньги?
— Биллу, — пробормотал Фред, крепче сжав рукоять револьвера.
— Какому Биллу?
— Просто-Биллу.
— Где ты его нашел?
— По телефонному номеру, который мне назвал какой-то парень в баре. Я его не знаю. Он сказал, что если мне чего нужно, надо позвонить по этому нью-йоркскому номеру в любую среду ровно в десять часов.
— Что за номер?
— Триста восемьдесят два-десять-девятьсто четыре, — ответил Мур. — Код — двести двенадцать.
— Уличный телефон-автомат, — Келли встал. — Пошли, Фред. Я отвезу тебя в полицию.
— Ты не коп. Ты уже не коп.
— Пошли.
Мур внезапно вспомнил о револьвере, что держал в руке. Нацелил его на Келли.
— Никуда я с тобой не пойду, Келли. Ты уже не коп.
— Давай, Фред, нажми на спусковой крючок. И покончим с этим, — он глубоко вздохнул. — Ты же хочешь нарваться на неприятности? Тогда жми на спусковой крючок. Не теряй времени.
Фред Мур посмотрел на револьвер, словно увидел его впервые.
— Они мне его вернули. Питтсбургские копы. Они мне его вернули.
— Пошли, Фред.
— Господи, я не хочу жить! — простонал Мур, и тут его осенило. Он коротко глянул на Келли, затем метнулся через короткий коридор в ванную. Келли услышал, как щелкнул замок.
Келли ждал.
— Тебе больше не придется волноваться из-за меня, Келли, — донеслось из

ванной. — Никому не придется. Я покончу с собой.

Келли ждал.

— Скажи Сэйди. Скажи Сэйди, что я по-прежнему люблю ее.

Келли ждал.

— Я ничтожество! — взвизгнул Мур.

Келли ждал.

— Я ухожу, Келли.

Келли ждал. Молча.

— Я ненавижу этот проклятый мир! — выкрикнул Мур.

Келли прождал еще целую минуту, прежде чем дверь открылась и из ванной, опустив голову, вышел Мур.

— Я не смог, Келли.

— Этого-то я и боялся.

Глава 29

Двадцать шестого октября седоволосый мужчина, который иногда представлялся как Просто-Билл, вышел из своего дома в западной части Пятьдесят седьмой улицы и повернул налево. В правой руке он держал поводок, другой конец которого крепился к ошейнику старого питбуля, который хрипел и кашлял при каждом шаге. В левой руке Просто-Билл нес прямоугольный конверт из плотной бумаги, с маркой и надписанным адресом.

— Пошли, Дам-Дам, — бросил Просто-Билл собаке и не спеша зашагал к почтовому ящику. На полпути он остановился у газетного киоска и купил нью-йоркскую «Дейли ньюс», потому что его внимание привлек аршинный заголовок:

«НАСТОЯЩИЙ» УБИЙЦА КАББИНА «ПОЕТ».

Просто-Билл прочитал заметку, пока Дам-Дам облегался у фонарного столба. По пути к почтовому ящику перебрал в голове приведенные в заметке факты, чтобы понять, выведут они копов на него или нет. И пришел к выводу, что такое просто невозможно. А потому улыбнулся и посмотрел на конверт:

«Мистеру Карлу Сифтестаду. Комната 518. Бензер-Билдинг.
Миннеаполис, Миннесота 55401».

Просто-Билл дважды перечитал адрес, не нашел в нем ни единой ошибки, кивнул, как бы говоря себе, что все в порядке, и бросил конверт в почтовый ящик.